

18+ Герсесов Яков Николаевич

«СВЕТ И ТЕНИ»

«ВИРТУАЛЬНЫХ» МАРШАЛОВ
ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА: ОДНИ ...;
ДРУГИЕ ...; И НАКОНЕЦ, ТЕ, ...

Яков Нерсесов

**«Свет и Тени» «виртуальных»
маршалов генерала
Бонапарта: одни ...;
другие – ...; и наконец, те,...**

«Издательские решения»

Нерсесов Я. Н.

«Свет и Тени» «виртуальных» маршалов генерала Бонапарта:
одни ...; другие – ...; и наконец, те,... / Я. Н. Нерсесов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593451-2

Как только «генерал Бонапарт» стал раздавать маршальские эполеты, люди тут же поделили всех генералов на тех, о ком ехидно зубоскалили «И он, маршал!?» либо на тех, по поводу которого удивленно закатывали глаза «И он, не маршал!?» Нам предстоит познакомиться с теми героями французского оружия наполеоновской эпохи, которые по тем или иным причинам, так никогда и обрели заветного маршальского жезла: одни могли, но так и не стали; другие — не... успели?; и наконец те, кто стали, но уже потом...»

ISBN 978-5-00-593451-2

© Нерсесов Я. Н.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	14
Часть Первая. Они могли, но так и не стали... а другие – просто не... успели?	19
Благородный пасынок Эжен (де Богарне)	19
«...Если бы я потерял Вандама, то не знаю, что бы я отдал, чтобы получить его обратно; но если бы имел двоих, я был бы вынужден приказать расстрелять одного!» (Вандамм)	37
«Если шпага коротка, сделайте шаг вперед!» (Гош)	43
«Он давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал» (Гюденн)	60
«Пусть Альпы служат ему пьедесталом» (Дезе)	65
«Бывалый» (Дюмурье)	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

«Свет и Тени» «виртуальных» маршалов генерала Бонапарта: одни ...; другие – ...; и наконец, те,... Яков Николаевич Нерсесов

Светлой памяти моей дорогой мамочки, Иды Тарасовны Нерсесовой, тихо (!!!) (!!!) до ..., очень достойно прошедшей почти вековой жизненный путь [коллективизация, индустриализация, ВОВ – труженица тыла (лесоовал и лесосплав в Сибири), хрущевский волонтаризм, брежневский «застой», горбачевская «перестройка» и... все остальное], посвящая... скончавшейся во сне за пять дней своего 95-летия более полувека руководившей самым крупным отделом ГМИИ им. А. С. Пушкина до 87 лет (!),

Автор выражает благодарность всем тем, кто помогал в создании этой книги: сотрудникам Ридеро (директору производства М.Э. Рявиной, персональному помощнику А.В. Турушкиной), дизайнеру обложки М.А. Бангерт, своему старинному приятелю, ведущему российскому художнику-иллюстратору Вячеславу Владимировичу Люлько за выразительно-емкую графику и, конечно, своему брату, прекрасному каскадеру и человеку, гражданину США Андрею Дмитриевичу Смирнову (Andrew Smirnoff) за финансовую поддержку в иллюстрировании всех моих книг.

В. В. Люлько *Иллюстратор*

М. А. Бангерт *Дизайнер обложки*

© Яков Николаевич Нерсесов, 2023

© В. В. Люлько, иллюстрации, 2023

© М. А. Бангерт, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-3451-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек растет с детства.

(древнеперсидская поговорка)

Мы живем один раз, но если жить правильно, то одного раза достаточно...

(древнеперсидская поговорка)

«Не дай нам бог жить в эпоху перемен»

(древневосточная мудрость)

Все дело в мгновении: оно определяет жизнь

(Кафка)

Мой долг передать все, что мне известно, но, конечно, верить всему не обязательно...

(Геродот)

Свет показывает тень, а правда – загадку

(древнеперсидская поговорка)

«Мысль любит тишину»

(сугубо авторское «оценочное» суждение)

Так говорил () Наполеон о «героях» этой книги или, они – о «нем»: либо ему это приписывают!?

«Мы все совершали ошибки. Евгений – единственный, кто их не наделал» (Наполеон об Эжене де Богарнэ после похода в Россию в 1812 г.)

«Я скорее пожертвую своим будущим счастьем и благодеянием моей семьи, нежели нарушу данную клятву» (ответ Эжена на предложение его тестя, баварского короля перейти на сторону союзников в 1813 г.)

«Эжен – умелый администратор и человек высоких достоинств. Однако он, конечно, не гений. Ему не хватает твердости характера, которая отличает великих людей» (Наполеон о своем экс-пасынке)

«Это был крупный человек. Такие люди встречаются все реже и реже. Вот человечество стало беднее еще на одну незаурядную личность» (Гете об Эжене де Богарнэ после его смерти)

«Если бы мне было нужно переступить через пропасть, он один протянул бы мне руку» (Наполеон о своем пасынке)

«...Если бы я потерял Вандама, то не знаю, что бы я отдал, чтобы получить его обратно; но если бы имел двоих, я был бы вынужден приказать расстрелять одного!» (Наполеон о Вандамме)

(«Зато меня никогда не обвинят в том, что я убил своего отца» якобы так ответил Вандамм – Александру I)

«Я поручил-бы ему командовать авангардом в случае наступления на Люцифера в Аду» (Наполеон о Вандамме)

«Если меч короток – нужно только сделать лишний шаг» (Si le glaive est court – il fait seulement faire le pas superflu) (наступательная военная доктрина генерала Гоша)

«... Самая длинная сабля и самая короткая речь» (мнение современников о Гоше)

«Вот пехотный лейтенант, который пойдет очень далеко!» (военный министр Карно о Гоше)

«Человечество и мы все потеряли искреннего друга, победа – своего сына, отечество – защитника, республика – опору» (надгробная речь генерала Лефевра над телом Гоша)

«Он давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал» (Gudin il-y-a longtemps a reçu déjà la baguette du marechal, si on pouvait distribuer ces baguettes a tous, qui les a merite) (Наполеон о Гюденне)

«Я убежден, что Моро никогда не совершит ничего великого, и что мы рядом с ним никогда не будем играть сколько-нибудь значительной роли, между тем, как Бонапарт будет покрыт такой славой, что часть ее, несомненно, упадет на его помощников!» (Дезе – Сен-Сир)

«Я хотел атаковать Меласа. Но он напал на нас первым. Бога ради, возвращайся скорее, если сможешь!» (Послание-мольба Наполеона к Дезе после того как он понял, что проигрывает неожиданно для него начавшееся сражение при Маренго)

«Сражение проиграно» (Бонапарт, явившемуся на поле боя Маренго Дезе)

«Это сражение проиграно, но теперь всего лишь 3 часа, и у нас есть еще время, чтобы выиграть другое» (ответ Дезе – Наполеону)

«Первое сражение проиграно, но теперь всего лишь 3 часа и у нас есть еще время выиграть второе» (вариант ответа Дезе – Наполеону)

«Мы давно не сражались в Европе и ядра от нас отвыкли»... (Дезе утром перед битвой при Маренго своим соратникам)

«Это – смерть»... (предсмертные слова Дезе)

«Скройте от солдат мою смерть, это может помешать успеху» (Последние слова смертельно раненного Дезе)

«Я в глубочайшей скорби по поводу смерти человека, которого я любил и уважал больше всех» (Наполеон о смерти Дезе)

«Пусть Альпы, служат пьедесталом его памятника и святые отцы – хранителями его могилы» (Наполеон, приказав похоронить Дезе на вершине Альп, в монастыре Сен-Бернар)

«Из всех моих помощников на поле боя, именно они были самыми выдающимися. Оба они оказали великие и редкие услуги Франции, хотя они по характеру и по основному устремлению были глубоко различны. Талант Клебера был создан природой. Талант Дезе был целиком делом воспитания и работы. Гений Клебера вспыхивал лишь моментами, когда его пробуждала важность обстоятельств. Потом Клебер засыпал немедленно на лоне томной неги и удовольствий. Талант Дезе был на страже каждое мгновение. Он жил и дышал лишь самым благородным честолюбием и самой настоящей славой» (Наполеон о Дезе и Клебере)

«О, как прекрасен был бы этот день, если бы я мог сейчас обнять Дезе!» (Наполеон о смерти Дезе)

«Я скоро буду в Париже. Ничего не могу сказать вам более. Я испытываю самую острую боль от потери человека, которого любил и ценил более кого-либо» (Наполеон в письме своим коллегам по консулату)

«Дезе! Дезе! Ах, решается судьба победы!» (Шепот Наполеона в предсмертной агонии в ссылке на о. Св. Елены?)

«Умственные способности, таланты, энергия в Польше от мужчин перешли к женщинам. Женщины ведут дела, а мужчины ведут чувственную жизнь» (Дюмурье о поляках)

«Это превосходные солдаты, но у них мало хороших офицеров, исключая возжей» (Дюмурье о русских)

() «Отважный генерал» Général audacieux (прозвище Дюпона)

«Это будет победная прогулка!» (Дюпон о своем назначении на Пирнейский п-в)

«У него даже больше войск, чем ему нужно» (Бонапарт, посылая Дюпона на Пирнейский п-в)

«Он опозорил наши знамена, опозорил армию! Если армия, в которой слаба дисциплина, крадет церковную утварь – это еще как-то можно себе представить; как можно в этом признаваться!?» (реакция Наполеон на поражение и капитуляцию в Байленне Дюпона)

«Мало есть примеров поведения, столь несообразного со всеми правилами военного дела. Генерал Дюпон, который не сумел направить движения своей армии, впоследствии обнаружил в переговорах еще менее политической твердости и искусства. Он, как Сабиний Титурий, был увлечен в погибель другим Амбиориксом. Но римские солдаты были счастливее наших: они пали все с оружием в руках!» (Наполеон – в парижском «Мониторе» о причинах позора Дюпона)

«Мне легче было бы узнать о гибели, чем о позоре. Эту недостойную трусость можно объяснить лишь страхом потерять награбленное!» <<...>> «Лучше всем солдатам пасть, пасть всем до одного с оружием в руках!» <<...>> «Они все должны были дать себя убить» (категоричное резюме Наполеона о поражении войск Дюпона под Байленном)

«Мы потеряли Пирнейский полуостров из-за того, что Дюпон хотел спасти свои фуры, с награбленной утварью!» (Наполеон на острове Св. Елены о поражении Дюпона под Байленном)

«Несчастный Дюпон! После таких блестящих успехов в один день погубил всю карьеру» (Durent malheureux! Apres tels brillants succes un jour a perdu toute la carriere) (Наполеон о Дюпоне после капитуляции последнего в Байленне)

«Поражение Дюпона было скорее военной неудачей, нежели преступлением...» (Наполеон, уже на о. Святой Елены, о поражении Дюпона)

«Вперед! Вперед! Да здравствует Республика!» («En avant! En avant! Vive la République») (девиз Жубера, его клич – своим войскам)

«Жубер, по храбрости своей был настоящий гренадёр, а по знанию дела и военным способностям – отличный генерал» (Joubert, selon le courage il y avait un present grenadier, mais selon la connaissance de l, affaire et les capacités militaires – le general excellent) (характеристика Жубера Наполеоном после Итальянской кампании 1796—97 гг.)

«...неустранимый, осмотрительный, деятельный генерал, которого всегда можно было видеть во главе атакующих колонн» (реляция Наполеона для Директории о Жубере)

«Мне, если только захотеть, достаточно двадцати гренадеров, чтобы со всем этим покончить» (слова Жубера, якобы сказанные им Съейесу при обсуждении его участия в перевороте)

«Дайте мне 20 гренадер, и я в любой момент покончу со всеми!» (Жубер – Съейесу о возможности покончить с «адвокатишками» столь малыми силами)

«Бонапарт именовал его своим наследником» (Суворов – императору Павлу I о Жубере)

«Ну, вот и юный Жубер пришел учиться? Ну что ж, дадим и ему урок!» (Суворов о Жубере перед битвой при Нови)

«Вперед друзья! Тверже шаг...» («Camarades, marchez toujours!») (предсмертные слова Жубера?)

«Наступайте, всегда наступайте!» («Marches, marches toujours!») (последние слова Жубера перед смертью?)

«... доверенность войск имевший и храбростию славившийся» (Суворов – после победы при Нови о Жубере)

«... фортуна – женищина, и не знаю, почему я ей не доверяю...» (Жубер – своему отцу)

() «Жюно-буря» Junot la Tempête (прозвище Жюно)

«Если бы мне пришлось мстить за всех рогоносцев моего двора, у меня не было бы времени заниматься делами Европы!» (Наполеон – Жюно на жалобу того, что его супруга-нимфоманка изменяет ему со всеми подряд)

«Маршальский жезл уже почти твой! Русские пропали! Вот прекрасный случай. Удача сама идет к тебе в руки!» (Совет Мюрата – Жюно не мешкать в бою при Валутиной Горе близ Смоленска)

«Ну, все! „Буря“ окончательно распрощался с надеждой на маршальство!» (реакция Бонапарта на промахи Жюно в боях под Валутиной Горой в августе 1812 г. своему генерал-адъютанту Раппу)

«» Жюно упустил русских. Из-за него я теряю кампанию (Наполеон о Жюно после боев под Валутиной Горой)

«Это был храбрый парень, этот Жюно. Он ходил в огонь, как на бал» (Наполеон – на известие о смерти Жюно)

«Сделайте одолжение, уведомите меня, в чём дело. Я решился, генерал, следовать за вами повсюду; последую за вами и во Францию; я не хочу никому более повиноваться как вам одному» (Клебер – Наполеону в ходе слухов о начале «неладов» в Париже пока они воюют в Египте)

«Генерал, Вы велики как мир!» (Наполеон, обнимая Клебера, после победы при Фаворе в Египте)

«Никто не бывал так хорош в огне, как Клебер!» (Наполеон о Клебере)

«Когда я видел Клебера на лошади, перед глазами моими всегда вставали герои Гомера!» (Наполеон о Клебере)

«Генерал Клебер своей статью и яркой внешностью невольно наводил на сравнение с богом войны» (Мармон о Клебере)

«Генерал Клебер может быть назван одним из лучших генералов Революции после Бонапарта и Моро» (Знаменитый военный теоретик той поры Жомини о Клебере)

(Le général hussard), (исп. Pícaro —) «Гусарский генерал» «Пикаро» плут (прозвища Лассалья)

«Битву при Риволи выиграли Массена, Жубер, Лассаль и...» я (Наполеон)

() «Генерал, мы в расчёте» Général, nous sommes quittes (Мюрат – Лассалю, когда они поочередно спасли друг другу жизнь в «кавалерийской карусели» под Гейльсбергом)

() «Гусар, который не курит – дрянной солдат» Un hussard qui ne fume pas est un mauvais soldat (Лассаль)

«Моё сердце – для тебя, моя кровь – для Императора, а моя жизнь – для чести» (Mon coeur est a toi, mon sang a l'Empereur, ma vie a l'Honneur) (последнее письмо Лассалья своей супруге)

() «Я не выживу в этот день» Je ne survivrai pas à cette journée (Лассаль – своему адъютанту, командиру эскадрона Коэтлоке перед битвой при Ваграме)

как еще порой, „трактуют“ это в популярной литературе!)» () «Гусар, который не убит в 30 лет – не гусар, а слабак (или дрянь либо дерьмо, Tout hussard qui n'est pas mort à trente ans est un jean-foutre (Лассаль?)

«Kaewewa» (Всадник, внушающий страх) (индейское прозвище Лафайета)

«Этот молодой сумасшедший маркиз де Ла Файет, который, не довольствуясь тем, что открыл Америке своё сердце, открыл ей и свой кошелек (Бомарше о Лафайете)

«Нет, танцевать с вами не буду! Вы слишком неловки!» Я (Мария-Антуаннета – Лафайету)

«...» лучшие смерть, чем помощь Лафайета (Мария-Антуаннета о Лафайете)

«Новый Кромвель» (Законодательное собрание Франции о Лафайете в июне 1792 г.)

«Герой Нового и Старого света» (прозвище Лафайета среди своих)

«Мне не нравится общее направление Вашего режима!» (Лафайет – Наполеону)

«Его место остается вакантным – место честного человека» (Гейне о своем друге – Лафайете)

«Если мы будем действовать согласованно, Сульт со стороны Гларуса, Мортье со стороны Муттенталя, а я со стороны Шехенталя, мы заставим Суворова околеть в горах». (Лекурб – Массена о ситуации с Суворовым в Муттентальской долине)

«Если горы для него и были губительны, то они, по крайней мере, помогли ему увести остатки своих войск. На равнине он был бы полностью разбит, окружен со всех сторон, его бы атаковали с фронта, тогда как его открытые фланги были бы раздавлены» последнем [Лекурб, о маневре «русского Марса» – une belle retraite (прекрасном отступлении) из Муттентальской долины, где ему «оставили» (?) проход лишь через высокогорный Паникс, чем старик прекрасно воспользовался, уйдя в Бессмертие непобежденным].

«...был бы „превосходным маршалом Франции“» (Наполеон о Лекурбе, уже будучи на острове Св. Елены)

«Лев французской армии» (прозвище Марсо)

«Отчизна установила наш пост на границе, не повернёмся к врагу спиной!» (La Patrie a établi notre poste a la frontiere, nous n, aurons pas tourne le dos vers l, ennemi) (Марсо – соратникам)

«Я счастлив умереть за родину!» (смертельно раненый Марсо – Бернадотту и Журдану)

«...Он поражал душевной чистотой. За это и любил его солдат простой.» **(Байрон о Марсо)**

(т. е. Шерера); «Мало славы было бы разбить шарлатана лавры, которые мы похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть!» **(Суворов перед битвой на реке Адде с Моро)**

«Этот мальчик понимает меня, старика! Приятно иметь дело с таким умницей...» **(Суворов о Моро в ходе битвы при Нови)**

«...меня несколько понимает, но я его – лучше» **(Суворов о Моро)**

«генерал искусных ретирад» **(Суворов о Моро)**

«... совершенно очевидно, что Пишегрю предал интересы и доверие всей Франции...» **(Моро – армии, извещая ее о предательстве Пишегрю)**

«Вот тот, кто вам нужен! Он устроит вам переворот получше, чем я!» **(Моро – Съейесу на известие о высадке «ретировавшегося-бежавшего» из Египта Бонапарта во Францию)**

«Я устал от ига этих адвокатов, которые губят республику; предлагаю вам поддержку для ее спасения!» **(Моро – Наполеону перед переворотом в пользу последнего)**

«... мы сможем ему помешать» **(Моро – Бернадотту на вопрос, что будет, если Бонапарт вознамерится задушить республику)**

«Я поведу в бой только ту армию, которую я сформировал лично и, которая будет действовать в соответствии с моей диспозицией, так как я считаю, что лучшие всего исполняются планы, которые ты сам разработал» **(Моро – Наполеону на план последнего войны с Австрией в 1800 г.)**

«Мое положение тогда было еще недостаточно прочным, чтобы идти на открытый разрыв с человеком, имевшим многочисленных сторонников в армии и которому только не хватало энергии, чтобы попытаться занять мое место. С ним необходимо было обходиться как с самостоятельной силой, какую он, собственно, и представлял в то время» **(«резюме» Наполеона на решение Моро воевать по-своему)**

«Ну что же, пусть ваш несговорчивый шеф поступает, как знает! Возможно, со временем ему придется пожалеть о славе, которую он мне оставил...» **(Наполеон – начштаба Моро, генералу Дессолю)**

«Я бы с удовольствием променял пурпурную мантию первого консула на эполеты командира бригады под вашим командованием» **(Наполеон – Моро после первых успехов того в начале его кампании против австрийцев Края весной 1800 г.)**

«...По своей природе он (Моро) обладал хорошим характером, но находился под большим влиянием своей жены и тещи, которые составляли пару больших интриганок... Я рекомендовал Моро жениться на его будущей супруге по настоянию Жозефины, которая любила ее, потому что та была тоже креолкой...» **(Наполеон)**

«Он не меняется, и – всегда на поводу у тех, кто хочет им управлять. Вот и сейчас эта сумасшедшая старуха держит его на коротком поводке. ... Эта теща-капрал с орехоколкой вместо рта – страшной чумы...» **(Наполеон о теще Моро)**

«Против Бонапарта – да, за Бурбонов – нет» **(Моро)**

«Декан, генерал Моро плохо себя ведет. Я буду вынужден удалить его из Франции» **(Наполеон – генералу Декану)**

«Это генерал Монк! Он восстановит трон Бурбонов!» **(роялисты о Моро)**

«Если бы я был Моро, то сегодня же ночевал бы в Тюильри!» **(Жорж Кадудаль)**

«Лично я ни о чем не просил. Это сделала моя жена» **(реакция Моро на изгнание именно в США)**

«Теперь он пойдет по дороге вправо. Он кончит тем, что придет к нашим врагам» **(Наполеон вслед эмигрировавшему в Америку Моро)**

«...Похоже дела с русскими идут не так быстро, как с пруссаками» (реакция Моро на Эйлаусскую «ничью» Бонапарта)

«Я останусь здесь до конца жизни, передавай привет всем родным и скажи им, что я больше не надеюсь увидеть их» (Моро – братьям из-за Нью-Йорка)

«Вся русская кампания есть не что иное, как одна сплошная и грубая ошибка... Он играет в войну, как испорченный ребенок, которому его звезда разрешает все, но, кажется, Полярная звезда направила его по ложному пути» (Моро о Русском походе Бонапарта в 1812 г.)

«Это тактика сумасшедшего, он не сможет больше побеждать, не положив на поле брани массы людей. Сражения, которые он дает, представляют собой настоящую мясорубку» (Моро о победах Наполеона в начале Саксонской кампании 1813 г.)

«...судя по вялости обороны, Наполеона здесь нет, и мы имеем дело только с частью его армии» (Моро – о ходе первого дня сражения под Дрезденом в 1813 г.)

«...В сражении под Дрезденом, три дня тому назад, пушечное ядро оторвало мне обе ноги. Этому мошеннику Бонапарту вечно везет...» (смертельно раненный Моро в последнем письме своей жене)

«Что касается разработки концептуальных планов и проведения масштабных операций, Бонапарту нет равных; но если речь идет о методических боевых действиях на конкретном театре, о своего рода шахматной партии, то это совсем другое дело. Здесь я считаю себя выше его» (Моро о Наполеоне)

«... как генерал, Пишегрю был гораздо более талантлив, чем Моро!» (Наполеон)

«Он был превосходный солдат; лично храбр; мог повести за собой небольшую армию (дивизию), но не был стратегом, без чего нельзя претендовать на славу великого полководца» (Наполеон о Моро)

«Мне не в чем себя упрекнуть...» (последние слова Моро)

«Служить под моим командованием не было бедствием даже на поле боя» (Моро)

«Спаситель Отечества» (прозвище Пишегрю от Конвента)

«Ваши Люксембургский дворец – это не Бастилия. Стоит мне сесть на лошадь, – и через четверть часа все будет кончено!» (угроза Пишегрю одному из членов Директории в конце лета 1797 г.)

«Когда я предстану перед судьями. Мне будет приятнее сказать правду, в том числе и в интересах моей родины» (ответ Пишегрю на допросе)

«... Способнейший генерал Республики (le general le plus capable de la Republique) (слова Наполеона о Пишегрю – доктору О`Меара, на о-ве Святой Елены)

) «Рыцарь без страха и упрека» (Chevalier sans peur et sans reproches (прозвище Сент-Илера)

«Я не могу нахвалиться генералом (Сент-Илером), который не отчаивался ни минуты за день» (Даву – Наполеону после боев под Тенгеном)

«Сент-Илер был генералом при Кастильоне в 1796 г., у него был рыцарский характер; он был добрым и хорошим другом, хорошим братом, хорошим родителем; он был весь изранен, он любил Наполеона с осады Тулона. Его называли Рыцарем без страха и упрека, намекая на Баярда» (Наполеон о Сент-Илере, уже будучи на острове Св. Елены)

«Из людей такой пробы я делаю моих маршалов!» (Наполеон об Эскорше)

«Он напоминает мне маршала Ланна и генерала Дезе, поэтому, если только гром не сразит его, Франция и Европа будут потрясены той карьерой, которую я планирую для него» (Наполеон об Эскорше – спецпредставителю русского царя Александра I Чернышеву)

«Бурмон – одна из моих ошибок» (Bourmont est une de mes erreurs) (Наполеон)

«Передайте изменнику Бурмону, что я его теперь считаю собачим дерьмом» (Блюхер о перебежчике в его лагерь в канун битвы при Линьи)

(«Современный Вобан» (*Vauban de temps modernes*) прозвище Дод де ла Брюнери)

(«Наполеон отрёкся от престола, а Людовик XVIII-й уехал из Франции без отречения» (*Napoleon avait abdique, et Louis XVIII, au contraire etait sorti de France sans le faire*). Дод де ла Брюнери о своем отказе перейти на сторону вернувшегося с Эльбы Наполеона)

«храбрый молодой человек» (*brave jeune homme*) (Наполеон о Каstellлане)

«Чернильный маршал» (*Marechal d'Ancre*) (прозвище Кларка)

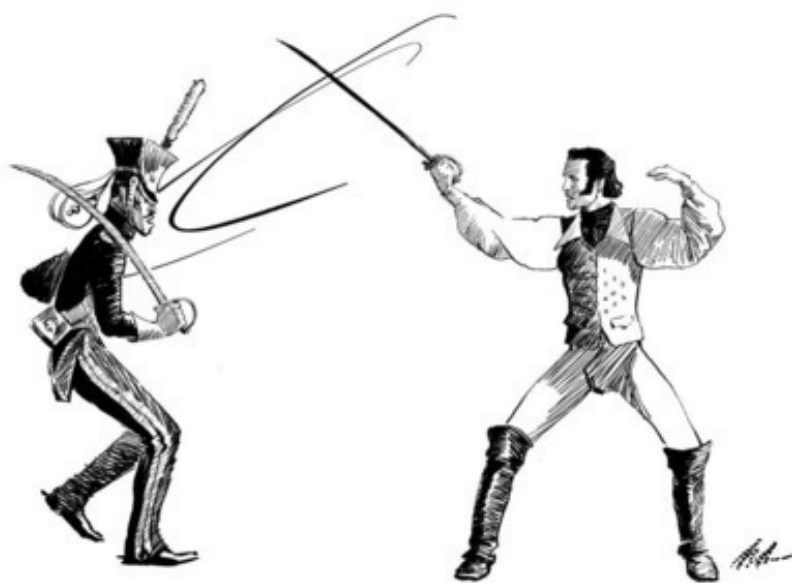
«Кларк – мерзкий человек; мне говорили, но я не хотел этому верить» (*Clarke est un vilain homme; on me l, avait dit; mais je n, aurais pas voulu le croire*) (Наполеон о Кларке после известия о сдаче Парижа)

«Кларк не тот человек, которого природа наделила талантом, но он усерден и полезен в канцелярии. <<...>> ...но он не солдат. Я не думаю, что он когда-либо в своей жизни был свидетелем выстрела.» (Наполеон – на о-ве Св. Елены)

« (le mouton – баран) – » Мой Мутон лев (Наполеон о Мутоне)

() «Лев Роканкура» *Le Lion de Rocquencourt* (прозвище Эксельманса)

«Я уверен, что невозможно быть храбрее вас» (*Je suis sur qu, est impossible d`etre plus brave que vous*) (Наполеон – Эксельмансу после боя под Вертингеном)

Вместо предисловия

Вполне понятно, что как только «генерал Бонапарт» стал раздавать маршальские эполеты, люди тут же поделили всех генералов на тех, о ком ехидно зубоскалили «И он, маршал!?!» либо на тех, по поводу которого удивленно закатывали глаза «И он, не маршал!?!».

Так или иначе, но теперь нам предстоит познакомиться с теми героями французского оружия наполеоновской эпохи, которые по тем или иным причинам, порой не зависящим от них, так никогда и обрели заветного маршальского жезла: одни ; другие – не... успели?; и наконец те, ...» *могли, но так и не стали кто стали, но уже потом*

Среди историков-наполеоноведов бытует мнение, что согласно негласному циркуляру по наполеоновской армии времен империи генералам, не командовавшим пехотными корпусами маршальское звание не давать!

Если это так, то воякам-бедолагам – дивизионным генералам-кавалеристам и артиллеристам – приходилось ждать... пока не выйдет из строя их корпусной начальник. Получалось, что через голову вышестоящего военачальника прыгать не позволяла армейская кастовость и субординация.

Так это или не так, но целая «декурия» блестящих генерал-полковников от кавалерии (Арриги, Думерк, Огюст Коленкур (родной брат дипломата Армана Коленкура), Лассаль, Латур-Мобур, Лорж, Мильо, Монбрен, Келлерман-младший, Пажоль, Экзельманс, д'Эспань и др.) и артиллерии (Друо, Сорбье, д'Антуар, Фуше и др.), доблестно и непрерывно сражавшихся на всех «фронтах» Последнего Демона Войны, так и осталась без вполне заслуженного вожделенного маршальского жезла.

Правда, если для маршальские эполеты были нереальны , то среди ближе всех к ним все же были д'Эспань, Лассаль и Нансути. По крайней мере, так полагает большинство историков-наполеоноведов. **артиллеристов кавалеристов** (*и это при том, что сам Бонапарт был блестящий математик-артиллерист в 99-й степени!*) (*лихих наездников он и вовсе считал людьми не очень-то тягощными умом и специальными знаниями!*)

Вот лишь некоторые штрихи к портретам этих удалых вояк...

Претендовавший на маршальство, по крайней мере, по слухам, блестящий кирасирский генерал-полковник погиб в кровавой схватке под Асперном и Эсслингом. **д'Эспань**

Любимец парижских дам, ветеран революционных войн, герой Прусской, Польской и Испанской кампаний, отчаянный смельчак и дуэлянт, лучшая сабля французской легкой кавалерии, дивизионный генерал-полковник , со дня на день ожидавший вручения маршальского жезла, погиб в одной из самых последних схваток битвы при Ваграме. Шальная австрийская пуля сразила его наповал. **де Лассаль**

... удалой гусар Лассаль как-то раз запальчиво воскликнул: «Гусар, который не убит в 30 лет, не гусар, а слабак!» Самому ему было немногим более 30, когда он погиб. Эту знаменитую фразу с легкой руки одного очень популярного в России отечественного «наполеоведа» долгое время ошибочно приписывали маршалу Ланну – другому храбrecу! Но он, в отличие от Нея, Ожеро, Келлермана-старшего и Груши никогда не служил в гусарах, как это также нередко утверждается в русской литературе – от Е. Тарле до Н. Троицкого. На самом деле лихой вояка Ланн действительно когда-то сказал нечто похожее: . Не исключено, что именно использование одного и того же выражения могло породить путаницу в авторстве первой вышеприведенной фразы. Гибель Лассалья стала невосполнимой утратой для Наполеона... **Кстати сказать, слабак «Гусар, который не убит в 30 лет, не гусар, а слабак!» «Те, кто утверждал, что никогда не испытывал страха, лгуны или слабаки»**

А вот другой пример!

Так, один из самых ярких французских кавалеристов, потомственный дворянин и военный, драгунский генерал-полковник, начал свою карьеру уже после революции в армии генерала Моро, у которого стал бригадным генералом. Потом он оказывается под началом маршалов Мортье и Нея, где будучи командиром тяжелой кавалерии (кирасиры и карабинеры), окончательно утверждается как блестящий мастер удара «окованным железным кулаком». Именно его могучие кирасиры вместе с гвардейской кавалерией Мюрата и Бессьера обратили вспять любимцев петербургских и московских дам – красавцев-кавалергардов – в знаменитой встречной атаке в легендарной битве под Аустерлицем. Бесстрашная элита русской кавалерии, тогда понесла потери (хотя и не полегла, как это порой утверждается в популярной литературе, костями на поле боя!), но чести русского оружия не посрамила: знамена русской гвардии сохранила. Нансути прошел все наполеоновские войны, участвовал почти во всех крупнейших сражениях – Аустерлиц, Йена, Фридрихсбург, Бородино, Лютцен, Бауцен, Дрезден и Лейпциг. Ставший к концу жизни шефом всех драгун, Нансути блеснул талантом кавалерийского военачальника при Бородино и в битвах кампании 1813 г., но всего этого оказалось недостаточно для получения заветного маршальского жезла. **Нансути**

Казалось, легче всего стать маршалами было бы пехотным генерал-полковникам, командирам армейских корпусов, тем более, что среди них имелись стоящие претенденты.

Одно время главным претендентом на маршальство среди генераловот инфантерии считался первоклассный генерал. После блестяще проведенной Экмюльской операции, сам Бонапарт, восхищенный его отвагой и полководческим дарованием вроде бы пообещал ему маршальский жезл по окончании войны с австрийцами в 1809 г. Но доблестному Сент-Иллеру не повезло: закололи в следующем же бою – в штыковой контратаке под Эсслингом. **де Сент-Иллер**

Столь же высоко котировались шансы и другого, блестящего инфантериста – . Безусловно, Вандам был заслуженным генералом достойно прошедшим все революционные и наполеоновские войны, Возможно, лишь его отвратительный характер помешал ему в свое время стать маршалом. О его резкости, бесцеремонности ходили легенды. Так, посчитав, что в 1809 г. после победного Ваграма Наполеон обошел его маршальством, а сделал маршалами Макдональда, Удино и своего однокашника по училищу Мармона, Вандам не находил себе места от гнева и злобы на счастливых и особенно на их благодетеля. Взбешенный Доминик орал, что Бонапарт всего лишь «трус, мошенник и лжец» и без его «вандаммовой» помощи «по-прежнему бы... пас свиней на своей с... ной Корсике!» В ходе поначалу удачно складывавшейся для Бонапарта кампании 1813 г. именно Вандамму судьба дала шанс схватить «жарптицу» -маршальский жезл за хвост. Его 37-тысячный (есть и др. данные о его численности) корпус был брошен Бонапартом в тыл отступавшей деморализованной после поражения под Дрезденом армии Шварценберга. Ему следовало немедленно добить разгромленного врага. Всем казалось, что храбрый генерал справится с поставленной ему лично императором задачей и... маршальские эполеты наконец-то украсят его широкие плечи. **Вандамма** (*генеральские эполеты ему вручили в 22 года!*),

Но «капризная девка» Фортуна рассудила иначе: потеряв под Кульмом 22 тыс. убитыми, ранеными и пленными, оказавшись еще к тому же в плену, Вандам навсегда лишился надежд на маршалат!

Более того, Вандам на допросе у самого российского императора не изменил себе и в ответ на обличение его солдат в мародерстве и разбое, якобы ответил в крайне резкой форме: «Я не разбойник и не грабитель! И уж, во всяком случае, ни мои современники, ни будущие поколения не смогут упрекнуть меня в том, что я обагрив руки кровью своего отца!» За такую бестактность к особе Царя Вся Руси, храбрец-наглец «загремел» в захолустную Вязьму. И о маршальских эполетах уже точно не могло идти и речи...

Один из лучших дивизионных генералов Даву —слыл большим мастером горной войны и доблестно сражался еще с самим Суворовым в Альпах за Сен-Готард. Он принимал участие почти во всех наполеоновских походах, став героем сражений при Аустерлице, Ауэрштадте, Прейсиш-Эйлау и Ваграме. Теоретически он мог бы стать маршалом, но для этого ему было нужно выйти из-под начальства Даву, в корпусе которого он прослужил очень много лет. Для Даву Гюденн был абсолютно незаменим и «железный маршал» никогда бы на это не пошел. Героическая смерть последнего в ходе Русской кампании 1812 г. в боях под Валутиной Горой расставила все по своим местам. **де ла Гюденн –**

Были шансы стать маршалом и у другого большого мастера горной войны, генерала, популярного генерала , но он вместе с Моро подвергся судебному преследованию за откровенно республиканские взгляды, когда на дворе уже «царил» Первый консул Наполеон Бонапарт и его изгнали из армии в расцвете лет и таланта – в 45 лет. Сам Бонапарт снова призвал его в армию. Но это случилось после 10 лет вынужденного простоя, уже во времена «Ста дней», когда Последний Бог Войны остро нуждался в первоклассных офицерах высшего ранга. Лекурб полностью оправдал надежды Бонапарта, сдержав превосходящие 45-тысячные силы австрийцев Коллоредо на юго-восточной, швейцарской границе и уже на острове Св. Елены Наполеон открыто признавал, что Лекурб, покинувший это мир вскоре после Ватерлоо, был бы «превосходным маршалом Франции». **Лекурба**

В какой-то момент всем могло показаться, что очередным маршалом империи может стать корпусной командир генерал-полковник . Его военная карьера началась еще в 1791 г. Уже через год он отличается в легендарной битве при Вальми, а еще через год становится бригадным генералом – блестящее начало для не достигшего 30-летия Пьера-Антуана. В 1800 г. он оказывается в генеральном штабе самого Бертье и под Маренго. В составе корпуса маршала Нея Дюпон прекрасно воюет под Ульмом и Аустерлицем. Благодаря Дюпону Наполеон сумел избежать больших неприятностей в самом начале той кампании. После победоносной кампании 1805 г. на Дюпона обратил внимание сам Бонапарт. В шедевральном сражении Наполеона под Фридрихсдорфом в 1807 г. именно он отменно действует в ходе прорыва Неем левого фланга Багратиона и штыками сбрасывает русскую гвардию Великого князя Константина Павловича в побуревшие от русской крови воды Алле. **Дюпон**

После этого репутация Дюпона в глазах императора возросла еще сильнее и в следующей войне в Испании ему уже доверяют ответственную самостоятельную операцию в Андалусии. В случае успеха сам император вроде бы пообещал генералу маршальство. А потом случилось непредвиденное или, как говорят о подобном сами французы – *a la guerre – comme a la guerre*. 21 июля 1808 г. ок. 10 тыс. солдат Пьера Дюпона с 18 орудиями, отягощенные огромным обозом по слухам с награбленным добром), оказавшись окруженным испанскими полками генерала Кастеньоса, общей численностью в 32 тыс. человек, вынуждены были сдаться в чистом поле под Байленом. *(в том числе, большим количеством драгоценной церковной утвари*

Правда, историки склонны считать, что не все в этой истории так уж прозрачно, как это потом захотела представить общественности наполеоновская пропаганда. Целый ряд неблагоприятных факторов оказался тогда против Дюпона. Так, качество его войск оставляло желать лучшего: в основном, это были необстрелянные новобранцы, плохо понимавшие, что такое война! К тому же, царил жуткая 38 градусная жара в... тени! Более того, не известно, где бродила, шедшая ему на помощь, 5-тысячная дивизия генерала Веделя. По разным причинам преодолеть все обрушившиеся на него трудности «без пяти минут маршал» Пьер-Антуан Дюпон граф де л'Этан так и не сумел. А ведь он был весьма умелым дивизионным генералом, прекрасно зарекомендовавшим себя под Аустерлицем и особенно под Фридрихсдорфом, где без приказа сверху поддержал в критический момент атаку Нея. Но, как оказалось, самостоятельная «ноша» ему не по плечу: он промедлил с отходом и раздробил свои силы перед лицом численно превосходящего врага. Большинство пленных французов погибло в тюрьме; на родину верну-

лись лишь генералы и старшие офицеры. Такого большого позора со столь большими частями императорской армии Наполеона прежде не случалось!

Вести о Байленской катастрофе наполеоновского генерала – оказалось, и французы могут капитулировать! – со стремительной радостью разнеслись по всей Европе. Еще чуть-чуть и побежденные народы начнут «шевелиться»! Наполеон, получив это унижительное сообщение, пришел в такое бешенство, что чуть ли не с кулаками бросался на свитских генералов: «Он опозорил наши знамена, опозорил армию! Если армия, в которой слаба дисциплина, крадет церковную утварь – это еще как-то можно себе представить; как можно в этом признаваться!?» Придя в себя, французский император не скрывал желаний, как бы ему по круче расправиться с «главным виновником» фиаско под Байленом. Никакие объективные причины провала его столь котировавшегося ранее генерала он не принимал во внимание. Чего он только не обещал бедолаге Дюпону, в частности: «Они должны были дать себя убить!» Байленская катастрофа, в которой по большому был виноват не один лишь генерал Дюпон, поставила жирный крест на дальнейшей военной карьере этого в целом не бесталанного военачальника.

Для поддержания императорского престижа необходим был виновник Байленского фиаско. Дюпона, как крайнего, что порой случается на войне, сделали «козлом отпущения», обвинив во всех смертных грехах: коррупции, подлости, бездеятельности, предательстве, халатности и т. п. На таких как генерал Дюпон, можно было списать все последствия роковой ошибки самого императора французов, необдуманно ввязавшегося в испанскую авантюру.

Пьер-Антуан Дюпон – лишенный всех чинов, званий и титулов, участник Вальми, Маренго, Ульма, Аустерлица и Фридлянда – надолго загребел на родине в тюрьму. Ничего изменить в приговоре истории он уже не смог: капитулянт, предатель и трус. Его имя так и не появилось в списках вечной славы французского оружия на Триумфальной арке...

Одно время всерьез полагали, что очередным маршалом может стать бригадный (!) генерал. Это конкретно предрекал ему сам Бонапарт: «Из людей такой пробы я делаю моих маршалов!» Но Сен-Круа из той невезучей «центурии», что не успела «надеть маршальские эполеты» по объективной причине: он погиб «на полпути к вершине»! А ведь как здорово он начинал свою военную карьеру: в 1805 г. Шарль-Мари-Робер – всего лишь адъютант маршала Массены, но уже после Эсслинга и Ваграма, где он воевал под началом все того же Массены, его командируют уже в чине бригадного генерала драгунской бригады вместе со своим патроном в Португалию. Именно его рискованный маневр в обход неприступных позиций англичан в сражении при Бусико, по началу неудачно складывавшемся для французов, вынудил британского полководца герцога Веллингтона немедленно покинуть обороняемые рубежи. Но 11 октября 1810 г. под Вилланфранкой жизнь и военную карьеру много обещавшего 27-летнего таланта оборвало вражеское ядро: «а la guerre – comme a la guerre»! Не так ли!?. **Экрош де Сен-Круа**

Парадоксально, но на закате своей фантастической карьеры, во время «Ста дней», когда решалось «пан или пропал!», Наполеон все же поступился своим железным принципом – и сделал исключение! В критический для Бонапарта момент повезло генерал-полковнику конных егерей... Груши. Сегодня все знают, чем это назначение закончилось для судеб монархической Европы и «корсиканского выскочки», в частности. **не присваивать звание маршала генералам, не командовавшим пехотными корпусами**

Подводя краткий итог этому, на мой взгляд, сколь спорному, столь и любопытному прологу, следует предположить, что раздав по началу «всем сестрам по серьгам», потом Наполеон счел необходимым впредь более экономным в присвоении самого высокого звания в истории Франции. Если это так, то понятно почему немало достойных генерал-полковников так и остались в этом чине до конца империи Наполеона Бонапарта.

Впрочем, просуществовай она подольше и очень может быть, что мы узнали бы имена следующих маршалов Франции «наполеоновского разлива», например, Жерара и Клозеля, Ламарка и Фуа. Ведь сам Бонапарт уже на острове Св. Елены открыто признал, что «эти гене-

ралы были бы моими новыми маршалами». Но не сложилось или, как говорят сами французы: «a la guerre – comme a la guerre».

Правда, кое-кто из наполеоновских генералов все же стал маршалом, но уже при... Бурбонах либо, еще позднее.

Хотя, это уже другая история, которую вы услышите чуть позже...

* * *

Давайте познакомимся поближе с «героями» – о которых было столько слухов об их грядущем маршальстве – в главе с экзотическим названием «Они могли, но так и не стали..., а другие – просто не... успели?»

В том числе, с такими метеорами на революционном небосклоне Франции рубежа XVIII/ XIX веков – как генералы Лафайет, Дюмурье и Пишегрю. При всех их талантах, главной чертой этих незаурядных людей был с Большой Буквы, который во все времена, несмотря на локальные успехи, не позволял им – «Властелинам Минуты» – долго удерживаться на авансцене. *Авантюризм Большой Истории*

Кто-то посчитает, что вряд ли следует считать генералов Дюмурье с Пишегрю, и, тем более, и самого «невоенного» из них – «Красного маркиза» Лафайета обладателями военного дарования такого масштаба, который позволил бы им всерьез претендовать на маршальство – даже виртуально. Впрочем, «о вкусах – не спорят!»

Правда, без этих «Великих Понтовил/Понтяр» своего мутного времени общая картина всех заметных претендентов на категорию «Они могли, но так и не стали..., а другие – просто не... успели?», скорее всего, была бы неполной.

Хотя это всего лишь «заметки на полях», отнюдь не исключающие права у читателя на собственную оценку этих трех запоминающихся личностей конца XVIII – начала XIX вв.

Итак!

Часть Первая. Они могли, но так и не стали... а другие – просто не... успели?

Благородный пасынок Эжен (де Богарне)

Сугубо факты:

...Дивизионный генерал (с 17 октября 1804 г.), вице-король Италии (с 7 июня 1805 г. по 20 апреля 1814 г.), принц Венеции (17 декабря 1807 г.), великий герцог Франкфуртский (1 марта 1810 г.), герцог Лейхтенбергский и принц Эйхштадский (14 ноября 1817 г.), принц Империи (1 февраля 1805 г.) родился 3 ноября 1781 г. в Париже в семье виконта Александра де Богарне (1760—1794), будущего дивизионного генерала и его супруги Жозефины Таше де ла Пажери (1763—1814). **де Богарне Эжен (Ежен) -Роз**

С 1785 г. обучался в Парижском пансионе, затем в Колледже Страсбурга, после известного постановления директора Барраса «О разоружении секций Лепелетье и Французского театра» в 1795 г. 14-летний Эжен попросил аудиенции у генерала Бонапарта, чтобы лично вручить ему саблю своего отца, «которую он носил и прославил честной службой» (растроганный генерал вернул юноше оружие).

В 1796 г. поступил на военную службу в качестве офицера для поручений генерала Гоша, затем генерала Массена в Итальянской Армии, 30 июня 1797 г. произведён в суб-лейтенанты 1-го гусарского полка и зачислен в штаб генерала Бонапарта.

В 1798 г. определён в состав Восточной Армии и принял участие в Египетском походе, 20 января 1799 г. – лейтенант, адъютант главнокомандующего, отличился при нападении на Суэц, ранен при осаде Сен-Жан-д`Акра.

22 августа 1799 г. возвратился во Францию. 22 декабря 1799 г. произведён в капитаны конных егерей Консульской гвардии, участвовал в Итальянской кампании 1800 г., отличился при захвате Милана и в сражении при Маренго.

9 июля 1800 г. – шеф эскадрона. 13 октября 1802 г. – полковник, командир конных егерей Консульской гвардии, 17 октября 1804 г. – бригадный генерал, 18 мая 1804 г. – архиканцлер, 1 июля 1804 г. – генерал-полковник егерей, с 17 октября 1804 г. по 23 декабря 1805 г. – командир конных егерей Императорской гвардии.

Во время коронации нёс золотое кольцо Императора. 1 февраля 1805 г. – принц Империи и сенатор, 7 июня 1805 г. – вице-король Италии с резиденцией в Милане, с 23 сентября 1805 г. возглавлял корпус, предназначенный для блокады Венеции, 3 января 1806 г. – главнокомандующий вооружённых сил Итальянского королевства, 12 января 1806 г. – генерал-губернатор Венеции.

16 февраля 1806 г. официально усыновлён Императором Наполеоном.

Во время Австрийской кампании 1809 г. занимал с 9 апреля пост главнокомандующего в Италии, 16 апреля был атакован войсками эрцгерцога Карла при Сачиле и вынужден отступить к Вероне, к 26 апреля сосредоточил в своих руках до 60 тыс. солдат, 8 мая форсировал реку Пиаве, 10 мая переправился через Тальяменто и освободил крепость Пальманову, после чего направил правую колонну генерала Макдональда для захвата Лайбаха; центральную колонну генерала Сера – на Предильский укрепленный лагерь, а сам во главе левой колонны двинулся на форт Мальборгетто, который и захватил 17 мая. 25 мая 1809 г. нанёс поражение австрийцам при Сан-Микеле и 27 мая соединился с лёгкой кавалерией Германской Армии, 14 июня 1809 г. отбросил войска эрцгерцога Иоанна от Рааба и пустился в преследование,

оставив отряд генерала Лористона для осады Рааба, капитулировавшего 22 июня 1809 г., после присоединения к основной армии принимал участие в сражении при Ваграме.

С 1 апреля 1812 г. командовал IV-м корпусом Великой Армии (Grande Armee) (30 тыс. преимущественно итальянских войск), сражался при Островно, Витебске, Смоленске, Бородино, Малоярославце, Вязьме, Красном и Березине, после отъезда Наполеона и маршала Мюрата возглавил 16 января 1813 г. остатки Великой Армии, которую привёл в Магдебург.

Потом Император скажет: «Мы все совершали ошибки. Евгений – единственный, кто их не наделал».

В 1813 г. тесть Эжена, король Максимилиан I-й Баварский (1756—1825) прислал к нему князя Августа Турн-и-Таксис с предложением перейти в лагерь союзников, но тот остался верен Императору («Я скорее пожертвую своим будущим счастьем и благоденствием моей семьи, нежели нарушу данную клятву») и командовал группировкой из V-го и XI-го армейских корпусов.

он был женат на принцессе Агнессе Амалии фон Виттельсбах (1788—1851), дочери короля Баварии, от которой имел шестерых детей: Жозефина-Максимильена-Эжени (1807—1876), супруга наследного принца Швеции и Норвегии Оскара Бернадотта; Эжени-Гортензия-Августа (1809—1847), супруга принца Гогенцоллерн-Хехингена; Огюст-Шарль-Эжен-Наполеон (1810—1835), женатый на Марии II-й, королеве Португалии; Амалия-Августа-Эжени (1812—1873), супруга императора Бразилии Педро I-го; Теоделина-Луиза-Эжени-Августа (1814—1857), супруга графа Вюртемберга Максимилиан-Иосиф и Максимилиан-Жозеф-Эжен-Огюст-Наполеон (1817—1852), женатый на Великой княжне Марии Николаевне, дочери императора Николая I-го... *...Кстати,*

После битвы под Люценом Наполеон направил его в Италию для защиты её от австрийцев, с 16 мая 1813 г. командовал резервной Итальянской армией, Иллирийскими провинциями и 27-м; 28-м и 29-м военными округами, провёл ряд успешных операций по защите Северной Италии, 8 февраля 1814 г. нанёс австрийцам поражение при Минчио и прекратил военные действия только с известием о капитуляции Парижа, 16 апреля 1814 г. подписал с графом Бельгардом мирный договор в Шиарино-Риццино, после чего передал командование генералу Гренье и в июне 1814 г. уехал в Баварию к своему тестю.

Венский конгресс возместил ему за потерю Итальянских владений 5 млн. франков, а баварский король уступил ему во владение ландграфство Лейхтенберг и княжество Эйхштетт с титулом Королевского Величества. 2 июня 1815 г. – пэр Франции.

Трижды кавалер Орд. Почетного Лениона (Шевалье – 4 декабря 1803 г., Коммандор – 4 июня 1804 г., Великий Крест – 2 февраля 1805 г.) и множества европейских наград умер 21 февраля 1824 г. в Мюнхене от апоплексического удара в возрасте 42 лет.

Имя генерала выбито на Триумфальной Арке площади Звезды.

Только ключевые события:

– Пасынок Наполеона – единственный сын его первой жены Жозефины де Богарне. (что является излишне вольной трактовкой)(3 сентября 1781, Париж – 21 февраля 1824, Мюнхен, Бавария) – дивизионный генерал (с 17 октября 1804 г.), генерал-полковник конных егерей (с 6 июля 1804 г. по 1 февраля 1805 г.), командир конных егерей Императорской гвардии (с 13 октября 1802 г. по 18 января 1808 г.) был участником таких судьбоносных битв как Маренго, Ваграм, Бородино. *Эжен де* в отечественной литературе зачастую именуется как **«Принц Евгений», Богарне,**

– Его отец, виконт Александр де Богарне, был генералом революционной армии. В годы Террора его незаслуженно обвинили в предательстве и казнили.

– Богарне стал фактическим правителем Италии (титул короля носил сам Наполеон), когда ему было всего 24 года.

– В кампанию против Австрии 1809 г. он командовал войсками в Италии. Несмотря на неудачный исход битвы при Сачиле с австрийским войском эрцгерцога Иоанна Габсбурга, Богарне сумел переломить ход военных действий и нанес своему противнику ряд поражений в Италии, а затем в Австрии.

– Важную для французов победу он одержал в Венгрии в сражении при Раабе (ныне венгерский город Дьер), а затем отличился в решающей битве при Ваграме (ныне селение в Австрии).

– В 1812 г. Богарне был вызван Наполеоном из Италии для командования IV-м (Итальянским) пехотным корпусом Великой армии.

– В Отечественной войне 1812 г. Евгений Богарне отличился в сражениях при Островно, под Смоленском, Бородино, Звенигородом, Малоярославцем, Вязмой, Красным, Вильно.

– После отъезда Наполеона из Сморгони в Париж и фактического бегства оставленного управлять остатками Великой армии маршала Иоахима Мюрата из России в Неаполь, он принял командование ими и отвел их в Магдебург.

– В 1813 г. после сражения при Лютцене Богарне по приказу Наполеона был направлен в Италию для организации ее защиты от австрийских войск.

– После отречения Наполеона Богарне всерьез рассматривался Александром I в качестве кандидата на французский престол. *Первого*

– За отказ от своих итальянских владений получил 5 млн. франков, которые передал своему тестю – королю Баварии Максимилиану-Иосифу, за что был «помилован» и пожалован титулами ландграфа Лейхтенбергского и князя Айхштетского (по другим данным – купил их в 1817 г.).

– 14 января 1806 г., Эжен женился на Августе (1788—1851), принцессе Баварской, дочери Максимилиана I, короля Баварии и Августы, ландграфини Гессен-Дармштадтской, от которой имел семеро детей: Жозефина Максимилиана Евгения Наполеоне (1807—1876), с 1823 замужем за Оскаром I Бернадотом, королём Швеции и Норвегии; Евгения Гортензия Августа (1808—1847); Август Шарль Эжен Наполеон (1810—1835), герцог Лейхтенбергский, герцог де Санта-Круз; жена с 1834 – Мария II, королева Португалии; Амелия Августа Евгения Наполеоне (1812—1873), муж с 1829 – Педру I, император Бразилии; Теоделинда Луиза Евгения Августа Наполеоне (1814—1857); Каролина Клотильда (1816); Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский; жена с 1839 – великая княжна Мария Николаевна, дочь императора Николая I...

– Дав слово не поддерживать более Наполеона, не принимал участия (в отличие от сестры Гортензии) в его реставрации во время «Ста дней».

– В июне 1815 г. был пожалован Людовиком XVIII титулом пэра Франции.

– До самой смерти жил в своих баварских землях и активного участия в европейских делах не принимал.

– Ему было 42 года когда он – кавалер многочисленных европейских наград, в частности, трех степеней орд. Почетного легиона (Легионер – 4.12.1803, Командор – 4.06.1804, Большой Орёл – 2.02.1805) и один из самых надежных сподвижников своего великого отчимом (прошедший с ним за 20 лет – рука об руку – через !), очень тихо ушел вслед за ним, пережив его всего лишь на три года. *Огонь, Воду и Медные Трубы*

«Развернутая» версия биографии наполеоновского экс-пасынка предполагает следующее:

«... Подавляющее большинство современников, а за ними и историков считали сына, незаслуженно обвиненного в предательстве и погибшего на эшафоте в годы якобинского террора (в 1794 г.) дивизионного генерала (1793 г.) потомственного виконта Александра-Франсу-Мари де Богарне (28 мая 1760, Фор-Ройаль, Мартиника – 23 июля 1794, Париж), пасынка, затем приемного сына Наполеона Бонапарта, дивизионного генерала (26 мая 1805 г.), принца импе-

рии (1 февраля 1805—20 апреля 1814 гг.), вице-короля Италии (с 7 июня 1805 г. по 20 апреля 1814 г.), князя Эйхштедтского и герцога Лейхтенбергского (14 ноября 1817 г.) (3.09.1781, Париж – 21.02.1824, Мюнхен, Бавария), очень достойным человеком считали и даже одним из возможных претендентов на маршальство. **де Богарне Эжена (Ежена) -Роз** в отечественной литературе зачастую именуемого как «Принц Евгений», что является излишне вольной трактовкой

С 1785 г. он обучался в Парижском пансионе, затем в Колледже Страсбурга.

Его мать сексапильная креолка Мари-Роз-Жозефа или Роз (23 июня 1763, Труа-Иле, Мартиника – 29 мая 1814, Мальмезон) родилась на о-ве Мартиника в семье богатого французского плантатора Жозефа-Гаспара Таше де ла Пажери. (именем Жозефина её стал называть именно Наполеон!)

После ареста ее первого мужа Жозефина, как жена «врага народа», тоже подверглась репрессиям со стороны революционных властей и несколько месяцев провела в заключении. Избежать расправы ей помог лишь термидорианский переворот (27 июля 1794 г.), покончивший с диктатурой якобинцев.

Оставшийся без родителей 12-летний Эжен был отдан на воспитание в семью столяра, который начал обучать его своему ремеслу. После освобождения мать устроила в 1796 г. сына ординарцем (офицером для поручений) к прославленному революционному генералу Лазарю Гошу, с которым по слухам очень близко познакомилась (была в страстном романе!?) в тюрьме. В этом качестве Богарне сопровождал того в Вандею и какое-то время участвовал там в боевых действиях против мятежников-роялистов, а затем был направлен в очень престижную Сен-Жерменскую военную школу.

После подавления роялистского в Париже (5 октября 1795 г.) по постановлению директора Барраса «О разоружении секций Лепелетье и Французского театра» у всех жителей столицы стали отбирать оружие. *13 вандемьера*

Рассказывали, что вроде бы Жозефина послала своего 14-летнего сына Эжена, умного и здравомыслящий выпускник военного училища к командиру войсками парижского гарнизона, главному действующему лицу в усмирении мятежников с помощью артиллерии – «генералу Вандемьеру» (генералу Наполеону Бонапарту) с просьбой вернуть шпагу покойного мужа (?), чтобы лично вручить ему саблю своего отца, «которую он носил и прославил честной службой». (Если это – так,). Если принять на веру первую версию их встречи, то Бонапарт был искренне тронут красивой наружностью и благородными манерами мальчика, а также тем жаром, с которым он убеждал генерала удовлетворить его просьбу. Ходили разговоры, что отцовскую саблю (шпагу) Бонапарт ему не отдал, но вроде бы тонко намекнул, что было бы неплохо, если бы его мать – известная в высоких кругах парижская «горизонталка» (Большая Мастерница) – лично прибыла за нею. Ушлая креолка быстро все правильно поняла и после того как визит «дамы без комплексов» к влиятельному генералу Бонапарту состоялся, просьба ее была исполнена. *то ли то ли то растроганный генерал якобы вернул юноше оружие!?*
Большого Секса

Впрочем, до сих пор есть сомнения в подлинности этого события.

А через несколько месяцев после этого первого (судьбоносного!?) знакомства суперамбициозный генерал Бонапарт с Корсика женился на «понятливой» уроженке Мартиника, «безутешной» вдовушке гильотинированного знаменитым палачом Сансоном генерала-аристократа де Богарне. **о-ва о-ва**

Более того, но вроде бы именно тогда – на их первой встрече по поводу отцовской сабли/шпаги – серьезность этого мальчика потрясла Наполеона и он подружился со ним, ставшим его пасынком, причем, их дружба прошла через все испытания.

Блестящая карьера этого во всех отношениях очень достойного человека началась еще в Итальянскую кампанию Наполеона в 1796—97 гг., которую он – 16-летний отрок закончив-

ший военную школу и произведенный 30 июня 1797 г. в офицеры кавалерии (суб-лейтенанты 1-го гусарского полка) – начал с адъютантства у своего отчима-генерала-главнокомандующего, сопровождая его почти во всех крупных сражениях этой кампании. Показал себя храбрым и грамотным офицером.

Ему не было еще и 17 лет, когда в 1798 г. вместе с Наполеоном он отправился в экзотический Египет, по-прежнему исполняя обязанности адъютанта главнокомандующего.

Именно в этом первом роковом походе Бонапарта случилось первое испытание мужской дружбы отчима и пасынка. Там юному пасынку-адъютанту Наполеона пришлось быть свидетелем скоротечно-бурной любовной связи его отчима с вожделенным секс-символом Египетской армии Полиной Фуре и скакать за каретой Наполеона под иронические выкрики солдатни в адрес аппетитной белокурой милашки: «Виват, Клиупатра!!!» Потом его мать-вертихвостка сама оказалась на грани развода из-за легкомысленного для женщины, уже вступившей в балзаковский возраст, увлечения интендантским молодцеватым капитаном Ипполитом Шарлем – очевидно, мастером «вкручивать „лампочки“, оставленным без мужниного присмотра дамочкам, еще весьма охочим „пошалить“, в их потертые, но все еще влажные „ножны“». Считается, что якобы именно он умолил отчима простить его легкомысленную мать, с головой кинувшуюся в любовные тенета ласкового и «мастеровитого» красавца-жиголо и сумел-таки добиться того, что их развод оказался отложенным на целых 9 лет!

Многие не без оснований полагали, что его отношение к Наполеону обязательно ухудшится после развода последнего с его горячо любимой матерью Жозефиной в 1809 г. Но ничего подобного не случилось. Эжен, отменно знавший все «плюсы» и «минусы» своей сколь очаровательной, столь и шаловливой матушки, чьи «ножны» редко не заполнял подходящий «клинок», остался безмерно лично предан Наполеону и после этого драматического события.

Наполеоновский пасынок отличился в сражении при Пирамидах (21 июля 1798 г.) и Сирийском походе (февраль-июнь 1799 г.), особенно при взятии крепости Яффа (7—8 марта 1799 г.) и осаде Сен-Жан-д'Акр (март-май 1799 г.), где был ранен в голову. 20 января 1799 г. он – лейтенант.

В октябре 1799 г. Богарне вернулся во Францию вместе с Бонапартом и принял участие в перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), в результате которого к власти в стране пришел его отчим, а его пасынок стал адъютантом Первого консула Французской республики.

22 декабря 1799 г. его производят в капитаны конных егерей Консульской гвардии. В начале 1800 г. его адъютантская служба закончилась. Богарне был назначен командиром эскадрона конных егерей Консульской гвардии.

Эжен участвовал во Втором Итальянском походе Бонапарта 1800 г., тяжелом переходе через Альпы и взятии Милана. Особо отличился он в сражении при Маренго (14 июня 1800 г.), во время которого знаменитая атака кавалерии консульской гвардии Келлермана-младшего с его участием, поддержавшей контратаку успевшей-таки на поле пехотной дивизии из корпуса генерала Дезе, явилась переломным моментом в ходе этого драматически развивавшегося (почти проигранного!) сражения. Победа была буквально вырвана из рук противника, когда, казалось, никаких шансов на нее у французов уже не было.

Мирные годы (1801—05 гг.) он посвятил углубленному изучению теории военного искусства и достиг в этом немалых успехов.

За храбрость и мужество, проявленные в сражении при Маренго, 13 октября 1802 г. 21-летний Богарне был произведен в полковники консульской гвардии – и он уже командир конных егерей Консульской (затем Императорской) гвардии (с 13 октября 1802 г. по 18 января 1808 г.), генерал-полковник егерей (с 6 июля 1804 г. по 1 февраля 1805 г.), а 17 октября 1804 г. – бригадный генерал. Было ему в ту пору всего 23 года. **крайне престижное повышение для столь юного военного**

Так что генералом Эжен де Богарне стал даже раньше, чем его знаменитый отчим!

После установления в 1804 г. во Франции империи и коронации Наполеона (Эжен нёс золотое кольцо императора) он получил титул принца и должность государственного канцлера, войдя, таким образом, в узкий круг высших сановников империи.

В мае 1805 г. Наполеон провозгласил себя королем Италии, поручив непосредственное управление новым королевством своему пасынку, возведенному по этому случаю в сан вице-короля Италии (26 мая 1805 г.). Одновременно Эжен де Богарне получил чин дивизионного генерала. Пользуясь неограниченным доверием Наполеона, он энергично взялся за устройство врученного ему королевства, проявив при этом незаурядные административные способности и государственное мышление. **(опять-таки раньше по возрасту, чем его звездный отчим!).**

В кампаниях 1805 г. против Австрии и России, 1806 и 1807 гг. против Пруссии и России Богарне не участвовал, будучи занятым делами государственного устройства Итальянского королевства, а также формированием Итальянской армии. 2 января 1806 г. Наполеон женил его на дочери баварского короля принцессе Августе, а через два дня усыновил его, а в 1807 г. объявил наследником итальянского трона с титулом князя Венецианского.

В войне 1809 г. с Австрией Богарне впервые выступил в роли главнокомандующего, возглавив Итальянскую армию. Правда, еще не будучи вполне уверенным в его способностях возглавлять столь крупное армейское объединение, и главное, отчетливо сознавая, что его приемный сын не обладает необходимым боевым опытом для занятия такой ответственной должности, Наполеон приставил к нему наставником опытного генерала Макдональда (будущий маршал Империи). Тот сражался с самим «Русским Марсом», правда, неудачно, но и такой опыт в ту пору считался полезным. Тягаться с Суворовым в открытом поле было крайне проблематично. Под руководством и опекой этого бывалого военачальника (наяву познавшего в многодневной битве при Треббии, как выносливые русские мужики умеют осатанело намотывать на свои тульские штыки вражеские кишки!) вице-король Италии делал свои первые шаги в роли главнокомандующего армией, постигая искусство руководства крупными массами войск в боевой обстановке.

Начало кампании 1809 г. сложилось для Итальянской армии неудачно.

Австрийская армия эрцгерцога Иоанна в Италии имела заметное превосходство в силах. Под ее натиском войска Итальянской армии были вынуждены отступать. В сражении 16 апреля 1809 г. при Салиле они потерпели поражение. Но, получив крупные подкрепления, в результате чего численность Итальянской армии к 26 апреля возросла до 60—68 тыс. человек, Богарне немедленно перешел в контрнаступление. Последовательно нанеся поражения противнику в сражениях на р. Brenta, а затем – на берегах р. Пиавы, он вытеснил австрийцев из Италии и в начале мая перенес боевые действия на территорию Иллирийских провинций.

Решающую роль в достижении этих успехов сыграли, конечно, победы Наполеона на основном театре военных действий в Германии, вынудившие австрийцев начать отступление из Италии. Вместе с тем нельзя не отдать должное и главнокомандующему Итальянской армией. Наполеоновский пасынок (приемный сын) во время этой кампании проявил не только хорошие организаторские способности, но и военный талант. Он осуществлял руководство войсками (под присмотром сурового «шотландского дядьки-генерала», напомним: яростно сражавшегося с самим «неистовым стариком Souvaroff» в Италии в далеком 1799 г.!) с необходимой для полководца твердостью и умением, действовал разумно и решительно, но в то же время осмотрительно, реально учитывал сложившуюся на театре военных действий оперативно-тактическую обстановку, стремился не допускать крупных оперативных просчетов. В целом экзамен на зрелость в своей новой роли Эжен де Богарне выдержал вполне успешно.

Сомнения Наполеона в отношении военных способностей своего воспитанника рассеялись.

Новые поражения австрийцам армия Богарне нанесла на подступах к р. Сава, опрокинув противника при Тарвисе и Лайбахе (Любляна). В последнем из этих сражений войска Итальянской армии взяли в плен 4 тыс. австрийцев во главе с генералом Мерфельдом, бывшим до войны послом Австрии в России. Развивая наступление дальше на северо-восток, 25 мая 1809 г. войска Итальянской армии нанесли противнику новое поражение при Санкт-Микеле.

В конце мая 1809 г. под стенами Вены она соединилась с армией Наполеона. К этому времени армия вице-короля насчитывала всего лишь 23 тыс. человек и ок. 100 орудий, так как крупные силы ему пришлось оставить в Италии и Иллирийских провинциях, а также выделить для охраны своих растянувшихся коммуникаций и ведения боевых действий в Тироле. Не обошлось и без понесенных в многочисленных боях потерь. Австрийская армия эрцгерцога Иоанна в ходе энергичного преследования ее войсками Богарне также лишилась значительной части своего состава.

После присоединения к главным силам наполеоновской армии Итальянская армия образовала ее правое крыло, развернув наступление в Венгрию. 2 июня у селения Папа в Западной Венгрии австрийцы потерпели очередное поражение. Исход боя решила блестящая кавалерийская атака, которую возглавил лично вице-король Италии. А 14 июня, в день 9-й годовщины судьбоносного Маренго, Богарне разбил 50-тысячную австрийскую армию эрцгерцога Иоанна в сражении при Раабе (ныне венгерский город Дьер) и отбросил остатки ее к Комарно.

В ходе двухдневного (5—6 июля 1809 г.) тяжелого и кровопролитного генерального сражения при Ваграме войска Эжена де Богарне действовали в центре боевого порядка французской армии и покрыли себя новой славой. Прорыв ими (чья подлинная численность до сих пор остается предметом споров среди маститых историков, !) центра противника внес весомый вклад в исход сражения и принес победу Наполеону. *мощной, колонной-гараном все того же «дядьки» Макдональда*

После Ваграмского сражения Богарне получил приказ императора идти со своей армией в Тироль и подавить там антифранцузское восстание, охватившее к тому времени почти всю эту горную страну. 13 августа возглавляемые 41-летним трактирщиком Андреасом Гофером тирольские повстанцы разгромили в сражении у горы Изель франко-баварские войска и вскоре очистили от оккупантов весь Тироль. Но прибытие крупных сил франко-итальянских войск вице-короля Италии в корне изменило обстановку в мятежном крае. Разрозненные отряды повстанцев повсюду были разбиты, а их остатки рассеяны. В октябре 1809 г. восстание было подавлено. Предводитель повстанцев Гофер бежал в Австрию, но был выдан французам и в начале 1810 г. расстрелян в Мантуе (Италия).

Развод Наполеона с Жозефиной в конце 1809 г. больно ударил по ее сыну, который автоматически лишился всех прав на наследование. Но что-либо изменить было не в его силах, и он вынужден был смириться, продолжая верно служить Наполеону.

Многочисленные биографы Наполеона подметили одну интересную деталь.

С момента разрыва с Жозефиной счастье отвернулось от Наполеона, тогда как до этого удача неизменно сопутствовала ему. Будучи человеком глубоко суеверным со всеми своими атавистическими предрассудками и верой в приметы, император в глубине души всегда считал, что Жозефина принесла ему счастье. Удача стала неизменно сопутствовать ему с того самого дня, был глубоко убежден Наполеон, когда он соединил свою судьбу со вдовой генерала А. де Богарне. И, как ни покажется странным, та же самая женщина, которая принесла несчастье своему первому супругу Александру Богарне, ему, Бонапарту, принесла невообразимую удачу. Это подтверждалось многолетним опытом, тринадцатую годами совместной жизни.

Жозефина была для него, пожалуй, единственной женщиной, которую, несмотря ни на что, он продолжал любить.

Разрыв с нею явился для Наполеона одним из труднейших психологических барьеров, которые когда-либо ему приходилось преодолевать. Но ради основания династии он все же, не без долгих и мучительных колебаний, решился на развод. Брак Наполеона с австрийской принцессой был довольно прохладно, если не сказать негативно, встречен во Франции. Он не встретил одобрения ни со стороны народа, ни со стороны армии, столько лет сражавшейся против австрийцев, ни даже со стороны правящей элиты. В этом династическом браке французы усмотрели нечто оскорбительное для себя, увидев в нем как бы надругательство над памятью героев Вальми, Маренго и Аустерлица, даже более того – косвенную реабилитацию «старого режима».

«Звездный час» наполеоновского экс-пасынка настал в войне 1812 г. против России!

Эжен де Богарне командовал IV (Итальянским) корпусом Великой армии. С началом вторжения Наполеона в Россию он возглавлял центральную группировку наполеоновской армии, в состав которой входили два пехотных и один кавалерийский корпуса – всего ок. 82 тыс. человек и 208 орудий. По мере приближения к Москве, корпус по ряду разных причин подвергся неизбежной в суровых природно-климатических условиях российской империи «усушке-утруске».

И вот уже лишь 27 тыс. его итальянские войска сражаются при Островно [13—14 (25—26) июля 1812], поддерживая авангард французской армии, возглавляемый Мюратом.

В Бородинском сражении [26 августа (7 сентября) 1812 года] Богарне командовал левым крылом французской армии, основные усилия которого были сосредоточены на овладении Курганной батареей (батарея Раевского) – считавшегося главным опорным пунктом центра русской позиции.

В кровавом месиве Бородина именно его войска сумели-таки выполнить поставленную им задачу сполна: правый фланг русских под началом Барклая так и остался скован до конца сражения, рейд конницы Уварова и казаков Платова в тылы французов так и не получил развития – легкая кавалерия Орнано быстро решила эту проблему.

В самый критический момент сражения за батарею Раевского он сам прибыл в 9-й линейный полк и обратился к изготовившимся к очередной атаке солдатам: «Храбрые войны! Помните, как вы действовали со мной у Ваграма, когда мы прорвали центр неприятеля!» Богарне встал во главе полка и лично повел его в атаку. Еще уцелевшие на батарее русские пушки почти в упор били картечью по приближавшемуся противнику, но он, несмотря на большие потери, неудержимо продолжал идти вперед. Картечь вырывала из строя буквально целые ряды французских гренадеров до тех пор, пока уцелевшие в этом огненном вихре со штыками наперевес не ворвались на батарею.

Перед их глазами предстала ужасающая картина: заваленный горами трупов редут был похож на огнедышащий кратер вулкана. На разбитом французскими ядрами бруствере были разрушены все бойницы, большая часть орудий опрокинута или сброшена с разбитых лафетов, и только при вспышках выстрелов в густом пороховом дыму с трудом удавалось различить лишь жерла пушек. Остатки защитников редута оборонялись отчаянно и все до единого погибли в этой последней жестокой рукопашной схватке. Они умирали тут же, у своих орудий, не прося пощады и сражаясь до последнего. Над разбитым до основания французской артиллерией и залитым кровью редутым взвилось трехцветное знамя.

После ожесточенного боя, продолжавшегося 9 часов и стоившего обеим сторонам огромных потерь, войскам Эжена де Богарне при поддержке других частей Великой армии, наступавшим при поддержке огромного количества артиллерии (историки до сих спорят об их числе?), наконец удалось овладеть этим редутым, но развить достигнутый успех их сильно поредевшие пехотные и конные полки уже не смогли.

Столь же отважно действовал вице-король и в сражении при Малоярославце [12 (24) октября 1812 года], где части его корпуса (ок. 18 тыс.), составлявшего авангард Великой армии,

покрыли себя славой: именно они почти весь день противостояли русским. Об ожесточенном характере этой битвы говорит хотя бы такой факт: в течение дня город восемь (?) раз переходил из рук в руки, и в конце концов его объятые пламенем руины все же остались в руках французов. Но это был их последний и весьма сомнительный успех, так как главная цель, которую преследовал Наполеон, – прорваться на Калугу – так и не была достигнута.

Более того, стратегически эта тактическая победа (?) оказалась «пирровой» для Великой армии его экс-отчима. Ему пришлось «уносить ноги» из России по уже разоренной его войсками в августе Старой Смоленской дороге.

Кроме того, сражение при Малоярославце явилось переломным моментом в войне, за которым последовало изгнание армии Наполеона из пределов России.

В сражении под Вязьмой [22 октября (3 ноября) 1812 года] IV-й Итальянский корпус де Богарне сыграл важную роль в спасении арьергарда французской армии от полного уничтожения. Отрезанный русскими войсками от главных сил отступающей армии на подходе к Вязьме арьергард, возглавляемый Даву, оказался в безвыходном положении. Уже прошедший Вязьму Богарне повернул (вместе с польскими войсками V корпуса Понятовского) свои войска назад и двинулся на помощь «терпящему бедствие» (попавшему в жаркий переплет) арьергарду Даву. В результате завязавшегося сражения замысел противника уничтожить арьергард был сорван. Хотя и с большими потерями, он все же сумел вырваться из окружения и присоединиться к главным силам.

28 октября (9 ноября) на подступах к Духовщине поредевшие войска вице-короля Италии (ок. 12 тыс. чел., 87 орудий) были окружены многочисленной казачьей конницей атамана М. И. Платова и прижаты к реке Вопь. Переправочных средств для преодоления этой водной преграды у вице-короля не было. Положение создалось критическое. Противник наседал со всех сторон. В некоторых частях, особенно в тыловых, начали проявляться признаки паники. Но Богарне не дрогнул перед нависшей над его немногочисленными полками грозной опасностью. Проявив волю, мужество и отвагу, он на следующий день, хотя и с большими потерями, все же сумел прорваться на противоположный берег и выйти из окружения. Правда, из-за недостатка лошадей ему пришлось бросить на левом берегу Вопи всю свою артиллерию (64 орудия) и большую часть обоза. 23 орудия были брошены еще в ходе отступления к реке Вопь. В бою под Духовщиной корпус наполеоновского экс-пасынка потерял более 2 тыс. человек убитыми и утонувшими и 3,5 тыс. пленными. Форсировав реку Вопь вброд и отбросив казаков с правого берега, Богарне занял Духовщину, уже захваченную противником, откуда двинулся к Смоленску, на соединение с Наполеоном.

Во время этого перехода IV-й корпус потерял еще до 1,5 тыс. чел. Часть из них погибла в стычках с казаками, которые происходили почти непрерывно; но основная масса выбыла из строя по болезни, простудившись во время ледяной купели в реке Вопь. Все больные были оставлены во встречающихся на пути населенных пунктах, так как везти их было не на чем; много солдат замерзло в пути.

В сражении под Красным [3—6 (15—18) ноября 1812 года] остатки Итальянского корпуса с боем проложили себе дорогу на запад, хотя и понесли при этом в боях с превосходящими силами противника большие потери (до 2 тыс. человек и 17 орудий). Особенно тяжелым для них выдался бой 4 ноября под Мерлино. Прибыв в Оршу, Богарне на следующий день повернул назад, на выручку прорывавшимся из окружения остаткам III-го корпуса Нея, который почти полностью был уничтожен русскими под Красным. Незначительная часть войск Нея оказалась спасена от уничтожения преследовавшей его по пятам казачьей конницей.

К моменту подхода остатков Великой армии к реке Березина от всего корпуса вице-короля осталось не более 3 тыс. человек, перейдя потом в состав Сводного корпуса Нея. Тогда как сам же вице-король Италии уже находился при императоре.

Как известно, 5 декабря Наполеон бросил жалкие остатки Великой армии и, передав командование Мюрату, уехал во Францию «срочно по делам», в том числе, спешно формировать новую армию. Отношения у его экс-пасынка с его шурином (де Богарнэ и Мюрат были через Бонапарта «родственниками») всегда были довольно сложными. Поэтому вице-король, оказавшийся на завершающем этапе отступления из России без войск, как и абсолютное большинство других генералов, находившихся в таком же положении, никакого влияния на ход событий уже не оказывал. В сопровождении небольшого конвоя, сформированного из офицеров его бывшего корпуса, он вместе с Главным штабом армии следовал по направлению к границе, которую и пересек в середине декабря.

17 января 1813 г. Мюрат самовольно покинул армию и уехал в Неаполь, передав командование ее остатками Эжену де Богарне. Таким образом, весь груз ответственности по спасению остатков погибшей в России Великой армии он переложил на плечи вице-короля Италии.

Первоочередными задачами, которые встали перед новым главнокомандующим, были: сосредоточение остатков разрозненных частей, вышедших из России, а также войск, находившихся на территории Польши и Восточной Пруссии, в одном месте; эвакуация большого количества больных и раненых солдат и офицеров в глубь Германии; усиление гарнизонов крепостей на Висле и Одере; устройство магазинов (тыловых баз) в Глогау и Кюстрине и проведение многих других неотложных мероприятий, связанных с подготовкой к новой кампании.

Большинство из них экс-наполеоновский пасынок успешно решит. Он сделает все от него возможное для восстановления дисциплины и поднятия боевого духа и, отчасти, ему это удастся. Возглавивший жалкие остатки «Великой Армии», де Богарнэ, приведёт их в Магдебург.

В общем, Эжен де Богарнэ – один из очень немногих высших военачальников Великой армии, кто в Русском походе 1812 г. генерала Бонапарта, от начала и до конца демонстрировал несгибаемое мужество, особенно, во время губительного отступления из Москвы. Ведь именно 31-летний экс-пасынок мужественно возглавил остатки некогда «Великой Армии» на пограничном Немане, после того как там их самовольно бросил полностью деморализованный Мюрат. В результате из трагического для наполеоновской армии похода на Москву де Богарнэ вернулся во Францию со славой уступающей лишь славе Мишеля Нея – в тяжелых арьбергартных боях, прикрывавшего бегство Наполеона из древней столицы Московитов.

Недаром, позднее его благодарный экс-отчим скажет о нем очень ёмко, доходчиво и лаконично: «Мы все совершали ошибки. Эжен – единственный, кто их не наделал»...

В 1813—14 гг. именно ему пришлось прикрывать с юга своего отчима в его кровавой войне с союзниками на территории будущей Германии, а потом и во Франции.

Вот как это было!

В начале 1813 г. на подкрепление к нему из Италии прибыл корпус генерала Пренье. К середине апреля войска вице-короля с боями отступили в район Магдебурга, откуда в конце месяца двинулись к Лейпцигу, на соединение с Наполеоном, прибывшим в Германию во главе новой армии. 8 мая Богарне занял Лейпциг. Здесь он получил приказ императора немедленно отправиться в Италию и сформировать там новую Итальянскую армию. 18 мая Богарне был уже в Милане.

Через два с половиной месяца приказ Наполеона был выполнен.

Вновь сформированная армия насчитывала ок. 53 тыс. чел. и 130 орудий. Организационно она состояла из трех пехотных корпусов, кавалерийской дивизии (1,8 тыс. сабель) и королевской гвардии (2,5 тыс. чел.). Большую часть личного состава Итальянской армии составляли французские войска (из 7 пехотных дивизий 5 были французские). Большим недостатком вновь сформированной армии являлось то, что она в основном была укомплектована молодыми и плохо обученными новобранцами, не имеющими никакого боевого опыта.

С окончанием летнего перемирия и переходом Австрии на сторону антифранцузской коалиции боевые действия возобновились. *Шестой*

На Итальянском театре военных действий они начались в конце августа 1813 г. Австрийцы направили в Италию 70-тысячную армию под командованием опытного генерала Гиллера. Она вторглась в Иллирийские провинции и 31 августа на реках Драва и Сава вошла в боевое соприкосновение с Итальянской армией де Богарне. Сразу же по всему фронту завязались упорные бои. Молодые, необстрелянные солдаты вице-короля оказали достойное сопротивление противнику. Несмотря на свое значительное превосходство, австрийцам долго не удавалось сломить их сопротивление. Более того, они потерпели поражения при Россекке, Виллахе (Филлахе) и Фестрице. Но в конце концов численное и, главное, качественное (значительную часть австрийской армии составляли кадровые, хорошо обученные дивизии) превосходство противника все же дало о себе знать. К австрийцам подошли подкрепления, и теперь они имели уже двукратное численное превосходство над войсками Итальянской армии. Увидев, что перевес склоняется к австрийцам, союзники французов кроаты (хорваты) и словенцы стали переходить на сторону противника и сдавать ему одну за другой свои крепости и укрепленные позиции.

В создавшейся обстановке Богарне был вынужден оставить Иллирийские провинции и отступить к границе Итальянского королевства, закрепившись на рубеже реки Изонцо. Этот выгодный для обороны рубеж он удерживал в течение месяца. Несколько попыток австрийцев прорвать оборону Итальянской армии на реке Изонцо фронтальным ударом закончились неудачей.

В октябре 1813 г. обстановка для французов резко ухудшилась. Наполеон в «битве народов» под Лейпцигом потерпел сокрушительное поражение и с остатками своей разбитой армии поспешно отступал за Рейн. Бывшие союзники один за другим изменяли ему и переходили на сторону его врагов. В середине октября тесть Эжена де Богарне, Максимилиан Баварский, тоже изменил Наполеону и присоединился к антифранцузской коалиции. Баварские войска повернули оружие против своих недавних союзников – французов. *Шестой*

Воспользовавшись этим, главнокомандующий австрийскими войсками в Италии генерал Гиллер решил обойти с севера армию Богарне. Оставив на реке Изонцо часть своих войск (25 тыс. чел.), он с главными силами двинулся через контролируемый баварцами Тироль в обход левого фланга Итальянской армии.

Это заставило вице-короля в конце октября оставить свою позицию на реке Изонцо и начать отступление к реке Адидже. Его войска отходили в полном порядке, давая в случае необходимости отпор преследовавшему их противнику. Отступив на 170—200 км к западу, они в начале ноября заняли оборону по рубежу реки Адидже. К этому времени Итальянская армия насчитывала 40 тыс. чел. и 80 орудий. Французы продолжали удерживать оставшуюся в тылу противника Венецию, которую оборонял 11-тысячный гарнизон (в том числе 3 тыс. моряков) с 336 орудиями.

Воодушевленные столь глубоким отходом противника австрийцы попытались было активизировать свои действия. Но Богарне быстро отрезвил их, нанеся ряд коротких, но сильных контрударов. В результате их 12 ноября при Бассано был разгромлен авангард австрийской армии (усиленная бригада генерала Эггардта).

15 ноября при Кальдиеро вице-король с 11 тыс. разбил главные силы левофлангового корпуса австрийской армии (18 тыс. человек; генерал Радивоевич). Австрийцы потеряли в этом бою 2,5 тыс. чел., французы – ок. 500 чел. Затем австрийцы понесли новое поражение – при Ровередо (Роверето). Упорные бои на восточном берегу Адидже продолжались всю вторую половину ноября и в течение всего декабря. Все это время штаб-квартира вице-короля находилась в Вероне. Таким образом, намерение австрийского командования преодолеть реку Адидже сходу успехом не увенчалось. Войска Итальянской армии остановили противника на подступах

к этой водной преграде. Настойчивые попытки австрийцев сломить упорное сопротивление франко-итальянских войск восточнее реки Адидже ни к чему не привели.

Недовольный действиями Гиллера австрийский гофкригсрат (высший придворный военный совет) заменил его фельдмаршалом Бельгардом (15 декабря 1813 г.). Правда этот выбор оказался не совсем удачным. Новый австрийский главнокомандующий оказался человеком еще более осторожным, нежели его предшественник.

Тем временем поведение неаполитанского короля Мюрата становилось все более подозрительным. Стремясь любой ценой сохранить свой трон, он решил предать Наполеона и перейти на сторону его врагов. Но открыто и сразу изменить своему сюзеру Мюрат все же не отважился – свою измену он готовил постепенно, исподволь, выжидая развития событий. Его армия насчитывала около 34 тыс. чел. (3 пехотных дивизии и гвардия – всего 30 батал. и 16 эскадр.) и 50 орудий. Мюрат довольно продолжительное время под разными предлогами саботировал приказ Наполеона выступить на помощь Итальянской армии Богарне. Наконец, уступая категорическому требованию императора, он все же вынужден был в конце ноября 1813 г. направить свои войска на север, в Ломбардию.

Неаполитанская армия выдвигалась в трех направлениях – на Флоренцию, Фано и Анкону. Но ее выдвижение проходило очень медленно: Мюрат явно не спешил на театр военных действий. Зато, занимая итальянские города, неаполитанцы сразу же устанавливали там свою власть. Но при этом Мюрат не переставал заявлять о своей верности Франции и Наполеону. 11 января 1814 г. его войска заняли Болонью, а вслед за ними туда вступили австрийцы.

Войдя южнее реки По в соприкосновение с противником, неаполитанский король повел себя очень странно: он отказался вести против него боевые действия, сославшись на заключенное им в начале декабря перемирие с Австрией. Такая политика Мюрата серьезно озадачила вице-короля (Богарне).

Однако Наполеон и слышать не хотел о ненадежности своего зятя. Ему вообще казалась дикой сама мысль о возможной измене Мюрата, своего давнего боевого сподвижника, весьма скромного армейского офицера, не блиставшего никакими выдающимися дарованиями, кроме разве безрассудной храбрости на поле боя, которого он вознес на такую высоту, о которой простой смертный не мог и помышлять... И вдруг – такая черная неблагодарность! Нет, этого не может быть!... Тут что-то не то.

... , *Вероятнее всего, Эжен просто сгущает краски, стремясь выставить короля неаполитанского как можно в более неприглядном свете перед императором!?. считал император*

Ему хорошо была известна взаимная неприязнь между приемным сыном и зятем, принадлежавшим к разным семейным кланам, уже давно враждовавшим между собой. Поэтому все настораживающие сигналы, поступающие из Италии, Наполеон просто отвергал как не заслуживавшие внимания и более того, провокационные. Его аналитический ум, его холодный рассудок никак не могли воспринять всю совокупность накопившихся фактов и осознать реальность таковой, как она есть, а не такой, какую ему хотелось видеть.

В конце 1813 г. Итальянская армия получила подкрепление. В ее состав прибыла итальянская дивизия, сражавшаяся до того во Франции, а также несколько тысяч обученного молодого пополнения. Затем прибыла итальянская дивизия, вернее, ее остатки, из Испанской армии. Теперь Итальянская армия насчитывала около 50 тыс. чел. и свыше 100 оруд. Но одновременно подкрепления, и куда более значительные (25 тыс. чел.), получил и противник. В результате соотношение сил еще более изменилось в его пользу. Но тем не менее на протяжении всего января и первой половины февраля 1814 г. войска Итальянской армии прочно удерживали фронт на Адидже.

11 (23) января 1814 г. закончился договор о союзе с Австрией и через шесть дней Мюрат объявил о своем переходе на сторону Шестой антифранцузской коалиции, открыв военные действия против Итальянской армии Эжена де Богарне. Он поставил своим неаполитанским

войскам задачу овладеть всей территорией до реки По. В первой половине февраля 1814 г. неаполитанцы заняли Рим, Флоренцию, Модену, Парму, Феррару, изгнав оттуда небольшие французские гарнизоны, и установили взаимодействие с действовавшим на правом берегу По австрийским корпусом генерала Нугента.

Измена Мюрата поставила Итальянскую армию в крайне затруднительное положение, поскольку под угрозой оказались ее правый фланг и тыл. Богарне вынужден был направить против неаполитанцев почти треть своих сил, существенно ослабив фронт на Адидже. В этот критический момент его спасла лишь пассивность австрийского главнокомандующего Бельгарда, который, несмотря на свое более чем двукратное превосходство в силах, так и не решился атаковать войска Богарне на Адидже. Австрийский фельдмаршал полагал возможным перейти в наступление лишь после того, как Мюрат нанесет им удар во фланг и тыл. Но Мюрат и здесь не особенно торопился исполнять свои союзнические обязательства.

13 февраля Богарне объявил своим войскам о предстоящей войне с неаполитанцами. Через три дня он оставил свою позицию на Адидже и одним броском (на 15—30 км) отошел к реке Минчио (Минчо), в результате чего значительно улучшил оперативное положение своей армии. Бельгард принял этот маневр за общее отступление Итальянской армии и... жестоко поплатился за свой просчет. Быстро сосредоточив ударную группировку (24 тыс. чел.) в районе Ревербелло, Богарне нанес внезапный контрудар по выдвигавшимся без должных мер предосторожности к реке Минчио австрийским войскам (ок. 50 тыс. чел.). В результате развернувшегося 20 февраля на левом берегу этой реки сражения австрийцы были разбиты, потеряв более 8,5 тыс. чел. (в том числе 2 тыс. пленными). Потери Итальянской армии составили 2,5 тыс. чел.

Несмотря на то, что предательство Мюрата стало уже вполне очевидным фактом, **Богарне из-за позиции Наполеона, все еще не верившего в измену своего родственника, не мог начать против него активных действий.**

Наконец 27 февраля король неаполитанский (Мюрат) официально объявил войну Итальянскому королевству, избрав поводом для этого вылазку блокированного неаполитанцами гарнизона цитадели города Анконы. После этого многие французские генералы и офицеры, служившие под знаменами Мюрата, оставили службу в неаполитанской армии. «Неужели вы думаете, что я в душе не такой же француз, как и вы?!» – в запальчивости кричал Мюрат, обвиняя их в неблагодарности. Свой переход на сторону врага он объяснял исключительно лишь желанием спасти Неаполитанское королевство и предотвратить неизбежную внутреннюю смуту в нем. Призывая соотечественников оставаться на службе в своей армии, он обещал, что скоро обстановка изменится к лучшему. Но никакие уговоры не помогли. Абсолютное большинство французов не пожелало сражаться против своих соотечественников и, сохранив верность Наполеону, перешли на службу в Итальянскую армию Богарне. Вслед за этим Наполеон отозвал всех французов, еще остававшихся на неаполитанской службе.

Вероломство Мюрата произвело на Наполеона шокирующее впечатление. Это был первый из маршалов (), изменивших ему. *не считая Бернадота, уже давно вычеркнутого из списка маршалов Франции*

Правда, еще больше его поразило то, что его родная сестра Каролина, королева неаполитанская, оказалась заодно со своим мужем-предателем. Ярости императора не было предела. Но... исправить уже ничего было нельзя. Оставалось винить только самого себя на излишнюю доверчивость и самонадеянность, за свой корсиканский менталитет с его непоколебимой верой в прочность родственных уз и проявленную политическую недалекость, чего ранее за ним не наблюдалось, но в последние годы стало проявляться все чаще и чаще.

С присоединением Мюрата к антифранцузской коалиции против армии Богарне стала действовать 110-тысячная армия противника, в то время как он мог противопоставить ей лишь 35 тыс. Таким образом, противник теперь обладал более чем трехкратным превосходством в силах. 2 марта неаполитанцы Мюрата овладели Анконской цитаделью. После многодневной

артиллерийской бомбардировки, в результате которой все строения внутри крепости превратились в руины, а магазины с боеприпасами, продовольствием и другими запасами оказались уничтоженными, комендант крепости французский генерал Барбу вынужден был сдать цитадель.

Капитуляцию он заключил на почетных условиях: гарнизон покинул крепость с оружием, знаменами и всеми воинскими почестями. В тот же день неаполитанские войска заняли Ливорно, а в последующие дни – Пизу и Лукку, завершив оккупацию всей Тосканы. Следует отметить, что здесь негативную роль сыграл специальный представитель Наполеона и его давний тайный враг Фуше, заключивший соглашение с неаполитанцами, согласно которому французы оставляли все крепости Тосканы и уходили на родину, обязавшись в течение года не участвовать в боевых действиях против союзников, хотя они, не будучи побеждены, вовсе не обязаны были принимать такое условие. В результате такого предательского соглашения 4-тысячный гарнизон Генуи лишился столь необходимых ему подкреплений.

Возросшая активность противника к югу от реки По вызвала озабоченность командования Итальянской армии. Осуществив быстрый и искусный маневр, Богарне создал ударную группировку на своем правом фланге и 14 марта в районе Пармы нанес внезапный контрудар по противнику. В результате находившаяся там группировка австрийских и неаполитанских войск была разгромлена, понеся большие потери. Преследуя разбитого противника, войска Итальянской армии овладели городами Пармой и Реджио (Реджонель-Эмилия), а их передовые части вышли на ближние подступы к Модене. Но после того как прибывшие с рубежа реки Минчио войска ушли обратно, противник восстановил первоначальное положение, а затем развернул наступление на Пьяченцу. 22 марта англичане и их союзники, сардинцы и сицилийцы (войска сардинского короля и неаполитанских Бурбонов, удерживавших Сицилию), высадили крупный десант в Ливорно, который начал наступление на север, вдоль морского побережья. Вскоре англичане усилили эту группировку, и две английские дивизии повели наступление на Геную с юго-востока.

Тем временем в Италию пришло известие о падении Парижа и отречении Наполеона. Дальнейшая борьба на Итальянском фронте потеряла всякий смысл. 16 апреля там было заключено перемирие. По соглашению с союзниками французские войска покидали Италию и возвращались на родину.

Однако, несмотря на заключение конвенции о прекращении боевых действий, англичане упрямо стремились во что бы то ни стало овладеть Генуей. На подступах к этому городу развернулись упорные бои. Несмотря на свою малочисленность, французский гарнизон стойко отражал мощный натиск противника, имевшего более чем 6-кратное превосходство в силах. И только вспыхнувшее в Генуе восстание, организованное английскими агентами (на современном слэнге – «ждунами»), заставило французов оставить этот город (21 апреля 1814 г.).

19 апреля Итальянская армия оставила свои оборонительные позиции на Минчио и По, которые тут же были заняты австрийцами и неаполитанцами. А за два дня до этого, 17 апреля, она простилась со своим главнокомандующим.

Богарне сложил с себя обязанности главнокомандующего, передав командование армией командиру I-го корпуса генералу Гренье. 27 апреля он покинул Италию, выехав в Мюнхен, где находилась его семья.

На этом боевое поприще Эжена де Богарне, продолжавшееся 20 лет, закончилось. Французские войска (ок. 40 тыс. чел. и 77 орудий) повел на родину Гренье. В начале июня 1814 г. войска бывшей Итальянской армии прибыли во Францию, где сразу же были расформированы (20 июня 1814 г.).

В июне 1814 г. экс-пасынок (или Принц/вице-король Евгений,) на короткое время (в связи с кончиной матери) прибыл в Париж. Король Людовик XVIII и союзные монархи при-

няли его благосклонно. Они сохранили за ним все чины и титулы, а в лице русского императора Александра I Богарне нашел даже покровителя. *как это повелось в отечественной литературе*

На Венском конгрессе (сентябрь 1814 г. – июнь 1815 г.) союзные державы-победительницы решили судьбу Эжена де Богарне. Ему было выдано денежное вознаграждение в сумме 5 млн франков. За эти деньги его тесть баварский король предоставил Богарне княжество Эйхштеттское и даровал титулы принца Баварского и герцога Лейхтенбергского, утвержденные на Венском конгрессе стран-победителей Наполеона.

Во время «Ста дней» Наполеона Богарне не было рядом с императором. По всей вероятности, он не верил в успех предпринятой Наполеоном попытки восстановить империю и не пожелал рисковать своим положением. Не исключено, что свою роль сыграло и его новое окружение (баварский король, жена, королевский двор), удержавшее принца от опрометчивого шага. Вполне возможно, Богарне затаил обиду на своего приемного отца, отвергнувшего пять лет назад его мать, которая скончалась 29 мая 1814 г. в Мальмезоне, будучи еще далеко не старой женщиной (в возрасте 50 лет).

В общем, как бы там ни было, среди боевых сподвижников Наполеона в его последней кампании 1815 г. Эжена де Богарне не оказалось. Доблестно сражавшийся за дело императора в 1814 г. и оставшийся верным ему до конца, он в 1815-м, как и большинство маршалов, не пожелал встать под его знамена.

Последние годы жизни Эжен де Богарне провел на своей новой родине, в Баварии и только благодаря заступничеству своего тестя короля Баварии в относительной безбедности. Большую часть времени он проводил в своих новых владениях и в Мюнхене, где в построенном им дворце основал картинную галерею, собранную в Италии. Кроме картин в ней имелось и много других уникальных произведений искусства.

После отъезда из Италии Богарне отошел от всех государственных и политических дел, уйдя в частную жизнь.

Пасынок умер после падения империи своего великого отчима достаточно молодым – лишь на три года пережив его – 21 февраля 1824 г. в Мюнхене в возрасте 42 лет от апоплексического удара (инсульт) и похоронен там же в церкви Св. Михаила. На его беломраморном памятнике работы знаменитого Кановы выбит данный ему Наполеоном девиз: «Nonneur et Fidelity».

Спустя 15 лет после кончины де Богарне, в 1839 г., его сын Максимилиан женился на дочери российского императора Николая I великой княгине Марии Николаевне, положив начало русской ветви герцогов Лейхтенбергских. Этот род просуществовал в России около 80 лет, до падения династии Романовых в 1917 г. Ряд его представителей служили в русской армии...»

* * *

Эжен де Богарне занимал особое место в военной иерархии империи Наполеона.

Пройдя школу полководческого мастерства под началом близкого ему по духу генерала Макдональда, быстро став надежным, профессионалом без слабых мест, очень молчаливый, предельно серьезный и крайне внимательный к любому поручению Эжен участвовал во всех кампаниях Наполеона.

По своему происхождению Богарне принадлежал к старинному и титулованному французскому дворянству, в среде которого воинская профессия считалась традиционной. Получив хорошее военное образование и соответствующее воспитание, он посвятил себя службе на военном поприще, сначала под знаменами Республики, затем – под императорскими орлами. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов такой само собой разумеющийся факт, который сыграл решающую роль в его столь стремительной военной карьере, как родственная близость с Наполеоном. Но при всем этом нельзя отрицать и того, что без наличия соответствующих дарований сделать ее вряд ли бы было возможно. Император был прежде всего прагматиком

и ценил людей главным образом по их способностям и конкретным делам. Все остальное в расчет не принималось. Примеров тому более чем достаточно.

В частности, своего младшего брата Жерома Бонапарта (короля Вестфальского) Наполеон без колебаний отстранил от командования в самом начале Русской кампании 1812 года, как только убедился в его полной военной бездарности. Тяжелую руку императора испытали на себе и многие маршалы.

Богарне пользовался большим авторитетом в предводимых им войсках. Умный, смелый, энергичный, надежный в бою, быстро и умело реагирующий на любые изменения в обстановке, он пользовался полным доверием не только Наполеона, но и своих подчиненных. Этому во многом способствовали его личные качества: равное и доброжелательное отношение к людям разного общественного положения, доступность и простота в общении с подчиненными, благородство характера, честность и порядочность, полное отсутствие аристократической спеси и надменности, великодушие и удивительная скромность. Даже в ту бурную романтическую эпоху такие люди являлись большой редкостью. Это был прежде всего человек долга и чести в полном смысле этого слова.

Он в совершенстве владел уникальным даром прямого воздействия на войска. В случае крайней необходимости Эжен, не задумываясь, мог увлекать их личным примером на решение, казалось бы, крайне рискованных или вообще невыполнимых задач, как это имело место на полях сражений при Бородино или под Малоярославцем, а также неоднократно в ходе кампании 1813 г. в Германии и Итальянской кампании 1813—14 гг.

Мужество возглавляемых Эженом де Богарне войск и его личная храбрость не раз позволяли вырвать победу из рук противника, когда, казалось бы, никаких шансов на успех уже не было. К примеру, в сражении под Малоярославцем он овладел позицией противника, которую некоторые из маршалов считали неприступной, а потому предлагали Наполеону отказаться от попыток ее атаковать. «Я вчера сражался с восьмью дивизиями противника с утра и до самого вечера, и удержал свою позицию; император доволен», – лаконично сообщал Богарне своей матери на следующий день после сражения.

Блистательную храбрость и непоколебимое мужество Богарне проявил под Духовщиной, когда, оказавшись в безвыходном положении, он с честью вышел из, казалось бы, тупиковой ситуации, когда был лишь один выход – капитуляция.

Во время гибельного для остатков Великой армии отступления из России в 1812 году Эжен разделял со своими солдатами, не делая для себя никаких исключений, все тяготы и лишения, выпавшие на их долю.

В начале 1813 г. он спас вышедшие из России жалкие остатки некогда Великой армии, брошенные на произвол судьбы Мюратом, собрал, организовал и привел их в боеспособное состояние.

О его внимании к нуждам войск свидетельствует хотя бы такой факт. Первое, что интересовало Богарне по прибытии в ту или иную часть, – как организовано питание солдат. И только убедившись, что снабжение войск организовано на должном в данной обстановке уровне, он переходил к решению других вопросов. Подобное никогда не приходило в голову его предшественнику.

В 1813—14 гг. Богарне возглавлял Итальянскую армию, во главе которой в течение восьми месяцев успешно сдерживал натиск значительно превосходившего его в силах противника. Ведя активную оборону, широко применяя маневр силами и средствами, действуя смело и решительно, он по существу парализовал активность противника до самого конца войны и не позволил ему воспользоваться своим преимуществом.

В наиболее ответственные моменты, когда боевая обстановка накалялась до предела, железная выдержка и завидное хладнокровие никогда не покидали де Богарне. Его решения всегда были обдуманними и всесторонне обоснованными. Как военачальник он не был лишен

дара оперативного предвидения и умел просчитывать свои действия на несколько ходов вперед, предвидеть возможные трудности, которые могли возникнуть в ходе реализации принятого решения, и планировал проведение необходимых мероприятий, направленных на нейтрализацию таковых в случае их возникновения. В этом он выгодно отличался от многих наполеоновских маршалов.

Эжен де Богарне остался верен Наполеону до конца и предпочел безусловное исполнение своего воинского долга самым заманчивым посулам врагов Франции. Он прекратил борьбу только после падения Наполеона, а войска его армии непобежденными вернулись на родину, не склонив свои боевые знамена перед врагом. С падением империи его отчима закончилось и боевое поприще Богарне, которому он отдал большую часть своей жизни.

В событиях «Ста дней» 1815 г. участия он уже не принимал.

Не будучи маршалом Империи, он на последнем этапе полководческой карьеры Наполеона входил в число его ближайших военных сподвижников. Уже с 27 лет Богарне командует одной из наполеоновских армий, и командует, надо сказать, довольно успешно, не в пример некоторым из маршалов Империи, обладавшим куда более внушительным по сравнению с ним боевым опытом.

Анализируя военную деятельность Эжена де Богарне, можно сделать вывод, что он не был лишен таланта полководца.

Подтверждением тому является проведенная им самостоятельно последняя из его кампаний – Итальянская кампания 1813—14 гг. Имея перед собой противника, обладавшего двух, а затем и трехкратным превосходством в силах, он своими умелыми действиями сумел полностью нейтрализовать его.

Только за одну эту кампанию Богарне имел полное право претендовать на жезл маршала.

Правда, у Наполеона, по всей видимости, просто не хватило времени, чтобы удостоить своего приемного сына этого высшего знака воинского отличия. Обтянутый бархатом и украшенный золотыми орлами символ маршальского достоинства тот так и не получил. Возможно, здесь сыграла свою роль одна, казалось бы, на первый взгляд, не такая уж значительная, но весьма существенная с монархической точки зрения деталь (а к такого рода условностям император всегда относился очень щепетильно). Дело заключалось в том, что в соответствии с существовавшими во Франции историческими традициями звание маршала принцам королевского дома давно уже не присваивалось, так как подобное пожалование считалось умалением достоинства правящей династии.

Смог ли бы Наполеон преодолеть эту условность? – неизвестно. Вопрос остается открытым. На решение этого деликатного вопроса история ему времени не отпустила. Сам же император на сей счет никаких комментариев не оставил.

В памяти современников Богарне остался человеком благородной души и высоких нравственных качеств, как говорится, настоящим рыцарем без страха и упрека. Это был храбрый, без экзальтации, воин, отважный генерал и одаренный военачальник крупного масштаба. В этом качестве он неоднократно проявлял свои выдающиеся военные способности.

Как военачальник экс-пасынок вырос буквально на глазах Наполеона. Начав службу при нем юным лейтенантом, он уже в 19 лет становится полковником, а в 22 года получает чин генерала. В 27 лет Богарне назначается командующим армией, заняв, таким образом, должность, которую Наполеон доверял только маршалам, да и то далеко не всем.

Военная карьера этого благороднейшего рыцаря своей эпохи все время шла по восходящей. У него было почти все для того, чтобы претендовать на маршальство: талант безупречная репутация преданного служак и, наконец, родственные связи – как-никак пасынок (потом экс-пасынок) самого императора. (*хоть и не блестящий, но немалый!*),

И, все же, маршалом этот кристально честный, доброжелательный ко всем независимо от их социального положения людям, хладнокровный всегда и везде, храбрый не напоказ,

а тогда, когда надо, сын виконта и королевского генерала Эжен де Богарнэ так и не стал: его бывший отчим потерял власть...

Эжен де Богарне вошел в историю как один из наиболее доблестных боевых сподвижников Наполеона и один из наиболее талантливых военачальников наполеоновской армии.

Экс-пасынок продолжил быть человеком Наполеона и после того как миф о непобедимости его отчима развеялся окончательно. Его преданность своему экс-отчиму никогда не вызвала сомнений. Безусловно, после Даву это был самый верный Наполеону военачальник.

Так и остался Эжен де Богарне в памяти современников человеком благородной души и высоких нравственных качеств, как говорится, настоящим рыцарем без страха и упрека, чье имя выбито на Триумфальной Арке площади Звезды.

Бонапарт умел ценить личную преданность: «Если бы мне было нужно переступить через пропасть, он один протянул бы мне руку». Недаром великий Гете, лично знакомый с Эженом де Богарнэ, уже после смерти последнего, емко и лаконично охарактеризовал того: «Это был крупный человек. Такие люди встречаются все реже и реже. Вот человечество стало беднее еще на одну незаурядную личность».

Сам Наполеон напоследок так характеризовал своего пасынка: «Эжен – умелый администратор и человек высоких достоинств. Однако он, конечно, не гений. Ему не хватает твердости характера, которая отличает великих людей».

«...Если бы я потерял Вандама, то не знаю, что бы я отдал, чтобы получить его обратно; но если бы имел двоих, я был бы вынужден приказать расстрелять одного!» (Вандамм)

Сугубо факты:

Дивизионный генерал (5 февраля 1799 г.), граф Юнебург и Империи (19 марта 1808 г.), родился 5 ноября 1770 г. в Касселе в семье хирурга Мориса Вандамма и его супруги Барб-Франсуазы Баерт, образование получил в Парижской военной школе (Ecole militaire de Paris).

Вандамм Жозеф-Доминик-Рене

27 июля 1788 г. поступил на военную службу солдатом 4-го батальона колониальных войск, 28 февраля 1789 г. отплыл из Лориента на борту флюта «Uranie» и 31 марта прибыл на о-в Мартиника, 14 сентября 1789 г. – капрал, 29 апреля 1790 г. возвратился во Францию в чине сержанта и 22 июня вступил в пехотный полк Бри.

В начале Революционных войн сформировал роту добровольцев и присоединился к Северной Армии, где 5 сентября 1793 г. возглавил в чине капитана батальон егерей Мон-Касселя, преобразованный в 1794 г. в 14-ю лёгкую полубригаду, сражался в Бельгии и Голландии, произведён в подполковники, прославился в сражении 7—8 сентября 1793 г. при Ондсхоте, где командовал авангардом Северной и Арденнской Армий. 27 сентября 1793 г. – бригадный генерал, отличился при захвате Фурне и Ипра.

17—18 мая 1794 г. сражался при Туркуане, 4 июля 1794 г. осадил Ньюпорт, 18 июля захватил его и подверг безжалостной резне (более 500 французских эмигрантов был расстреляны).

7 июня 1795 г. определён под команду генерала Журдана в Самбро-Маасскую Армию, но в тот-же день отстранён от службы за грабежи и злоупотребления в завоёванных областях, 29 сентября 1795 г. возвратился к активной службе с назначением в Западную Армию.

22 ноября 1795 г. назначен в состав дивизии генерала Сен-Сира Рейнско-Мозельской Армии, командовал авангардом дивизии генерала Дюгема в сражении 20—21 апреля 1797 г. при Дирсхейме, где под ним убита лошадь.

12 января 1798 г. переведён в Армию Англии, в апреле 1798 г. – комендант Шербура, в сентябре 1798 г. возвратился в Рейнскую Армию генерала Моро, командовал бригадой 6-й пехотной дивизии генерала Ферино.

5 февраля 1799 г. – дивизионный генерал, отличился в бою 25 марта 1799 г. у Штоккаха. 5 апреля 1799 г. – командир 2-й пехотной дивизии Дунайской Армии, 30 мая 1799 г. – командир 1-й пехотной дивизии, вызван в Париж, где предстал перед Военным советом по обвинению в незаконных реквизициях, был оправдан и определён в состав Армии Батавии. 3 сентября 1799 г. – командир 1-й пехотной дивизии, сражался в Северной Голландии под командой генерала Брюна, отличился в сражении 19 сентября 1799 г. при Бергене, внёс огромный вклад в победу 6 октября 1799 г. при Кастрикуме.

26 января 1800 г. возвратился в Рейнскую Армию, 26 марта 1800 г. – командир 1-й пехотной дивизии, отличился в сражениях при Энгене, Штоккахе, Меммингене и Мескирге.

С 19 сентября 1801 г. по 30 августа 1803 г. – командир 16-го военного округа, затем возглавил 2-ю пехотную дивизию в лагере Сент-Омер.

23 августа 1805 г. – командир 2-й пехотной дивизии IV корпуса маршала Сульта, 6 октября 1805 г. захватил мост в Донауверте, 2 декабря 1805 г. прославился в сражении при Аустерлице.

16 июля 1806 г. вследствие разногласий с маршалом Сультом передал командование дивизией генералу Левалю и был приписан к штабу Великой Армии (Grande Armee). 20 октября 1806 г. – командир 3-й пехотной дивизии VI-го корпуса маршала Нея, 27 октября 1806 г. – командир 2-й пехотной дивизии IX-го корпуса принца Жерома Бонапарта, отличился при захвате Магдебурга и важнейших крепостей Силезии – Глогау, Бреслау, Глаца и Нейса.

11 ноября 1807 г. – командующий 16-го военного округа, 16 августа 1808 г. переведён в Булонский лагерь.

20 марта 1809 г. – командир 1-й вюртембергской дивизии VIII корпуса Великой Армии, участвовал в Австрийской кампании, сражался при Абенсберге, Ландсгуте и Экмюле, 1 июня 1809 г. сменил маршала Ожеро на посту командира VIII корпуса, во главе которого отличился в сражении при Ваграме, где был ранен.

После окончания боевых действий направлен вместе с корпусом в Штирию, где беспощадными и жестокими мерами подавил национальные выступления.

20 ноября 1809 г. возвратился во Францию.

С 7 февраля 1810 г. до 30 августа 1811 г. командовал Булонским лагерем, 24 августа 1811 г. – командующий 14-го военного округа.

21 февраля 1812 года возглавил 2-ю дивизию VIII Вестфальского корпуса (не самого боеспособного во всей Великой армии) короля Жерома, 3 июля в Гродно отстранён от командования за грабежи, совершённые его солдатами на территории Герцогства Варшавского и удалился в Кассель, а затем в Париж.

Оставался без служебного назначения до 17 марта 1813 г., когда возглавил 2-ю пехотную дивизию в Везеле, 18 марта 1813 г. – 30—31 апреля 1813 г. подверг бомбардировке и занял Харбург, затем форсировал Эльбу, 9 мая 1813 г. захватил о-в Вильгельмсбург, а затем Гамбург и Бремен, 1 июля 1813 г. – командир I корпуса, 28 августа нанёс поражение корпусу генерала Евгения Вюртембергского при Годендорфе, где захватил более 2 тыс. пленных.

30 августа 1813 г. потерпел поражение под Кульмом и был захвачен в плен казаками генерала Василия Дмитриевича Иловайского. Император Александр I принял генерала и упрекнул его за суровое обращение с немцами и эмигрантами, на что получил ответ: «Зато меня никогда не обвинят в том, что я убил своего отца». Был отправлен в Россию и проживал в Вятке до заключения Парижского мира. *12-го*

В июле 1814 г. возвратился во Францию, оставался без служебного назначения и по приказу правительства находился под домашним арестом в Касселе.

Во время «Ста дней» присоединился к Императору и с 9 апреля 1815 г. командовал войсками в Дюнкерке, 20 апреля 1815 г. возглавил III корпус Армии Севера, 2 июня 1815 г. – пэр Франции, 15 июня 1815 г. его корпус был включён в состав армии маршала Груши. Сражался 16 июня при Линьи и 18—19 июня при Вавре, после поражения Императора при Ватерлоо отвёл свои войска к Парижу, а после капитуляции столицы – за Луару.

После Реставрации включён 24 июля 1815 г. в проскрипционные списки, лишён звания пэра, исключён из службы и осуждён на изгнание. В 1816 г. уехал в Америку. *Второй*

1 декабря 1819 г. получил помилование, вернулся во Францию и 1 апреля 1820 г. восстановлен в списках Генерального штаба, 1 января 1825 г. вышел в отставку.

Вот как его описал вестфальский офицер фон Лоссберг: «Никогда я не видел человека, который имел бы столь энергичную военную внешность, как Вандамм. Поистине, он походил на бога войны, который, однако, совершенно не знает слова „сострадание“. Все его движения выдавали, что он был произведен в генералы при Робеспьере, поскольку выражали грубую и дикую силу... Главными чертами его лица были очень резко очерченный, прекрасный по форме римский нос, большие черные глаза и темные волосы».

Умер трижды кавалер орд. Почетного Легиона (Шевалье – 10 декабря 1804 г., Высший Офицер – 14 июня 1805 г. и Высший Крест – 27 декабря 1805 г.) 15 июля 1830 г. в Касселе в возрасте 59 лет.

Имя генерала выбито на Триумфальной арке площади Звезды.

«Ключевые моменты»:

– Дивизионный генерал (1799), служивший в пехоте, командовавший пехотной дивизией (1803—06), I корпусом (1813), граф Энсебур и Империи (1808), участник революционных и наполеоновских войн, (5 ноября 1770 Кассель, департамент Нор. Франция – 15 июля 1830, там же) был сыном хирурга из Касселя. **Доминик Жозеф Рене Вандам**

– Он окончил Военное училище в Париже.

– Отдан в 1788 г. родителями во вспомогательный колониальный батальон.

– 31 марта 1789 г. прибыл на о. Мартиника и был зачислен в полк этой колонии.

– Произведен в том же году в сержанты, в 1790 дезертировал и 29 апреля вернулся во Францию.

– Снова поступил в армию солдатом, уволен 26 августа 1792 г.

– В 1792 г., воодушевлённый идеями революции, сформировал в своих родных местах отряд ополченцев, и возглавил его в качестве капитана.

– Отряд был включен в состав Северной армии и развернут в стрелковый батальон, командиром которого Вандам и был назначен.

– 27 сентября 1793 г., в возрасте 23 лет, произведён в бригадные генералы, участвовал во взятии Фюрна и Ипра.

– В июле 1794 г., находясь под командованием Моро, взял Ньюпорт, при этом большая часть эмигрантов, нашедших там убежище, была вырезана.

– Затем некоторое время замещал Моро в должности начальника дивизии.

– В мае 1795 г. отозван из Северной армии и обвинён в организации террора во время кампаний 1793 и 1794 гг., а также в разграблении Фюрна Комитетом общественного спасения, однако, уже в сентябре снял с него обвинения и вернул на службу.

– В 1795—96 гг. воевал в составе Самбро-Маасской и Рейнско-Мозельской армий.

– Когда после провала Раштаттского конгресса война разгорелась вновь, Вандам, произведённый 17 февраля 1799 г. в дивизионные генералы, командовал 2-й дивизией Дунайской армии.

– Уже весной против него опять выдвинули обвинения в вымогательствах контрибуции, которую он затем присвоил, и грабежах; дело рассматривалось военным советом, но Вандама снова решено было простить, и военный министр послал его на северо-запад Франции заниматься укреплением побережья.

– С 19 сентября 1799 г. Вандам – в составе Голландской армии Брюна. Командовал левым крылом франко-батавских войск в сражениях с англичанами и русскими: отличился при Бергене и при Кастрикюме.

– 20 января 1800 г. вновь определён в Дунайскую армию своего друга Моро, участвовал в сражениях у Хоэнтвиля, Штокаха, Энгена, Месскирха и Меннингена.

– 17 августа 1800 г. снова обвинён в грабежах и неподчинении приказам, снова отстранён от командования, но немного времени спустя оказался в Граубюнденской армии Макдональда, где вновь отличился во время Граубюнденского похода Массена в 1800—01 гг.

– По окончании войны и возвращении в Париж был принят Первым консулом. Награждён орд. Почётного легиона.

– В кампанию 1805 г. командовал 2-й дивизией в IV корпусе Сульта, нанес первый в этой кампании удар по австрийцам, опрокинув у моста в Донаувёрте полк Коллоредо.

– В Аустерлицком сражении дивизия Вандама атаковала самый ключевой пункт линии союзников – Праценские высоты. Безостановочное, совместно с дивизией Сент-Илера, наступ-

ление Вандама против войск Милорадовича привело к разгрому центра союзной армии, что и решило исход сражения в пользу Наполеона. За это сражение был награждён Большим орлом Почетного легиона.

– В 1806 г. отозван из действующей армии из-за конфликта с Сультом. 2 декабря 1806 г. император отправил его в распоряжение своего брата Жерома.

– Во главе 2-й дивизии IX корпуса оккупировал Силезию: в декабре 1806 – феврале 1807 г. взял Глогау, Бреслау, Бриг-на-Одере, Швейдниц; 16 июня – Нейссе.

– 22 октября награждён Большим крестом Королевского ордена Голландии и Большим крестом Военного ордена Вюртемберга.

– В 1808 г. начальник Булонского лагеря. В том же году Наполеон дал ему титул графа Юнебургского.

– В кампанию 1809 г. командовал VIII Вюртембергским корпусом Великой армии. 29 апреля, соединившись с маршалом Лefевром, разбил у Абенсберга австрийскую дивизию, участвовал в бою под Ландсхутом, в ходе сражения при Экмюле взял одноимённый замок и город. В июле 1809 г. ранен при Ваграме.

– В 1810 г. вновь был начальником Булонского лагеря.

– В кампанию 1812 г. был назначен командовать VIII-м (Вестфальским) корпусом Великой армии, но уже 6 августа был отстранен из-за ссоры с Жеромом Бонапартом, обвинившим его людей в грабежах на территории Великого герцогства Варшавского.

Вновь призван в Великую армию 18 марта 1813 г., с 1 июля командовал I корпусом. Вызванный Наполеоном в Саксонию, он принял участие в операциях под Дрезденом, где ему было поручено действовать против тыла правого фланга Богемской армии союзников. Он мог бы поставить в критическое положение русские войска А. И. Остермана-Толстого, захватив на их пути выходы из Рудных гор, но это ему не удалось. После чего, полагая, что его тыл прикрыт Наполеоном, Вандам настойчиво атаковал Остермана-Толстого под Кульмом, но вскоре сам оказался в окружении, когда 30 августа в тылу у него показались прусские войска. Пытался пробиться, но атакованный с нескольких сторон численно превосходящим противником, был вынужден сложить оружие.

– Когда Вандама представили Александру I, в ответ на упреки в насилиях над немцами и французскими эмигрантами он дерзко ответил: «По крайней мере меня не могут обвинить в убийстве своего отца», намекая на известное происшествие с Павлом I.

– Был отправлен сначала в Москву, где содержался в Кремле, затем в Вятку.

– 1 сентября 1814 г. вернулся во Францию.

– Во время «Ста дней» Наполеон сделал его пэром Франции, комендантом Дюнкерка, а 9 апреля 1815 г. назначил командующим III корпуса Северной армии Груши. Участвовал в битве при Линьи, затем добился заметного успеха при Вавре. Преследовал отступающих пруссаков, когда узнал о поражении императора при Ватерлоо. Отступил со своим корпусом к Парижу. Несколько генералов предложили ему главное командование армией, но он отказался.

– Париж был занят союзниками, Вандам с остатками войск отступил за Луару, после чего заявил о подчинении королю.

– Ордонансом 24 июля 1815 г. был исключен из военной службы, как и многие другие наполеоновские генералы, а 12 января 1816 г. был вынужден покинуть королевство.

– Не нашёл убежища в Бельгии и уехал в США.

– Ордонанс 1 декабря 1819 г. позволил ему вернуться на родину. Он был даже восстановлен 1 апреля 1820 г. на службе. Окончательная отставка последовала 1 января 1825 г., после чего Вандам занялся писанием мемуаров.

– Ему было 59 лет, когда он ушел в свой – Бессмертие – 37 из них он отдал армии.

Последний Солдатский переход

– По словам современников, Вандам был храбрым, умным и способным генералом, но отличался необузданным и строптивым характером, и имел прочную репутацию грубияна и грабителя.

«Аналитическая версия»:

«...Выходец из семьи хирурга, ставший дивизионным генералом еще в до-наполеоновскую эпоху (5.2.1799; генеральские эполеты ему вручили в 22 года!) граф д'Энзебург (Унзенбург/Юзенбург), (1770/71, Кассель, Фландрия – 1830, там же), отличавшийся большой личной храбростью и чрезвычайной требовательностью к подчиненным, граничавшей с жестокостью (за что его не любили в войсках), очень достойно прошел все революционные и наполеоновские войны. , **Вандамм, Доменик Жозеф Рене**

Начав военную карьеру солдатом в колониальном батальоне на о. Мартиника в 1788 г., в 1790 г. он дезертировал и вернулся во Францию. Вандамм служил в революционной армии (Самбро-Маасской; особенно отличившись в сражении с англо-австрийскими войсками при Ондскоте в 1793 г.) из которой был уволен в июне 1795 г. за несдержанность в высказываниях и незаконные поборы на оккупированных территориях, но затем снова возвращен, снова обвинялся в злоупотреблениях и хищениях, командуя правым крылом Рейнской армии, сражался против англо-русских войск в Голландии в 1799—1800 гг. (Хохентвейль, Штокках, Месскирхе, Мемминген), отличился при захвате моста Донаувёрте в начале австро-русской кампании 1805 г., отменно действовал при Аустерлице (успешно атаковал Праценские высоты), с отличием прошел всю кампанию 1806—07 гг. В войне с Австрией в 1809 г. он командовал 1-й дивизией I-го корпуса Резервной армии (позже VIII-й корпус Великой Армии), с которым принял участие в сражениях при Абенсберге и Ландсхуте. Он во время организовал преследование отступавших австрийцев к Линцу. Сменив маршала Ожеро, он руководил VIII-м корпусом под Ваграмом (был ранен). В начале Отечественной войны 1812 г. он – командующий корпусом.

Возможно, лишь его отвратительный характер помешал ему в свое время стать маршалом. О его резкости, бесцеремонности ходили легенды. Так, посчитав, что в 1809 г. после победного Ваграма Наполеон обошел его маршалством, а сделал маршалами Макдональда, Удино и своего однокашника по училищу Мармона, Вандамм не находил себе места от гнева и злобы на счастливых и особенно на их благодетеля. Взбешенный Доминик орал, что Бонапарт всего лишь «трус, мошенник и лжец» и без его «вандаммовой» помощи «по-прежнему бы... пас свиней на своей с... ной Корсике!»

В ходе поначалу удачно складывавшейся для Бонапарта кампании 1813 г. именно Вандамму судьба дала шанс схватить «жар-птицу» -маршальский жезл за хвост. Его мощный (32-35-37-тысячный?) корпус был брошен Бонапартом в тыл отступавшей деморализованной после поражения под Дрезденом Богемской армии австрийского генерала-«паркетника» Шварценберга. Ему следовало немедленно добить разгромленного врага. Всем казалось, что храбрый генерал справится с поставленной ему лично императором задачей и... маршальские эполеты наконец-то украсят его широкие плечи.

Но «Капризная Девка» по имени Фортуна рассудила иначе: от 10 до 14 тыс. () русских гвардейцев (Преображенский, Семеновский, Измайловский, Егерский полки и Морской экипаж) генерала Остермана-Толстого и 2-й пехкорпус принца Евг. Вюртембергского (всего – не более 18 тыс. чел.) спасли Шварценберга от нового разгрома. Целый день они героически сдерживали яростные атаки превосходящих сил Вандамма при Кульме. А затем подоспевшие корпуса Барклая-де-Толли и прусского генерала Клейста окружили Вандамма. Потеряв 22 тыс. убитыми, ранеными и пленными, оказавшись еще к тому же в плену, Вандамм навсегда лишился надежд на маршалат! Более того, поражение Вандамма при Кульме не позволило Наполеону развить Дрезденский успех и захватить инициативу. *данные сильно разнятся*

Характерно, что на допросе у самого российского императора прямой рубка Вандамм не изменил себе и в ответ на обличение его солдат в мародерстве и разбое, якобы ответил в крайне резкой форме: «Я не разбойник и не грабитель! И уж, во всяком случае, ни мои современники, ни будущие поколения не смогут упрекнуть меня в том, что я обагрив руки кровью своего отца!» За такую бестактность к особе, храбрец-наглец «загрел» в захолустную Вязму. И о маршальских эполетах уже не могло идти и речи... *Царя Вся Руси*

После окончания войны он все-таки вернулся на родину и даже «вскочил на подножку последнего вагона», идущего под откос «поезда Бонапарта» – принял участие в его легендарных «Ста днях». Ему довелось сражаться при Линьи и в составе 33-тысячного корпуса печально знаменитого маршала Груши бесполезно «бодаться» с 17-22-мя тысячами пруссаков Тильмана под Вавром и Намюром (ранен). После катастрофы Бонапарта под Ватерлоо, он отвел свои войска в полном порядке в Париж, а затем и за Луару...

В ходе той краткосрочной кампании критиковал по делу Бонапарта за его медлительность и нерешительность, в том числе, при Линьи, а после этого сражения и отправку трети всех французских сил с Груши в догонку за разбитыми пруссаками Блюхера.

Несмотря на то, что он встал на сторону вновь вернувшихся Бурбонов, его осудили на изгнание. «Перекантававшись» несколько лет в Америке, в 1819 г. генерал Вандамм получил помилование, вернулся на родину и спокойно доживал отпущенные ему судьбой годы.

Он не пользовался любовью солдат вследствие корыстолюбия и чрезвычайной суровости, доходящей до жестокости, имел необузданный и строптивый характер, Наполеон говорил о нём: «Если бы я имел двух Вандаммов, то непременно велел бы одного из них расстрелять», но замечал «Я поручил-бы ему командовать авангардом в случае наступления на Люцифера в Аду»...»

«Если шпага коротка, сделайте шаг вперед!» (Гош)

Сугубо факты:

Дивизионный генерал (23 октября 1793 г.), которому принадлежит знаменитая фраза «Если меч короток – нужно только сделать лишний шаг» (*Si le glaive est court – il fait seulement faire le pas superflu*) родился 24 июня 1768 г. в Версале в семье конюха короля Людовика XVI-го Луи Гоша и его супруги Анны Марлиер. *Луи-Лазар Гош*

В 1782 г. в возрасте 14 лет поступил стремянным в королевские конюшни, а 19 октября 1784 г. поступил на военную службу фузилёром Королевской пешей гвардии, где быстро привлёк внимание командиров кипучей деятельностью и стремлением к самообразованию.

16 июня 1789 г. – капрал, когда 31 августа 1789 г. его полк был распущен, Гош в чине сержанта вступил в Национальную гвардию Парижа 1 января 1792 г. переведён старшим сержантом в 104-й пехотный полк, 18 мая 1792 г. – лейтенант 58-го пехотного полка, в августе 1792 г. под командованием генерала Вимпфена отличился при защите Тионвилля и 1 сентября 1792 г. произведён в капитаны и определён в состав Арденнской Армии, где учился «науке побеждать» у генерала Левенера.

18 марта 1793 г. под командованием генерала Дюмурье отличился в сражении при Неервиндене, после чего был вызван в Париж и представил Комитету общественного спасения план новой кампании, вызвавший восторги генерала Карно.

15 мая 1793 г. – шеф батальона в составе Северной Армии, 10 сентября 1793 г. – шеф бригады, начальник штаба дивизии генерала Суама в Дюнкерке, за мужественную оборону этой крепости против англичан герцога Йоркского произведён 13 сентября 1793 г. в бригадные генералы, 22 сентября 1793 г. – начальник штаба Арденнской Армии, 23 октября 1793 г. – дивизионный генерал.

Женился на 16-летней девушке Аделаиде Дешо и после медового месяца, длившегося неделю, отправился к Мозельской Армии, командующим которой был назначен 2 ноября 1793 г.

По приказу Комитета общественного спасения 25 декабря 1793 г. возглавил объединённые Мозельскую и Рейнскую Армии, атаковал Ландау, но был отброшен австрийцами. Собрал силы, захватил Фурне, сразился с Вурмзером на линиях Вейссенбурга, деблокировал Ландау, захватил Гермерсхейм, Шпеер, Вормс и очистил от австрийцев Эльзас.

10 марта 1794 года назначен командующим Итальянской Армии, но уже 20 марта из-за несогласий с народным представителем Сен-Жюстом был освобождён от своих обязанностей.

1 апреля 1794 г. арестован в Ницце и 4 апреля привезён в Париж, где с 11 апреля содержался в монастыре Кармелитов, а с 16 мая – в Консьержери.

После государственного переворота 9 термидора II-го года (27 июля 1794 г.) и падения Робеспьера получил свободу и 3 ноября 1794 г. назначен главнокомандующим Армий Бреста и Шербура с жестким требованием немедленно навести порядок в Вандее и Бретани, вместе с ним в качестве адъютанта отправился Эжен де Богарне, будущий вице-король Италии. Гош восстановил дисциплину и благодаря эффективной тактике против шуанской герильи подписал 15 февраля 1795 г. в Жонэ мирное соглашение с вандейцами. Однако, уже в апреле мир был нарушен и 1 мая 1795 г. Гош вновь занял пост командующего Армии Бреста, а уже в июне 1795 г. прославился разгромом англо-роялистского десанта на полуострове Киберон.

15 июля 1796 г. периодическим разоружением Вандеи и захватом заложников добился официального провозглашения примирения (после умиротворения Вандеи на генерала было совершено два неудачных покушения – одно с помощью яда, другое – выстрел из пистолета у театра в Ренне).

22 сентября 1796 г. – командующий 12-го, 13-го, 14-го и 22-го военных округов, 1 ноября 1796 г. возглавил экспедицию, предназначенную для вторжения в Ирландию. 15 декабря 1796 г. экспедиция (44 корабля, ок. 20 тыс. штыков) отплыла из Бреста, но вследствие непогоды французские корабли были рассеяны и двигались к Ирландии поодиночке или небольшими группами. Флагман вице-адмирала Морара де Галла 32-пушечный фрегат «Fraternite», на борту которого находился генерал Гош, 21 декабря был обнаружен одним из британских фрегатов и во избежание столкновения отступил далеко в Атлантику. 30 декабря он достиг Бантри-Бей и, обнаружив, что остальные корабли эскадры возвратились во Францию, также повернул обратно и 13 января 1797 г. прибыл в Рошфор.

24 января 1797 г. – командующий Самбро-Маасской Армией (80 тыс. чел.), под обстрелом врага форсировал Рейн и нанёс австрийцам последовательно пять поражений – при Нейвиде, Укерате, Альтенкирхене, Дирдорфе и Хеддесдорфе, захватил 8 тыс. пленных и занял Вецлар, но Леобенский мир остановил его триумфальное шествие по немецкой территории.

Получил в команду армейский корпус, помещённый в окрестностях Парижа с целью обезопасить Директорию от интриг Клуба Клиши, но вскоре был заменён генералом Ожеро и возвратился в свою штаб-квартиру в Вецларе. Там он 19 сентября 1797 г. скоропостижно скончался от «кровавого кашля» (туберкулёза) в возрасте 29 лет, оставив по себе репутацию рыцарски честного и безкорыстного воина.

Похоронен в маленьком городке Вейзентурм недалеко от Кобленца.

Ключевые моменты в биографии самой яркой звезды среди генералитета революционной Франции таковы:

– Сын отставного солдата, рано потерявший мать и воспитываемый у тетки, знаменитый дивизионный генерал (1793), (24 июня 1768, Монтрёй – 19 сентября 1797, Вецлар) в 15 лет работает помощником конюшего в королевских конюшнях в Монтрёй. ***Луи-Лазар Гош***,

– В 16 лет хотел завербоваться в колониальные войска, но так как обладал прекрасными физическими данными, попал во французскую гвардию.

– После начала революции 1789 г. остался в гвардии, через несколько месяцев был произведен в капралы, в мае 1792 г. – в лейтенанты, а в сентябре того же года – в капитаны.

– Отличившись зимой 1792—1793 гг. при наступлении французской армии в Бельгии, осенью 1793 г. уже командовал армией.

– Дважды арестовывался: первый раз по подозрению в соучастии генералу Дюмурье, второй – по доносу генерала Пишегрю.

– Выйдя из тюрьмы после термидорианского переворота, был назначен командующим армиями на западе Франции.

– 20 апреля 1795 г. Гош подписал мирный договор с предводителями вандейцев.

– 21 июля 1795 г. окружил и наголову разгромил две дивизии французских эмигрантов, высадившихся на полуострове Киберон в Битве при Кибероне. 748 дворян-эмигрантов, взятых с оружием в руках и одетых в британскую форму были расстреляны на месте.

– В конце 1796 г. возглавил военную экспедицию в Ирландию, которая закончилась неудачей.

– В 1797 г. командовал Самбро-Маасской армией и успешно форсировал Рейн. 18 апреля 1797 г. разбил у Нойвида австрийцев.

– В начале сентября 1797 г. Гош послал войска в Париж для помощи Директории в осуществлении антироялистского переворота.

– Став самым популярным генералом Французской республики (может быть, за исключением Бонапарта?), неожиданно умер 19 сентября 1797 г., предположительно, от пневмонии.

– Гошу было всего лишь 29 лет (13 из них он отдал армии).

– Не без оснований считался ярчайшей звездой (возможно, все же, кометой?) на столь звездном в ту пору полководческом небосклоне революционной Франции.

« Аналитика» дает следующую картину биографии Гоша:

«...Отец дивизионного генерала (1793) (24.06.1768, Монтрей близ Версаля, – 19.09.1797, Вецлар, Германия) был отставным солдатом, служившим потом егерем в королевских владениях. *Луи Лазаря Гоша,*

С 14 лет Гош – помогал конюху в королевских конюшнях. В 1784 г. поступил рядовым солдатом в королевскую гвардию. Выделялся среди своих товарищей редкими способностями и вскоре был произведен в капралы. Не имея никакого образования, Гош тем не менее отличался большой тягой к знаниям и все свое скудное содержание тратил на приобретение книг. Путем упорного самообразования он значительно расширил свои познания и существенно восполнил пробелы образования.

Успехи молодого Гоша в приобретении знаний были поразительны, никому из окружающих его в то время людей даже не могла прийти в голову мысль о его безграмотности. К началу Французской революции (1789) он был уже сержантом гвардии.

В первые же дни революции полк, в котором служил Гош, перешел на сторону восставшего народа и принял участие в штурме Бастилии (14 июля 1789 г.). В том же году Гош вступил в Национальную гвардию Парижа и был произведен в офицеры. В 1792 г. он получил чин капитана.

С началом войны революционной Франции против антифранцузской коалиции европейских держав (апрель 1792 г.) отправился на фронт. Батальон Национальной гвардии, в котором служил Гош, вошел в состав Арденнской армии. Сражался с интервентами на северо-востоке Франции. В первых же боях показал себя храбрым и мужественным офицером, способным командиром. Был замечен командиром дивизии генералом Левенером, взявшим его в начале 1793 г. к себе адъютантом. Отличился при осаде Тионвиля, в сражении при Неервиндене (18 марта 1793 г.), а также в целом ряде боев местного значения. *Первой*

Весной 1793 г., после заключения генералом Дюмурье предательского соглашения с австрийцами, Левенер послал Гоша с донесением в Париж. Возложенное на него поручение Гош выполнил блестяще.

Он не только сообщил Комитету общественной безопасности о предательских действиях командующего Северной армии Дюмурье, но и в письменной форме изложил свои соображения о том, как выйти из создавшегося положения. Там согласились с мерами, предложенными молодым офицером, объявили ему благодарность и предложили должность командира батальона, но Гош от нее отказался, не пожелав расстаться со своим генералом Левенером.

Однако вскоре, уже в приказном порядке, он был назначен помощником коменданта крепости Дюнкерк, которой угрожала 40-тысячная англо-австрийская армия герцога Йоркского. Гарнизон Дюнкерка насчитывал всего 2 тысячи национальных гвардейцев. Душой обороны крепости сразу же стал Гош. Во главе этих ничтожных сил он в конце августа – начале сентября 1793 г. мужественно отразил все попытки противника овладеть крепостью и приостановил его дальнейшее продвижение в глубь Франции. Гош сумел продержаться до подхода объединенных сил Северной и Арденнской армий, возглавляемых генералом Гушаром, которые разгромили интервентов в сражении при Ондскоте (7—8 сентября 1793 г.) и деблокировали Дюнкерк. За геройскую оборону крепости Дюнкерк Гош был произведен в бригадные генералы (сентябрь 1793 г.).

В октябре того же года он стал дивизионным генералом, а еще через месяц назначен командующим Мозельской армией. Было ему в то время всего 25 лет от роду.

Армия, которую возглавил Гош, в течение почти целого года крайне неудачно действовала против пруссаков и саксонцев, предводимых герцогом Брауншвейгским. В результате следующих одна за другой неудач морально-боевой дух ее войск находился на очень низком уровне, дисциплина резко упала, снабжение было неудовлетворительным, боеспособность внушала серьезные опасения. По существу, Мозельская армия находилась на грани полного

развала. Однако вновь назначенный командующий решительными и энергичными мерами в кратчайшие сроки сумел переломить обстановку. Он навел порядок и дисциплину в войсках, наладил снабжение, уменьшил громоздкие обозы и, вдохнув в армию уверенность в своих силах, подготовил ее к переходу в наступление.

Вскоре после вступления Гоша в командование армия получила крупное подкрепление, ее численность была доведена до 40 тыс. чел.. Она получила задачу во взаимодействии с Рейнской армией деблокировать осажденную врагом крепость Ландау (на левом берегу Рейна).

17 ноября Гош перешел в наступление.

Однако первая попытка освободить от осады Ландау закончилась неудачей. Причина заключалась в недостаточной сколоченности частей и соединений армии, а также в потере Гошем нескольких дней в бесполезных переходах, чем не замедлил воспользоваться противник. В результате Мозельская армия потерпела поражение в боях, развернувшихся в районе Кайзерслаутерна (29—30 ноября 1793 г.), и вынуждена была отступить.

Это был горький урок для молодого командира, из которого он сделал соответствующие выводы и никогда более старался не допускать подобных просчетов.

Комитет общественного спасения, по настоянию Карно, простил ему эту неудачу и потребовал во что бы то ни стало выполнить ранее поставленную задачу.

Гош снова перешел в наступление. Преодолев Вогезы, его войска соединились с Рейнской армией (генерал Пишегрю). Объединив под своим главным командованием обе французские армии, Гош разбил при Фрешвиллере (22 декабря 1793 г.) пруссаков, затем под Вейсенбургом (26—27 декабря 1793 г.) – австрийцев и после этой блестящей победы отбросил союзную армию генерала Вурмзера за Рейн. Герцог Брауншвейгский был вынужден снять осаду Ландау и отступить к Майнцу. Вслед за этим противник очистил и Эльзас.

Блистательный успех, одержанный на исходе 1793 и в начале 1794 гг., сразу выдвинул Гоша в ряды лучших генералов Французской республики. Лавровый венок славы украсил чело молодого полководца революционной армии. Доверие Конвента он оправдал полностью. Победоносный для Франции исход кампании 1793 г. во многом был предрешен благодаря победам Гоша.

К этому времени молодой генерал приобрел большую популярность в войсках, которые желали видеть его не иначе как главнокомандующим над всеми армиями республики. Среди народа его авторитет также был очень высок.

Но громкая боевая слава, которой уже в начале 1794 г. было овеяно имя Гоша, заметно вскружила ему голову. Переоценив свои возможности, в какой-то момент он потерял чувство реальности, пренебрег осторожностью и не заметил, что Коварной Фортуны оказалась мимолетной. Конфликт с некоторыми генералами, возникший на личной почве, интриги его соперника Пишегрю, пользовавшегося особым доверием якобинского руководства и, наконец, ссора с комиссаром Конвента при Рейнской армии и ближайшим другом вождя якобинцев Робеспьера с Сен-Жюстом, открыто принявшим сторону Пишегрю, которого он хотел видеть в роли главнокомандующего Рейнской и Мозельской армиями, привели к тому, что отношение верхоушки якобинцев к Гошу резко изменилось. *Улыбка*

Под предлогом назначения командующим Итальянской армией Гош был освобожден от должности главнокомандующего войсками на Рейне и получил предписание убыть в Ниццу, где находился штаб армии, которую ему предстояло возглавить (март 1794 г.). Но как только он прибыл туда, то сразу же был арестован по обвинению в государственной измене, доставлен в Париж и заключен в тюрьму.

Враждебность Робеспьера к Гошу была настолько сильна, что даже Карно, курировавшему в правительстве военные вопросы и покровительствовавшему молодому полководцу, ничего не удалось сделать для его освобождения. Враги Гоша, настроившие против него Робеспьера, торжествовали победу. Гош практически был обречен.

Якобинский террор тогда достиг своего апогея, репрессивная машина работала, не переставая, на полную мощность, гильотина действовала безотказно, кровь лилась рекой, тысячи узников ожидали решения своей участи судьями революционного трибунала – те были беспощадны к «врагам народа», и их приговор был почти всегда один и тот же – смерть. Приговор, как правило, приводился в исполнение немедленно.

В ожидании суда и неминуемой казни Гош провел в якобинском застенке более четырех месяцев, но до него очередь так и не дошла. Государственный переворот 9 термидора (27—28 июля 1794 г.), положивший конец кровавой якобинской диктатуре, принес ему свободу (август 1794 г.). Робеспьер и его сподвижники, обречшие на смерть многие тысячи своих явных и мнимых врагов, сами завершили свой земной путь на эшафоте.

Находясь в тюрьме, Гош, как и подобало солдату, не раз смотревшему в лицо смерти, проявил завидное хладнокровие. Почти все время он посвящал изучению военно-научных и военно-исторических трудов, совершенствуя свои военные знания. Тюрьма умерила его заносчивость и научила быть более осторожным, терпеливее относиться к людям.

В сентябре 1794 г. Гош был назначен командующим одной из группировок войск, действовавших против мятежников (шуанов) в Вандее, Нормандии и Бретани. На этом посту он проявил себя с новой стороны. До сего времени ему приходилось действовать лишь в роли военачальника, сражавшегося с внешним врагом, теперь же он должен был действовать против врага внутреннего, в условиях гражданской войны. И Гош справился с новой для себя задачей превосходно. Прежде всего он заявил о себе как осторожный политик и умный военный администратор. Решительно преследуя отряды мятежников, роялистов и английских агентов, он в то же время прилагал максимум усилий, чтобы, не применяя массовых карательных акций, усмирить возбужденную ими основную массу народа, проявлял благоразумие, великодушие и гуманность в сочетании с необходимой осмотрительностью. Свои войска он разделил на несколько отдельных отрядов (т. н. «подвижные колонны»), которые, действуя быстро и решительно с разных направлений, рассекали силы противника и громили его по частям. Одновременно в охваченных восстанием районах проводилось разоружение населения и принимались меры к изоляции этих районов от внешнего мира (Англии и эмигрантов).

27 июня 1795 г. 5-тысячный десант эмигрантов-роялистов, высаженный с английских кораблей, занял п-в Киберон (Бретань) и приступил к закреплению на нем. На соединение с ним направились отряды шуанов общей численностью 10 тыс. (по другим данным 16 тыс.) человек, возглавляемые своими предводителями.

Обстановка в западных районах Франции резко осложнилась.

Но Гош действовал смело и решительно. Он быстро выдвинул все свои оказавшиеся под рукой силы (до 6 тыс. человек) к полуострову Киберон и блокировал закрепившийся там вражеский десант, силы которого после соединения с шуанами возросли почти до 20 тыс. человек. В бурную ночь 20 июля войска Гоша штурмом овладели фортом Пентьевр, находившимся на перешейке и закрывавшим вход на полуостров. 21 июля весь п-в был очищен от противника. Большая часть вражеского десанта, получившего в ходе операции подкрепление (1,5 тыс. эмигрантов), была уничтожена. Основная масса шуанов разбежалась. Ок. 2 тысяч роялистов сумели спастись на английских кораблях, но свыше 700 человек во главе с графом Сомбрелем, окруженные республиканскими войсками, были вынуждены сложить оружие. По приказу Директории все взятые в плен роялисты были расстреляны. Эта акция произошла, несмотря на резкий протест Гоша, обещавшего от имени Республики при заключении капитуляции сохранить роялистам жизнь.

Вскоре на о-ве Дье, вблизи побережья Франции, высадился новый десант роялистов, возглавляемый графом д'Артуа (брат казненного короля Людовика XVI). Ободренные этим шуаны снова взяли за оружие. К этому времени все три группировки республиканских войск (Шербурская, Брестская и Западная), действовавшие на западе Франции, были объединены

в одну армию под командованием Гоша. Переправившись на левый берег Луары и выдержав там ряд жестоких боев с вандейцами, он быстро разгромил их основные силы и подавил восстание в самом начале, не дав ему распространиться на другие провинции. Граф д'Артуа, узнав об этом, так и не решился высадиться на материк и возвратился в Англию. Руководители восстания Шарет и Стофле были взяты в плен и расстреляны.

Лишившись своих предводителей и поддержки извне, Вандея смирилась.

После этого, желая отомстить Англии за ее вмешательство в гражданскую войну во Франции, Гош предложил Директории организовать военную экспедицию в Ирландию, где началось восстание против англичан. План высадки французского экспедиционного корпуса в Ирландии Директорией был одобрен. Возглавить ее было поручено Гошу. Сама идея высадки десанта на Британские острова давно вынашивалась главным стратегом республики Карно – это была его заветная мечта. Поэтому в его лице Гош нашел своего верного союзника.

Преодолев большие организационные и разного рода другие трудности, 14 декабря 1796 г. Гош во главе 18-тысячного десантного корпуса вышел из Бреста в открытое море.

Начавшаяся вскоре сильная буря рассеяла его эскадру. Тем не менее основная ее часть все же через несколько дней достигла берегов Ирландии. Однако командующий эскадрой адмирал Бувэ не решился без Гоша произвести высадку и возвратился во Францию. Прибывшему через некоторое время в залив Бэнтри на фрегате «Fraternité» Гошу ничего не оставалось, как последовать за своей эскадрой. При возвращении назад он едва избежал гибели или плена, лишь чудом сумев ускользнуть от преследовавших его английских крейсеров. Прибыв в Брест, Гош был вынужден доложить Директории о том, что в результате неблагоприятного стечения обстоятельств Ирландская экспедиция закончилась провалом.

В начале 1797 г. Гош был назначен командующим Самбро-Мааской армией (70 тыс. чел.). К моменту вступления Гоша в командование этой армией она располагалась на Рейне, в районе Дюссельдорфа, Кобленца.

Боеспособность ее находилась на крайне низком уровне, дисциплина как таковая почти полностью отсутствовала. По определению самого Гоша, армия представляла собой «сборище разбойников». Энергичными усилиями он за 2 месяца изменил ее до неузнаваемости и 17 апреля 1797 г. перешел в наступление. Переправившись через Рейн севернее Кобленца, Гош нанес австрийцам поражение при Нойвиде, затем под Альтенкирхеном и стремительно двинулся на Франкфурт-на-Майне.

Однако его успешное наступление было остановлено на реке Лан известием о заключении генералом Наполеоном Бонапартом Леобенского перемирия (18 апреля 1797 г.).

В июле 1797 г. Директория предложила Гошу пост военного министра, но он отверг это предложение, сославшись на чисто формальные обстоятельства – недостижение им установленного для министров 30-летнего возраста. На самом же деле причина заключалась в ином: Гош чувствовал растущее недоверие к себе Директории (результат интриг его старого врага и завистника Пишегрю, возглавлявшего теперь нижнюю палату французского парламента, – Совет пятисот) и предвидел непрочность своего положения на новом посту.

Продолжая мечтать о новой экспедиции в Ирландию, он предпринял ряд мер по ее подготовке, в частности, под разными предлогами начал переброску некоторых частей своей армии в западные районы Франции. Одновременно проводилась интенсивная подготовка войск Самбро-Мааской армии к грядущим сражениям.

Но мечтам Гоша не суждено было сбыться.

В Париже назревал очередной государственный переворот. Директория это предчувствовала и готовилась к схватке за власть.

Было решено назначить Гоша командующим войсками парижского гарнизона. Один из ведущих членов Директории бывший граф де Баррас обратился к нему с предложением занять этот пост, но получил отказ. То ли он не сумел как следует подготовиться к встрече

с генералом, то ли не смог убедить его, то ли сыграли роль какие-то другие факторы – неизвестно, но в любом случае попытка Барраса уговорить Гоша встать на защиту Директории оказалась безрезультатной. Она лишь скомпрометировала прославленного генерала.

Пишегрю, будучи одним из главных руководителей готовившегося переворота, сумел внушить Директории недоверие к Гошу. Он приложил все усилия, чтобы удалить известного своими твердыми республиканскими убеждениями генерала из Парижа, ибо понимал, что заговорщики-роялисты столкнутся в его лице с непреодолимым препятствием (они еще не забыли суровые расправы Гоша со своими единомышленниками в Бретани и Вандее). И Пишегрю добился своего – Гошу было приказано немедленно возвратиться в Самбро-Мааскую армию, штаб-квартира которой в то время находилась в городе Вецлар (Гессен, Германия).

Тем временем события продолжали разворачиваться с невероятной быстротой.

18 фрюктидора (4 сентября 1797 г.) роялистский заговор был сорван, враги республики разгромлены. Пишегрю был разоблачен как «враг народа», арестован и сослан в Кайенну (Французская Гвиана), откуда из-за тяжелого сурового климата и условий содержания мало кто возвращался обратно.

Доверие Директории к Гошу было снова восстановлено. 17 сентября он получил директиву военного министра: «Директория хочет, чтобы обе Рейнские армии были объединены под одним командованием и выступили бы в поход самое позднее 20 вандемьера (12 октября). Директория выбрала вас, генерал, чтобы повести наши победоносные войска до ворот Вены».

Правда, возглавить поход на Вену Гошу не довелось. Через день после получения этой директивы он скоростижно скончался.

Было ему всего 29 лет...

В качестве официальной причины его смерти был назван заворот кишок. Но в армии и народе ходили упорные слухи о том, что он был отравлен.

Тело полководца с большими почестями было захоронено на Петербургском редуте (остров Вейсентурм на Рейне, близ Нойвида). Выступая от имени армии с прощальной речью у гроба своего командующего, генерал Лефевр (будущий маршал Франции) завершил ее следующими словами: «Человечество и мы все потеряли искреннего друга, победа – своего сына, отечество – защитника, республика – опору».

Вскоре Самбро-Мааская армия воздвигла на могиле Гоша величественный памятник. Другой памятник Гошу был установлен на его родине – в Версале...»

* * *

Гош был убежденным республиканцем, пылким сторонником революционных преобразований в обществе, искренним приверженцем идеалов революции. С первых же дней Французской революции он встал в ряды ее вооруженных защитников.

По определению одного из ее историков, Гош оставил по себе память как одна из «величайших и самых чистых фигур революции». По своим политическим взглядам он принадлежал скорее всего к умеренным республиканцам.

Отличился храбростью и мужеством уже в первых боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших полководцев революционной армии. В ее рядах он сделал блистательную военную карьеру, доблестно сражаясь в годы Революционных войн на многих фронтах осажденной многочисленными врагами республики (на севере и северо-востоке Франции, в Бельгии, на Рейне, в Вандее и Бретани, в Германии). Проявил себя как талантливый военачальник, обладавший крупными полководческими дарованиями. Его имя и слава облетели все фронты и армии Французской республики.

Сам по себе Гош был далеко незаурядным человеком. Природа щедро одарила его большими способностями, которыми он умело распорядился. Не имея в свое время возможности получить нормальное образование, Гош благодаря своему исключительному упорству и целе-

устремленности сумел самостоятельно многое наверстать, а в военном деле, к которому он чувствовал особое пристрастие, далеко обойти даже многих признанных специалистов.

Буйные ветры революции, прошумевшие в последние годы XVIII в. над Францией, опрокинули и разметали все существовавшие до тех пор стереотипы в военном деле, вызвали к жизни новые, неизвестные до того формы и методы вооруженной борьбы. Революцию творили молодые. Именно они оказались наиболее восприимчивыми к новым веяниям в военном искусстве. И далеко не случайно, что в основном из их среды в годы Революционных войн вышли многие полководцы – самородки типа Гоша.

Гош отличался глубоким знанием военного дела, выдающейся личной храбростью и беззаветной преданностью делу революции – качествами, которые в годы Революционных войн ценились очень высоко. Эти качества позволили ему сделать быструю военную карьеру в рядах революционной армии. В течение всего полутора лет, прошедших с момента начала военных действий, он проходит путь от рядового безвестного офицера до дивизионного генерала (высшее воинское звание в армии республиканской Франции) и в 25 лет становится командующим армией, одним из наиболее прославленных полководцев Республики.

Гош пользовался большой популярностью в войсках, был в полном смысле этого слова их кумиром. Солдаты и молодые офицеры буквально обожали его за неудержимую отвагу в бою, постоянную заботу о подчиненных, открытый и вызывающий доверие характер.

По свидетельству участников тех событий, из всех французских генералов эпохи Французской революции у Гоша была «самая длинная сабля и самая короткая речь». Он проявил себя как искусный мастер маневренной войны в условиях господства на полях сражений массовых армий, был твердым и последовательным сторонником решительной наступательной стратегии, действий крупными сосредоточенными массами войск на решающих направлениях.

Наряду с Журданом, Клебером, Марсо и рядом других военачальников Гош являлся основоположником новой для французской армии тактики – тактики колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков. Этот способ ведения боевых действий был глубоко проанализирован и всесторонне обобщен мудрым стратегом, «организатором побед» (как его окрестили современники) французской революционной армии Карно, а затем рекомендован как руководство к действию для всех армий и фронтов Республики.

Полководческая деятельность Гоша вызывала восхищение Наполеона, который в период своего становления как полководца многое от него воспринял. Будучи командиром по призванию и складу характера, Гош не терпел рутинной бумажной работы и не любил задерживаться в штабах, его всегда тянуло в войска, туда, где решался исход боя или сражения. Он, будучи пуританином по натуре, разделял с войсками на равных, не делая себе никаких поблажек, все тяготы и лишения боевой жизни. Отсюда и та высокая степень доверия, которой Гош пользовался в войсках на протяжении всей боевой военной карьеры.

Наряду с высокой популярностью в армии, он приобрел и широкую известность в обществе, к его мнению нередко прислушивались и политики, игравшие значительную роль в общественной жизни страны, и само правительство.

Характерными чертами Гоша как военачальника были твердость и решительность, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы, поиск новых, более эффективных форм и способов решения боевых задач. При ведении боевых действий он проявлял высокую активность и настойчивость, оперативно реагировал на изменения в обстановке и не терял присутствия духа в критических ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать противнику свою волю.

Гош обладал редким даром воздействия на войска, умел и любил увлекать их личным примером на решение, казалось бы, невыполнимых задач, был справедлив, честен и доступен. В то же время он отличался непреклонностью в соблюдении требований воинских порядков

и дисциплины, умел строго взыскивать за любые их нарушения, а в не терпящих отлагательства случаях бывал даже беспощаден.

В период своего командования войсками на западе Франции, где уже много лет бушевала гражданская война, Гош проявил себя как разумный политик и способный военный администратор. Его деятельность там во многом способствовала быстрому замирению мятежного края.

К негативным чертам характера Гоша следует отнести его резкость, заносчивость и острый язык, которые особенно были присущи ему до ареста весной 1793 г. Необоснованные, надуманные обвинения и пребывание в тюрьме, хотя и короткое, существенным образом повлияли на его характер.

После выхода на свободу Гош стал значительно мягче, скромнее и сдержаннее, в его делах и поступках стало проявляться большое уважительности не только к окружающим, но и к оппонентам. Он научился сдерживать свои эмоции и не злоупотреблять остротой слов, взяв себе за правило «дело, а не слова».

Гош вошел в историю как один из наиболее талантливых полководцев французской революционной (затем республиканской) армии периода Французской революции. Стяжав громкую боевую славу, он занял достойное место в когорте самых прославленных ее героев. Его ранняя смерть явилась тяжелой и невосполнимой потерей для армии Французской республики.

Современники по праву считали генерала Гоша «Ахиллом революционной армии».

«Развернуто-беллетризованная» версия предлагает свою трактовку основных событий в жизни этого выдающегося полководца:

«...Самый много обещавший среди крупных военных деятелей революционной Франции – чье военное дарование по оценкам экспертов разной поры не только не уступало Бонапарту, но, кое в чем, возможно, и превосходило его – генерал (1768—1798). И это при том, что Наполеон получил блестящее военное образование и по сути дела был , а Гош... всего лишь ***Луи-Лазарь профессиональным военным самоучкой! Гош***

Примечательно, как они двигались по карьерной лестнице: если Наполеон встретил революцию в чине младшего лейтенанта королевских войск, то революция сделала из Гоша сержанта; затем оба стали лейтенантами: если Наполеон – в апреле 1791 г., то Гош – на год позже – в 1792 г.; в июле того же года Наполеона производят в капитаны, а у Гоша начинается феерический взлет – в сентябре 1793 г. ему сразу присваивают звание бригадного генерала, через месяц (в 25 лет) – повышают до дивизионного генерала и назначают командующим Мозельской армией! Наполеон получает заветное звание генерала (бригадного) лишь в конце 1793 г. после Тулона, а дивизионным генералом он стал только в 1795 г. после подавления роялистского мятежа, т.е. только в 26 лет. Тогда как командовать армией ему поручили лишь в 1796 г. Далее в их заочное соревнование вмешалась безвременная кончина... Гоша в неполные 30 лет.

Луи-Лазарь родился в Версале в семье смотрителя королевской псарни. Он рано лишился матери.,

Одна из его теток, сжалившись над сиротой, взяла его к себе. Она была торговкой овощами и уже в детстве маленький Гош, помогавший ей, познал, какво зарабатывать на жизнь. Ему посчастливилось учиться в школе, где он во всем был первым. Затем при содействии одного из своих дядей стал служкой при церкви Сен-Жермен. Уже тогда его отличала ненасытная любознательность: он всех обо всем расспрашивал, не уставая задавать вопрос за вопросом, зачастую поражая взрослых верностью и точностью своих замечаний.

Поняв, что он в тягость своей тетке, Луи-Лазарь предпочел самостоятельно добывать себе пропитание. Ему повезло: удалось выпросить освободившееся в одной из версальских конюшен место мальчика-помощника конюха. Именно в ту пору он познакомился с сочинениями Руссо, где узнал много для него любопытного о свободе и независимости.

Тогда же, высокий и отменно сложенный юноша попался на глаза вербовщику из Французской гвардии. Его прельстили службой в... Индии!

Никакой Индии на самом деле и быть не могло, но в армии 16-летний Луи-Лазарь все же оказался. Понятливый и не по годам развитый Гош стремительно познавал солдатскую науку и вскоре был переведен в гренадеры.

Все свободное от службы время юный Гош проводил в поденных работах в предместьях Парижа (землекопом, водоносом, садовником, т.е. разнорабочим) ради денег... на книги. Будучи по натуре книгочеем, Луи-Лазарь постоянно занимался самообразованием, читая взахлеб все, что его интересовало. Читать он мог только ночью, а потому спать ему приходилось по 2—3 часа в сутки. Более всего среди закупленной на трудовые гроши литературы было сочинений по военной истории и полководческому искусству. (*Бонапарт в юности тоже страдал этим «недугом»!*) (*Тот же самое отличало и Наполеона с Даву!*)

Уже тогда Гош стал задумываться о том, как он сам сможет применить полученные знания на деле – в бою! В королевской армии ему человеку «из низов» сделать карьеру было архисложно. К тому же, он был слишком независим и его взгляды не всегда совпадали со строгими требованиями армейского устава. Так однажды он подрался на дуэли, в другой раз отказался выдать «братьев по оружию», которые набедокурили в казармах. С таким «рентгеном» даже на унтер-офицерство рассчитывать было трудно.

..., Гош был, безусловно красив, причем, мужественно красив! Высокий, стройный, гибкий, с мощной грудью и черными локонами до широких плеч, темноглазый, с легким рубцом на лбу он был настолько привлекателен, что рано стал пользоваться большим успехом у женщин и его «вострая сабля» посещала их, порой, уже изрядно «потертые, но все еще, когда надо, влажные ножны». Стремительные романы с богатыми и родовитыми дамами заставили его внимательнее относиться к своей внешности. Не обошлось без эпикурейства: любовь к удовольствиям и наслаждениям были единственным слабым местом Луи-Лазаря Гоша... *Кстати (след полученного сабельного удара на дуэли)*

Спасительное 14 июля 1789 г. дало Луи-Лазарю Гошу уникальную возможность сделать стремительную военную карьеру и он ей воспользовался на все 100%.

Вместе с восставшим народом, он – солдат Королевской гвардии – штурмует Бастилию. Причем, подобно другому юнцу – Франсуа Северину Марсо – 20-летний Гош лихо дерется в первых рядах и ему поручают командовать ротой Национальной гвардии, пришедшей на смену королевской гвардии.

Вскоре Фортуна улыбается юному смельчаку: на его выправку и мастерство ротного командира обращает внимание один из влиятельных революционных комиссаров. Гоша производят в лейтенанты и отправляют на границу. Его первые бои не столь успешны, как ему хотелось бы. Так, он принимает участие в проигранном французами сражении при Неервиндене, приведшему к трудному отступлению.

Затем по ложному обвинению в связях с генералом-изменником Дюмурье Гош попадает в тюрьму, где не теряет времени даром и пишет свою знаменитую пояснительную записку в революционное правительство (Комитет общественного спасения) с изложением целого комплекса мер по улучшению качества революционных армий.

Гошу повезло: его рапорт-предложение попадает в руки знавшего толк в военном деле военного министра, верховного главнокомандующего и начальника генерального штаба революционной Франции Лазаря Николая Карно (1753—1823). Последний был не только учеником знаменитого военного теоретика XVIII века Жана-Антуана Ипполита графа Гибера (1743—1790), ратовавшего за полный отказ от обозов ради повышения гибкости и подвижности армии, но и административным гением.

Вкратце суть записки Гоша такова!

Ближе к концу XVIII в. роль артиллерии в бою стала серьезно меняться. Протеже всесильного военного министра французского короля герцога де Шуазёля (1700/1719—1770/1785; данные разнятся), знаменитые теоретики артиллерии французы Лагомер и Грибоваль, очень много сделали для модернизации вооружения французской армии.

Мортиры Лагомера (8-и, 10-и и 12-и дюймовки) были приняты на вооружение в 1785 году. Жан Батист Вакетт де Грибоваль (1715 – 1789), не только скрупулезно изучал артиллерийское дело и в Пруссии, и в Австрии, но и успел в досталь навоеваться, как на войне за Австрийское наследство, так и в Семилетнюю войну. Став главным инспектором королевской артиллерии в 1776 г., он предложил новую систему устройства пушек и тактику ведения боя. Его система, внедренная во французскую армию еще в 1765 г. просуществовала до 1827—1829 гг. (*повторно после некоторых «подковерных телодвижений» – в 1774 г.*),

Символично, что это было не только строгое соблюдение одних и тех же правил отливки на разных пушечных заводах. Это не только изменение процесса литья: новый ствол отливался целой болванкой, а затем в нем высверливался канал, что позволяло повысить точность пушки. Тогда как ранее ствол отливался вокруг внутренней сердцевины, которая вполне могла отклоняться от оси центра ствола и поэтому заготовку высверливали, доводя до требуемого калибра. Это не только очень строгие технические требования к сферичности ядра и зазору между снарядом и стенками канала ствола, превосходившие любые европейские образцы, кроме, британских, что увеличивало дальность и кучность стрельбы. Это не только увеличение продолжительности их эксплуатации. Это не только облегченные за счет укорочения ствола орудий. Это не только более удобные лафеты – способные принимать на себя силу отдачи по двум направлениям – назад и вниз, отсюда и характерный прогиб лафета, более заметный, чем у иностранных конкурентов. Это не только упорядочение калибров (4-х, 8-и, 12-ти фунтовые ядра). Это не только усиление и увеличение колес. Это не только «отвоз» – специальный 9—12 метровый канат (для перекачивания орудия силами прислуги на огневую позицию вручную и, что особо важно – для стрельбы при отступлении. Это не только металлическая ось. Это не только вкручиваемый медный запальный канал. Это не только чугунные втулки в колесных ступицах, облегчавшие движение; и прочие весьма специфические технические приспособления, перечисление которых имеет смысл только для узких специалистов («визир», червячное подъемное устройство, «подвижная звезда», «двойной гандшпуг» и др.). Это не только передки со стандартизированными зарядными ящиками. Это не только разделение артиллерии на полевую, осадную и гарнизонную. Это не только организация стандартной батареи из 6—8 пушек. Это не только придание каждой пехотной дивизии не менее одной батареи. (*уменьшение зазора снижало «эффект карамболи», когда слишком свободное ядро, проходя при выстреле через канал ствола, начинало колотиться в его стенки и, тем самым, ослабляло ствол и «время его жизни». либо кожаные ляжки – ремни через плечо с отрезком этого каната) (когда он изнашивался его было легко заменить)*

..., под термином «фунт», применительно к калибру пушек, в европейских странах подразумевались разные единицы измерения. Одни и те же калибры у австрийцев, у англичан и у французов, порой, не просто было сравнивать. Более того, если во всех европейских странах, кроме Франции, калибр определялся, то у французов – ... **Кстати сказать диаметром ствола диаметром ядра**

Это, прежде всего, признание за артиллерией самостоятельной роли в бою.

Теперь лошадей запрягали парами в прочные и достаточно легкие повозки, со специальными отделениями для ядер и пороха. (*по четыре – на 4-х и 8-и фунтовки и по шесть – на 12-ку*)

По сути дела Грибоваль создал самую совершенную артиллерийскую систему той поры, превосходившую все придуманное до него и оказавшую влияние на все аспекты артиллерии – от материальной части орудий и тактики до обучения артиллерийскому ремеслу. Внедренное

им, потом использовалось другими реформаторами артиллерии и даже иностранные «коллеги по цеху» отдавали ему должное.

..., единственное до чего у Грибоваля «не дошли руки» – это конная артиллерия и вопросы обороноспособности артиллерийской прислуги. Эти важнейшие вопросы он поставил решать военачальникам революционной Франции, а совершенствовать их... выдающемуся артиллеристу-практику Наполеону Бонапарту, причем уже в преддверии кровавой эпохи наполеоновских войн, т.е. в самом начале XIX в. *Jedem das seine... Между прочим*

Так артиллерия приобрела мобильность и чрезвычайную гибкость.

Теперь маневренные орудия, объединенные в конные батареи (по 8 штук), могли наносить массированные огневые удары по наиболее уязвимым местам обороны противника. Если менялась боевая обстановка, кавалерийские батареи, словно «гончие спущенные со сворок», получили возможность быстро срывать с места галопом без передков, нестись вперед и занимать новые позиции. Их можно было усилить новыми орудиями или, наоборот, расформировывать. Каждая батарея составляла единую команду. Она была очень подвижна и стреляла залпами. *(в отличие от пеших артиллерий, чьи канониры обычно шли пешком рядом со своими пушками, их прислуга передвигалась верхом на лошадях, что было быстрее, нежели когда она ехала на орудийных лафетах, передках или зарядных ящиках и, тем самым, увеличивала массу орудия)*

Заряжали орудия быстро. Если раньше надо было сначала отмерить нужную порцию пороха, засыпать ее в канал, забить деревянную пробку и только потом вложить заряд, то теперь зашивали снаряд вместе с заранее отмеренным количеством пороха в «картузы» – холщовые мешки. Последние, хотя и не представляли собой новейшее изобретение, но позволили серьезно увеличить скорость стрельбы по сравнению с заряданием рассыпным порохом и затем ядром. Поскольку Грибоваль разработал шкалу прицела и улучшил винтовой механизм вертикальной наводки то это существенно повысило точность французской артиллерии. *(поднимающийся/опускающийся ствол давал более точную наводку),*

Наступающие колонны противника встречали плотным огнем, способным остановить целые дивизии. На дальние расстояния стреляли ядрами. Для разрушения полевых земляных укреплений и поражения живой силы использовали бомбы и гранаты (той же конструкции, что и бомбы, но меньшего диаметра). Если же враг был рядом и готовился штурмовать батарею, в его порядки в упор выпускали картечь – снаряды, состоящие из обвязанных просмоленной бечевой или уложенных в жестяные картузы (цилиндры) свинцовых или чугунных пуль.

К началу XIX в. артиллерия стала мощным, подвижным и действительно грозным родом войск. Ей стали придавать особое значение. Пройдет совсем немного времени и для ведения сосредоточенного огня на месте предполагаемого прорыва пехоты начнут формировать «большие батареи» примерно из 100 пушек: если под Ваграмом у французов окажется немногим более двух орудий на тысячу солдат, то спустя три года – под Бородино – их будет уже целых три, дальше – больше.

Уходили в прошлое старые добрые времена, когда противники выстраивались в линии друг против друга и даже учтиво предлагали друг другу право дать первый залп.

...На эту тему даже сохранился крайне занимательный исторический анекдот, в основе которого лежала быль.

в ходе войны за Австрийское наследство (1740 – 1748 гг.) в известной битве при Фонтенуа 10 мая 1745 году французская и англо-ганноверская гвардии сошлись без единого выстрела на расстояние около 50 шагов. Высокородные офицеры с обеих сторон стали соревноваться в галантности, любезно предлагая друг другу, сделать первый выстрел: «О нет, господа мы никогда не стреляем первыми!». На самом деле все прекрасно понимали, что сторона, которая даст залп первой, окажется в проигрыше – по сути дела она останется безоружной на несколько минут, пока солдаты будут перезаряжать оружие. В конце концов, англичане взяли и дали

первыми залп, который оказался таким убийственным, что половина французской гвардии полегла, а оставшаяся часть без командиров дрогнула и побежала... **Якобы**

все было отнюдь не так красиво и галантно. **Правда, по другой версии**

Командующий английской армией герцог Камберленд решив прорвать центр французской позиции, смело повел 14-тысячный ударный отряд ганноверско-английских гвардейцев вперед. Размеренным парадным шагом подходя к французским позициям, он приказал выровнять ряды перед решающим таранным ударом. В этот момент некий подполковник лорд Чарльз Хэй, взял и вышел перед строем. Обратившись к противостоящим ему французским гвардейцам Людовика XV, Хэй вынул армейскую фляжку с ромом, рявкнул какой-то тост во здравие английского короля и хорошо приложился к ней. Потом лорд Чарльз отсалютовал обалдевшим французам троекратным «Ура!», дружно поддержанным его гвардейцами и скрылся в их рядах. Пока изумленные французские гвардейцы кричали ответное «Ура-а-а-аа!!!», англичане грохнули такой залп, что в центре французской обороны образовалась огромная дыра – замертво рухнуло сразу 460 солдат и офицеров...

Примечательно, что французы благодаря таланту своего маршала Морица Саксонского (1696 – 1750 гг.) все же выиграли эту так оригинально и неудачно начавшуюся для них битву. В последний момент герцоги де Бирон и д'Эстре сумели нанести сокрушительный удар конной лейб-гвардий французского короля Людовика XV – La Maison du Roi – лично наблюдавшего за побоищем. И уже было торжествовавший победу, герцог Камберленд вынужден был уносить ноги, окруженный лишь горсткой офицеров...

С началом революционных войн, которые повела Франция за свою независимость, все начало серьезно меняться. В сражениях стали участвовать огромные массы пехоты. Глубокие колонны атаковали боевые порядки противника в том пункте, от которого зависела участь боя. Эта тактика требовала огромных жертв людьми. Но смерть в эпоху революционных войн Франции была ничто, если «Patrie en danger!» Тем более, что полузабытый вскорости Руже де Лилль уже обессмертил свое имя легендарной «Марсельезой», со словами которой на устах голодные, оборванные и босые французы погибали за «Liberte! Egalite! Fraternite! (*Отечество в опасности!*) (*Свободу! Равенство и Братство!*)

Важна была победа любой ценой!

С солдатами революции нельзя было заниматься сложными маневрами: **они не были высокопрофессиональны.**

Искусство маневрирования приходилось заменять быстротой передвижения! был *Революционный маневр маневром быстроты!*

Это было веление времени.

..., на самом деле идея использования войск в атаке колоннами уже давно витала в военных умах. Не исключено, что чуть ли не первым ее высказал в своих сочинениях французский военный писатель Жан Шарль Фолар (1669—1752), причем, еще во времена расцвета линейной пехотной тактики, по крайней мере, так принято считать в западной исторической литературе. Среди отечественных историков сложилось твердое мнение, что еще в пору первой русско-турецкой войны (1768—1774) в середине XVIII в. выдающийся российский полководец Петр Александрович Румянцев, не отказываясь от тактики ведения боя в рассыпном строю, умело сочетал его с действиями колонн и каре в зависимости от особенностей местности. Румянцевские войска умело отражали нападения вражеской конницы, будучи в колоннах, прикрытых густой цепью стрелков и огнем пушек. Он стал собирать войска в ударную группу на решающем участке фронта Уже тогда в России нашлись незаурядные военные умы, весьма внимательно (если не сказать,) и высокопрофессионально следившие за всеми румянцевскими переменами в российской армии. В частности, исключительно амбициозный и болезненно честолюбивый современник Румянцева – А. В. Суворов, видевший во всех своих «коллегах по смертельно-кровавому ремеслу» конкурентов в гонке за славой Своего Времени. Развивая

свою «науку побеждать», он заинтересованно () наблюдал за новациями Петра Александровича в боях с турками, внося в них свои концептуальные идеи, шлифуя на учениях и, доводя до ума в боях, Уже тогда, т.е. в ходе все той же войны русских с турками, Александр Васильевич старался варьировать и сочетать различные виды построений войск (колонна, каре, линии) в зависимости от ситуаций (рельефа местности, тактико-технических характеристик противника), делавших их максимально эффективными. Он прекрасно понимал, что хотя колонна (в 6 или даже 12 шеренг) и гибче всех построений и если движется без остановки, то пробивает все, но если она использует стрельбу, то менее эффективна, чем каре и линия. К тому же, по его мнению «вредны ей картечи в размер», имея в виду огромные потери, наносимые густой колонне артиллерией. Именно поэтому Александр Васильевич не отвергал, как «устаревший», строй в линию и призывал максимально использовать ее огневые возможности. Удобнейшим для массированной стрельбы он считал линейный строй из двух шеренг. Но линии, как таковые, им использовались, все же, редко, а их кульминацией в любом случае был удар в штыки. А глубокие колонны он предпочитал только для развертывания. Только в самом конце XVIII в., все эти новшества войдут в практику у прогрессивно настроенных французских революционных генералов. Они блестяще ими воспользуются: доведут их до ума и они принесут им немало блестящих побед, в первую очередь, над шаблонно воевавшими австрийцами и пруссакам. «Отцами» этой революционной тактики на западе будут считать выдающегося французского генерала-самоучку Лазаря Гоша и военного министра, верховного главнокомандующего и начальника генерального штаба революционной Франции Лазаря Никола Карно. Карно заслуженно получил прозвище Организатора Победы! Именно он содействовал слиянию частей состоящих из ветеранов и новобранцев – этот сплав существенно улучшал их боеспособность, а для связи с фронтом использовал оптический телеграф Шаппэ, аэростаты для разведки и т. п. Гоша осенила идея (быстрых атак колоннами) и он вкратце изложил ее в своей докладной записке правительству, а Карно возвел ее в абсолют как руководство к действию всем революционным генералам Франции в своем напумевшем «Общем очерке тактики». Классически законченной стала благодаря Наполеону Бонапарту и его бесконечным войнам... ***Между прочим Первого Полководца или даже завистливо? и бросать ее на противника, ведя бой до полного его уничтожения. очень пристально где любая ошибка не только вела к смерти солдат, но если их (ошибок) оказывалось много, то и к проигрышу. опытных энергичных эта она***

Дальновидный Карно увидел в пояснительной записке самоучки Гоша не только очень большие аналитические возможности молоденького лейтенантика, но и совершенно особое, явно не имевшее аналогов, военное дарование. Со словами – «Вот пехотный лейтенант, который пойдет очень далеко!» – военный министр незамедлительно обратился к могущественному Дантону и военная карьера самого блестящего из генералов, выдвинувшихся в первые годы революции, стремительно началась. Гош превосходит все самые смелые ожидания Карно под Дюнкерком и уже в сентябре 1793 г. он бригадный генерал и посылает еще одну пояснительную записку Карно с новыми предложениями по ведению боевых действий. Ознакомившись с ней, Карно назначает Гоша дивизионным генералом и командующим Мозельской армией.

Именно здесь он впервые сформулировал и активно пропагандировал среди новых подчиненных свою наступательную военную доктрину: **«Если шпага коротка, сделайте шаг вперед!»**

..., выражение Гоша «Если шпага коротка, сделайте шаг вперед!» – на самом деле всего лишь перефраз знаменитого спартанского афоризма: сын жалуется матери, что потерпел неудачу в бою из-за слишком короткого меча, на что слышит по-спартански лаконичное – Начитанный самоучка Гош, умело снабдил им патриотически настроенных солдат революционных армий Франции, на удивление врагам одерживавших одну сенсационную победу за дру-

гой. Одной простой фразой гений Гоша дал его соплеменникам победоносное оружие в борьбе с монархической Европой... **Между прочим «Надо было сделать шаг вперед!»**

Гош настолько эффективно действует в роли командующего армией, что Комитет Общественного спасения предписывает соседней армии генерала Пишегрю перейти под начало победоносного Гоша. Завистливый Пишегрю интригует против него и всемогущий Сен-Жюст решает арестовать Гоша. Оказывается, что сделать это в его собственном лагере не так-то просто: солдаты обожают своего командующего и за порвут всех «как тузик грелку»! Приходится Комитету Общественного спасения замысливать хитроумную комбинацию: Гоша якобы назначают командующим Итальянской армией и вручают предписание отправиться к месту нового назначения. *(соперничество среди военных всегда проходит острее, чем среди гражданских лиц – Славой Победителя и, тем более, Спасителя Отечества делиться не любит никто!) Отца Родного (Гош умел заводить солдат: «Плачу 1000 франков за пушку!» – и солдаты сходу брали вражескую батарею, от шквального огня которой только что гибли их товарищи!)*

По дороге его арестовывают и сажают в тюрьму знаменитого... женского Кармелитского монастыря в Париже. Там ждет своей участи жена гильотинированного генерала де Богарнэ – Жозефина, будущая супруга Наполеона Бонапарта. Безусловно, Гош был героем и красавцем, современно выражаясь – «секс-символом» и, к тому же, привык не отказывать дамам в «утешении», а вертихвостка Жозефина была, как все креолки – дамой невероятно сексуальной и темпераментной, не упускавшей возможности быстротечного «огневого контакта» с альфа-самцами. Молва гласила, что между ними наметился роман. Сегодня, нам доподлинно неизвестно, как все обстояло на самом деле и насколько далеко их отношения могли зайти в условиях стрессового ожидания гильотины, придававшего каждому соитию невероятный эмоциональный окрас!? Но не исключено, что одной из причин последующей вражды между Гошем и Наполеоном могла быть краткая, но бурная связь жены последнего с первым. Не секрет, что ко всему, что касалось «женских тайн» Жозефины – «девушки бальзаковского возраста», чьи «всегда готовые распахнуться врата в рай» тогда активно посещали многие сильные мира сего – Бонапарт дико ревновал, особенно в первые годы их совместной жизни. Так или иначе, но доброты сообщили занимается высокопоставленный арестант с высокородной арестанткой и Гоша срочно перевели в тюрьму Консьержери. Вполне возможно, что именно поэтому эта связь, так и не стала достоянием широкой общественности, а осталась на уровне слухов. Из новой тюрьмы дорога была только одна на Гревскую площадь – на гильотину Сансона! Скорее всего, что этим бы все для нашего героя и закончилось, если бы не переворот 9 термидор, приведший на плаху... Робеспьера и его якобинских соратников. *куда следует (если она была?) о том, чем*

Выйдя из Консьержери, Гош срочно командирован завершать подавление роялистского восстание в Вандее. Британская корона исправно снабжала эту бунташную провинцию Франции деньгами и людьми, в основном, это были дисциплинированные, фанатичные бойцы. Выходцы из моряков королевского флота. Были даже целые части полностью укомплектованные из одних морских офицеров. Руководили ими способные командиры, такие как Стофле или Шаретт. Гошу пришлось показать все, на что он способен, чтобы справиться с вандейцами.

В ходе этой борьбы Гош понял, что главная угроза для революционной Франции – Британская империя. Следовательно, на благо Франции нужно немедленно вывести «Туманный Альбион» из игры.

Им был разработан план быстрого вмешательства- вторжения на территорию Ирландии, которая в ту пору в очередной раз стремилась сбросить с себя английское иго. Французская поддержка могла бы перевесить чашу весов в пользу свободолюбивых ирландцев. В условиях максимальной секретности, в кратчайшие сроки все было готово и отборные войска приготавливались переправиться через Ла-Манш. Корабли начали движение, но вмешались непогода

и Его Величество Случай: весь флот разметал в разные стороны сильнейший шторм и флагман с Гошем пристал к берегу последним, лишь через два дня после основной массы судов.

К этому моменту его помощник Груши так и не решившись взять ответственность о вторжении вглубь Ирландии, отдал приказ о свертывании экспедиции и возвращении домой. Англичане обо всем узнали и на внезапность более рассчитывать уже не приходилось. (*кстати, тот самый легендарный «антигерой» Ватерлоо!*) (*кстати, спустя без малого 20 лет, Груши скажется на исходе последней битвы Бонапарта при Ватерлоо, по крайней мере, так принято считать, что не совсем так, но это уже совсем другая история!*) **нерешительность**

Покончить с Англией одним неожиданным ударом не удалось и вторую попытку предпринимать не стали в виду ее бесперспективности: британцы уже были во все оружие.

..., если бы тогда в 1796 г. замысел Гоша удался, то неизвестно, состоялась ли бы 15-летняя эпоха наполеоновских войн!? Точно так же не ясно, как бы пошло развитие Франции, не будь у нее такого «недосягаемого» врага как островная Англия, которую никогда нельзя было победить вне ее собственной территории!? Получается, что Гош первым из революционных генералов Франции предпринял попытку покончить с «британским львом в его логове», т.е. на его острове. Другой талантливейший французский генерал – Наполеон Бонапарт дважды обдумывал такую же операцию: первый раз – чисто теоретически в 1798 г. еще до Египетской кампании, а второй раз – спустя 5 лет – но по тем же причинам, что и ранее, до переправы и вторжения дело так и не дошло. Впрочем, как и Гош, Бонапарт оказался бессилён решить проблему Туманного Альбиона – **Кстати Хозяйки Морей...**

Неудача с вторжением на британские острова существенно не сказалась на дальнейшей карьере генерала Гоша. Его назначают командовать Самбр-Маасской армией в очень сложный для нее момент – после поражения Журдана при Вюрцбурге. Ему удалось в кратчайшие сроки навести порядок с дисциплиной и при поддержке Рейнской армии Моро начать наступление, которое остановило лишь известие о Леобенском перемирии, навязанном Австрии на Итальянском фронте Наполеоном.

Гоша вызывают в Париж, но оказаться там ему было не суждено: Луи-Лазарь заболел и умер от... «заворота кишок». (*Кое-кто из современников не исключал, что его отравили, но истина так и осталась «за семью печатями»!*)

Его похоронили в том же мавзолее, в котором покоился прах другой легенды среди революционных генералов Франции – Марсо.

...Когда Гош внезапно и чрезвычайно быстро ушел из жизни, он был не менее популярен, чем его главный конкурент в борьбе за негласный титул лучшего полководца революционной Франции – генерал Бонапарт. В войсках его обожали за невероятную отвагу, открытый, располагающий к себе характер и внимание к нуждам простого солдата. Соратники говорили о Гоше-командире очень лаконично и емко: «У него самая длинная сабля и самые короткие речи!» В день военного переворота 18 брюмера в пользу Бонапарта эти два генерала, скорее всего, оказались бы по разные стороны баррикад и как развернулись бы дальнейшие события вряд ли кто-либо решится предсказать. Не будем гадать, как бы сложилась судьба Франции, если бы на месте генерала Бонапарта оказался генерал Гош, человек более бескорыстный, в меньшей степени политик, чем Наполеон, но, по сути, столь же агрессивный военный, к тому же, весьма склонный к аналитике и теоретизированию.

Так исторически сложилось, что в самом конце XVIII века в пост-революционной Франции более был востребован авантюризм, чем искренний патриотизм. Но получилось так, что одна из двух самых «блестящих» шпаг Франции конца XVIII века (Гош) перестала сверкать на полях сражений, а другая (Бонапарт) позднее сделала все от нее зависящее, чтобы о ней (Гоше) забыли как можно быстрее. Конечно, это не делает Наполеону чести, но во все времена даже великие полководцы (от Ганнибала до Суворова) не любили с кем-либо делиться

воинской славой, поскольку на Полководческом Олимпе нет места для двоих, как, впрочем и везде...» (*которого было больше у Наполеона*) (*он преобладал у Гоша*)

«Он давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал» (Гюденн)

Сугубо факты:

Дивизионный генерал (23 мая 1800 г.), граф Гюден и Империи (7 июня 1808 г.), родился 13 февраля 1768 г. в Ньевре (в Монтаржи) в семье королевского офицера медицинской службы Луи-Габриэля Гюдена де Валлерена (1732-) и его супруги Марии-Анны Юмери де ла Буассьер (1745-) и *Сезар-Шарль-Этьен* (его не надо путать с другим дивизионным генералом Пьером Сезаром Гюденом!) *де ла Бардельером* был племянником весьма известного дивизионного генерала (22 июля 1793 г.) *Этьена Гюдена* (1734—1820). **Гюден де ла Саблоньер**

... его не столь «звездный» дядя родился 15 октября в Ньевре в старинной аристократической семье Ниверне, получившей дворянское достоинство в далеком 1542 г., в 1752 г. в возрасте 17 лет поступил на военную службу кадетом пехотного полка д`Артуа, 6 марта 1757 г. – лейтенант, принимал участие в кампании 1762—63 гг. в Португалии, 20 апреля 1768 г. – капитан, в 1776 г. – командующий рекрутского депо. 20 августа 1780 г. возглавил егерскую роту 3-го батальона своего полка, во главе которой участвовал в Войне за независимость Соединённых Штатов, 25 мая 1783 г. возвратился во Францию. 14 июня 1786 г. – командир гренадёрской роты полка д`Артуа, 3 февраля 1788 г. произведён в майоры с назначением в Королевский гренадёрский полк Нормандии, 4 августа 1789 г. вышел в отставку с чином подполковника и пенсией в 2.240 ливров. В том же месяце избран командующим Национальной гвардии Монтаржи, 9 октября 1791 г. – командир 1-го батальона волонтёров департамента Луары, участвовал в кампаниях 1792—93 гг. в составе Северной Армии, 2 мая 1793 г. – комендант Мобежа, 27 мая 1793 г. – бригадный генерал, 22 июля 1793 г. – дивизионный генерал, специальным декретом Конвента назначен командующим Армии Вандеи, но отклонил назначение, 6 августа 1793 г. освобождён от занимаемой должности, 20 сентября 1793 г. по приказу народного представителя Друэ арестован и доставлен в тюрьму Арраса, приговорён к смертной казни и чудом спасся благодаря путанице, царившей во времена Великого Террора (до конца жизни хранил список, в котором значился 13 из 36 гильотинированных). 16 ноября 1794 г. после государственного переворота 9 термидора II-го года (27 июля 1794 г.) получил свободу и 4 марта 1795 г. восстановлен в армии с чином дивизионного генерала и назначением командующим Армии Бреста, 30 сентября 1795 г. вышел в отставку, в 1800 г. – член Сената от департамента Луары. Шевалье Почётного Легиона (29 марта 1805 г. и Шевалье Святого Людовика (1 мая 1780 г.) умер 23 сентября 1820 г. в Сен-Морикесуре в возрасте 85 лет... *Кстати,*

А вот его прославленный племянник начал свое обучение военным наукам в Бриеннской военной школе вместе с Наполеоном Бонапартом.

28 октября 1782 г. приступил к действительной службе в корпусе гвардейских жандармов, 2 июля 1784 г. переведён в пехотный полк Артуа с чином суб-лейтенанта. 1 января 1791 г. – лейтенант 48-го пехотного полка, участвовал в подавлении восстания негров на острове Санто-Доминго, 5 июля 1792 г. возвратился во Францию.

В мае 1793 г. назначен адъютантом своего дяди, генерала Этьена Гюдена, служил в составе Северной Армии в Мобеже, после ареста генерала Гюдена переведён 31 октября 1793 г. в Арденнскую Армию с назначением адъютантом генерала Феррана.

19 апреля 1794 г. назначен в штаб Северной Армии, 13 июня 1795 г. – шеф бригады в составе Рейнско-Мозельской Армии, с апреля 1796 г. сражался в составе 6-й дивизии генерала Дюгема, 14 июля 1796 г. отличился при захвате Вольфаха, в ноябре 1796 г. – начальник штаба дивизии генерала Сен-Сира, затем начальник штаба гарнизона Келя, с 20 апреля

1797 г. служил в дивизии генерала Амбера, 12 января 1798 г. переведён в Английскую Армию, а в октябре 1798 г. – в Майнцскую Армию генерала Лефевра.

5 февраля 1799 г. – бригадный генерал, в апреле 1799 г. возглавил бригаду дивизии генерала Суама Дунайской Армии, 30 апреля 1799 г. – командир бригады 4-й пехотной дивизии генерала Сульта Гельветической Армии, отличился в сражениях при Оберальпе, Сен-Готарде, Штоккахе, Мескирге и Меммингене.

5 октября 1800 г. – начальник штаба корпуса генерала Лекурба Рейнской Армии, 23 мая 1800 г. – дивизионный генерал (утверждён в чине 28 августа 1800 г.), командир 1-й пехотной дивизии, 4 июля 1800 г. – командир 2-й пехотной дивизии, сражался при Хохштадте и Нейбурге.

22 августа 1803 г. определён в 10-й военный округ, 23 августа 1804 г. возглавил 3-ю пехотную дивизию III корпуса маршала Даву в военном лагере Брюгге и с тех пор стал одним из самых доверенных подчинённых, а также личным другом маршала.

В составе Великой Армии (Grande Armee) участвовал в кампаниях 1805, 1806 и 1807 гг., ранен в сражении 14 октября 1806 года при Ауэрштедте, осадил и принудил к сдаче крепость Кюстрин, при Пултуске своевременный приход его дивизии на поле боя решил исход сражения, сражался при Эйлау и Фридланде.

После окончания боевых действий награждён почётной должностью губернатора Императорского дворца Фонтенбло.

12 октября 1808 г. определён в состав Армии Германии, в ходе Австрийской кампании 1809 г. сражался при Танне, Абенсберге, Ландсгуте, Экмюле, Ратисбоне, Виттенау и Ваграме, где четырежды ранен.

1 апреля 1812 г. – командир 3-й пехотной дивизии I-го корпуса Великой Армии, принимал участие в Русской кампании, 16 августа 1812 г. отличился при штурме Смоленска, где лично вёл свою дивизию в штыковую атаку на городские ворота, 19 августа 1812 г. в сражении при Валутиной горе во главе своей дивизии опрокинул центр русской позиции и был смертельно ранен ядром в бедро, после чего эвакуирован в Смоленск. Там и умер 28 августа 1812 г. в возрасте 44 лет, похоронен в Сен-Морис-сюр-Авейроне.

... он был женат на Марие-Жанетте-Каролине-Кристине Крейцер (1780—1868), от которой имел пятерых детей: Сезар-Шарль-Габриэль (1798—1874), Адель (1802—1871), Мелани (1803—1874), Пьер (1808-) и Эме (1812—1877). *Кстати,*

В 14-м бюллетене Великой Армии от 23 августа 1812 г. говорится: «Генерал Гюден был одним из самых отличившихся офицеров армии; он обладал достойными моральными качествами, храбростью и неустранимостью» (Le general Gudin etait un des officiers les plus distingues de l'armee; il etait recommandable par ses qualites morales autant que par sa bravoure et son intrepidite), по мнению самого Императора: «Гюден давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслужил» (Gudin il-y-a longtemps a reçu deja la baguette du marechal, si on pouvait distribuer ces baguettes a tous, qui les a merite).

Имя кавалера Великого Орла Почётного Легиона (14 августа 1809 г.) выбито на Триумфальной арке площади Звезды.

Ключевые моменты биографии Гюденна:

– Будущий дивизионный генерал (1800), граф Империи (1808), (13 февраля 1768, Монтаржи, провинция Орлеан – 22 августа 1812, Смоленск) был сыном офицера полка Артуа и племянником генерала Этьена Гюдена. **Сезар Шарль Этьен Гюден де ла Саблонньер,**

– Учился в Бриеннской военной школе вместе с Наполеоном Бонапартом.

– Военную службу начал 28 октября 1782 г. в корпусе гвардейских жандармов.

– 2 июля 1784 г. переведен в пехотный полк Артуа (с 1791 г. 48-й полк) с назначением в чин подпоручика.

– 1 января 1791 г. произведён в поручики.

- В составе 2-го батальона своего полка направлен на о. Сан-Доминго, где участвовал в подавлении восстания негров.
- 5 июля 1792 г. вернулся во Францию.
- В мае 1793 г. был назначен адъютантом своего дяди генерала Э. Гюдена, а после его ареста перешёл в Арденнскую армию.
- В 1794—96 гг. сражался в рядах Северной, Самбро-Маасской и Рейнской армий.
- В ноябре 1796 г. занял должность начальника Генерального Штаба генерала Сен-Сира, вместе с которым отступал из Баварии, затем – начальник штаба Кельского гарнизона, 24 дня защищавшего крепость Кель от австрийцев.
- В январе 1798 г. переведён в армию, готовящуюся к высадке на Британские острова.
- В октябре того же года был переведён в Майнцскую армию к генералу Лефевру.
- В январе – апреле 1799 г. вновь возглавлял штаб Сен-Сира.
- 5 февраля 1799 г. произведён в бригадные генералы. В апреле 1799 г. командовал бригадой у генерала Суама в наблюдательном корпусе у Мангейма, а затем назначен генералом Массена командиром бригады в 4-й дивизии генерала Сульта в армии Гельветии. Проявил себя храбрым и распорядительным командиром.
- После соединения Дунайской и Рейнской армий сначала командовал бригадой в дивизии генерала Лекурба. Участвовал в бою с русскими войсками при Сен-Готарде.
- С 5 октября 1799 г. – начальник Генерального Штаба при генерале Лекурбе в Рейнской армии. Отличился в сражениях при Штоккахе, Мёскирхе, Меммингене.
- 23 мая 1800 г. заменил генерала Вандама на посту командира дивизии. Сражался при Хохштадте и Нейбурге.
- С 4 июля 1800 г. командовал 2-й дивизией в корпусе генерала Лекурба. С 22 августа 1800 г. – командующий 10-м военным округом в Тулузе.
- 29 августа 1803 г. получил в командование 3-ю дивизию в лагере маршала Давуи с тех пор стал одним из его самых доверенных подчинённых и любимых дивизионных командиров.
- Во время Прусской кампании Наполеона 1806 г. принял выдающееся участие в сражении при Ауэрштедте 14 октября, решившем вместе с Йенской битвой судьбу Пруссии.
- Цена этого героизма была, однако, велика. Дивизия Гюдена потеряла 40% своего боевого состава.
- 29 октября 1806 г. Гюден осадил крепость Кюстрин и 1 ноября принудил её к сдаче.
- 29 ноября 1806 г. во главе своей дивизии вступил в Варшаву.
- Отличился в сражении при Насельске. 26 декабря 1806 г. во время сражения при Пултуске появление его дивизии на поле боя решило судьбу сражения – Беннигсен принял решение выйти из боя.
- Затем участвовал в сражениях при Прейсиш-Эйлау, Фридланде.
- В 1809 г. в составе корпуса маршала Даву сражался в следующих битвах: при Танне, Абенсберге, Ландсхуте и Экмюле. В последней битве в начале сражения атаковал и захватил стратегически важные высоты Рокинга. Участвовал также в битвах при Регенсбурге и при Виттенау, был четырежды ранен в сражении при Ваграме 6 июля 1809 г.
- В августе 1809 г., не оставляя командования дивизией, получил почётное назначение губернатором императорского дворца Фонтенбло.
- С 1 апреля 1812 г. командовал 3-й дивизией I-го корпуса Великой Армии. Во время Русской кампании 1812 участвовал в Смоленском сражении. В ходе сражения при Валутиной Горе 19 августа присоединился к ведущему бой корпусу маршала Нея. Одним из первых выстрелов, сделанных из русских орудий, ему оторвало обе ноги.
- Гюден был эвакуирован в Смоленск, но там вскоре умер.
- Ему было всего лишь 44 года и 30 из них он отдал армии, дослужившись до генерала за 17 лет.

– По словам Наполеона, Гюден «давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал».

«Аналитика» предлагает такое резюме:

«... Прославленный дивизионный генерал (23 мая 1800 г.) из легендарной тройки блестящих командиров маршала Даву (Моран, Фриан) – (13 февраля 1768, Монтаржи, пров. Орлеан – 22/28 августа 1812, Смоленск), граф Империи (7 июня 1808 г.) командовавший пехотной дивизией (с 1803 по 1812 гг.). был сыном королевского офицера медицинской службы полка Артуа Луи-Габриэля Гюдена де Валлерена (1732-?) и его супруги Марии-Анны Юмери де ла Буассьер (1745-?). Кроме того, он был племянником известного дивизионного генерала Этьена Гюдена (1734—1820), вошедшего в историю, тем, что будучи приговорённым в годы революции к смертной казни, чудом спасся благодаря путанице, царившей во времена Великого Террора (до конца жизни хранил список, в котором значился под номером 13 из 36 гильотинированных), а затем гильотинировали главу якобинцев, самого Робеспьера и Гюдена-старшего помиловали. **Сезар-Шарль-Этьен Гюден (н) де ла Саблоньер** (или наоборот)

Гюден (н) -младший один из лучших дивизионных генералов Даву, считался большим мастером горной войны. Он принимал участие почти во всех наполеоновских походах, став героем важнейших сражений. –

Гюден-младший учился в Бриеннской военной школе (L'Ecole militaire de Brienne) вместе с Наполеоном Бонапартом. Военную службу начал 28 октября 1782 г. в корпусе гвардейских жандармов. В 1791 г. подавлял восстание негров на о. Сан-Доминго. Набирался боевого опыта в разных революционных армиях (Северной, Арденнской Самбро-Маасской, Рейнско-Мозельской, Английской, Майнцской, Дунайской, Гельветической и Рейнской): под началом своего дяди, потом генералов – Феррана, Дюгема, Сен-Сира, Лефевра, Амбера, Сульта и др.

Командуя бригадой в дивизии генерала Лекурба, доблестно сражался с самим А. В. Суворовым в Альпах за перевал Сен-Готард, а также при Штоккахе, Мёскирхе, Меммингене, Хохштадте и Нейбурге. 29 августа 1803 г. получил в командование 3-ю дивизию в лагере маршала Даву и с тех пор стал одним из его самых доверенных подчинённых и любимых дивизионных командиров.

Принимал участие почти всех наполеоновских походах, став активным участником, а порой, и героем сражений при Аустерлице, Ауэрштедте (цена его героизма была велика: его дивизия потеряла 40% своего боевого состава!), Насёльск, Пултуск (появление его дивизии на поле боя понудило Беннигсена «свернуть» бой и вскоре отступить), Прейсиш-Эйлау, Абенсберге, Ландсхуте, Экмюле, Регенсбурге, Виттенау, Ваграме и многих др. В последней битве его четырежды ранило.

Гюден смог встать в строй, чтобы найти свою смерть во время похода Бонапарта в Россию. 16 августа 1812 г. он отличился при штурме Смоленска, где лично повёл свою дивизию в штыковую атаку на городские ворота. 19 августа Гюден присоединился к ведущему бой при Валутиной горе корпусу маршала Нея. Одним из первых выстрелов, сделанных из русских орудий, ему то ли оторвало обе ноги, то ли ранило в бедро (). Гюден был эвакуирован в Смоленск, где и умер 28 августа 1812 г., а похоронен в Сен-Морис-сюр-Авейроне. *сведения различаются*

Ему было всего лишь 44 года и 30 из них он отдал армии.

Ценивший Гюдена Бонапарт лично выразил письменное соболезнование его вдове Марии-Жанетте-Каролине-Кристине Крейцер (1780—1868), пережившей мужа на 55 лет: «Милостивая государыня, графиня Гюденн, я разделяю вашу скорбь. Вы и ваши дети всегда будете иметь право на меня. Государственный секретарь посылает вам удостоверение на получение пенсии в 12 тыс. франков, а управляющий государственными имуществами передаст вам указ, которым я обеспечиваю 4 тыс. франков каждого из ваших детей А их у героя столько сражений было пятеро: Сезар-Шарль-Габриэль (1798—1874), Адель (1802—1871), Мелани (1803—1874), Пьер (1808-?) и Эме (1812—1877). ».

Теоретически он мог бы стать маршалом, но для этого ему было нужно выйти из-под начала Даву, в корпусе которого он прослужил очень много лет. Для Даву Гюденн был абсолютно незаменим и «железный маршал» никогда бы на это не пошел. Тем более, что когда того не стало то и дела Даву пошли «не шатко – ни валко», а в 1813 г. – когда окончательно решалась судьба Бонапарта, «железный маршал» оказался «на обочине войны», правда, в силу ряда причин.

«Он давно бы уже получил жезл маршала, если бы можно было раздавать эти жезлы всем, кто их заслуживал» (Gudin il-y-a longtemps a reçu deja la baguette du marechal, si on pouvait distribuer ces baguettes a tous, qui les a merite). Это сказал Наполеон спустя много лет о... Гюденне. Правда, к тому моменту геройская смерть последнего уже давно расставила все по своим местам.

Шарль-Этьен-Сезар де ла Гюденн, чье имя выбито на Триумфальной арке площади Звезды, навсегда вошел в пантеон Славы Французского Военного Искусства, как блестящий дивизионный генерал из знаменитого образцового III—го корпуса «железного маршала» Даву, из «Большой Тени» которого его вывела ...» *Ее Величество Смерть*

«Пусть Альпы служат ему пьедесталом» (Дезе)

Сугубо факты:

Дивизионный генерал (1794 г.), (17 августа 1768 г., Эя-сюр-Сиуль – 14 июня 1800 г., Маренго) окончив в 1783 г. военную школу, поступил на службу мл. лейтенантом в Бретонский пехотный полк. Дезе, *Луи Шарль Антуан*

Распушенность королевской армии побудила его в 1791 г. покинуть строй. Он был недолго военным комиссаром в Клермон-Ферране, а затем получил должность адъютанта при генерале де Броли в Рейнской армии. Сочувствуя идеям революции, Дезе был против её крайностей и, когда было принято решение лишить Людовика XVI престола, высказался вместе с де Броли против такой меры; их протест стал известен правительству, и они оба были отстранены от должностей, причём Дезе был даже арестован и просидел в тюрьме около двух месяцев. Освобождённый по ходатайству генерала де Кюстина, он вернулся в Рейнскую армию и после целого ряда отличий за дело у Виссембурга 26 лет от роду был произведён в дивизионные генералы, став самым молодым генералом французской армии.

Тем не менее, Дезе считали роялистом и боялись. К тому же он открыто возмущался казнью Кюстина и насилиями якобинцев над его матерью и сестрой, заключёнными в тюрьму. Несмотря на самые лестные отзывы о Дезе генералов Пишегрю и Сен-Жюста, Национальный конвент снова распорядился об его аресте, но когда комиссары явились в лагерь за Дезе, солдаты, обожавшие своего начальника, их прогнали. Конвент, боявшийся армии, оставил Дезе в покое.

28 мая 1794 г. Дезе принимал участие в сражении при Киррвейлере, которое закончилось для французов крайне неудачно. В 1796 г., находясь в армии Моро, Дезе был одним из главных участников знаменитого отступления из Баварии: Дезе укрепился в Келе, остановил армию эрцгерцога Карла и задержал наступление австрийцев до той поры, пока всякая опасность для Моро миновала. После этого он и сам отступил вполне благополучно.

Подобно многим французским генералам того времени, Дезе восторгался подвигами Бонапарта и, желая попасть под его команду, устроил себе командировку в Итальянскую армию. Очарованный приемом Наполеона, Дезе принял с ним участие в Египетской экспедиции.

В начале кампании Дезе принимал участие во взятии о. Мальты и затем Александрии. Также он находился и в сражении у Пирамид. Командуя авангардом, Дезе разбил арабов при Уамбо и, уничтожив войска Мурад-Бея, завоевал большую часть Верхнего Египта. В Египетской армии Дезе пользовался тем же обаянием, как и в Рейнской. Подобно Баярду, его называли рыцарем без страха и упрека. За справедливость и честность подчинённые прозвали его «Sultan-Juste». Наполеон также очень ценил заслуги Дезе и за подвиги в Египте прислал ему саблю при весьма лестном письме.

Уезжая во Францию, Наполеон, вместе с Дюроком, хотел взять с собой и Дезе, но последний не мог прибыть вовремя и остался в Египте. Заключив Эль-Аришский договор с англичанами и турками, Дезе отправился во Францию. Остановившись в Ливорно, он был задержан англичанами и, несмотря на то, что по заключённому договору имел право проезда во Францию, был объявлен военнопленным. Адмирал Кейт назначил на его продовольствие по 1 франку в день. «Я думаю, – сказал он Дезе, – вы, объявившие принцип всеобщего равенства, будете вполне довольны, если я буду кормить вас наравне с солдатами?» – «Я всем доволен, адмирал, – отвечал Дезе, – но я имел в Египте дело с турками, мамелюками, арабами и неграми, и все они держали своё слово, которого не сдержали вы. Единственно, о чём я прошу, это чтобы вы избавили меня от своего присутствия».

Пробыв 30 дней в плену, Дезе явился в армию Первого консула, всего за несколько дней до сражения при Маренго. Наполеон сейчас же дал ему две дивизии Буде и Моннье и направил в сторону Генуи, для того чтобы воспрепятствовать австрийским войскам, взявшим Геную, соединиться с главными силами армии Меласа.

Дезе был уже на марше, когда до его уха долетела канонада со стороны Маренго. Он сейчас же понял, откуда грозит опасность, и форсированным маршем двинулся на выстрелы. Движение это было как нельзя более кстати.

Когда Дезе явился, Бонапарт сказал ему: «Сражение проиграно». – «Это сражение проиграно, – отвечал Дезе, – но теперь всего лишь 3 часа, и у нас есть ещё время, чтобы выиграть другое», и тотчас же отдал приказ о контратаке. Дезе двинул на австрийцев свой авангард – 9-ю лёгкую бригаду, и сам возглавил её атаку. Не ожидавшие нового нападения, австрийцы смешались, дрогнули и, побежали.

Однако, успех французов был куплен дорогой ценой: они потеряли 7 тыс. человек и самого Дезе. Он был убит пулей в сердце первым же залпом. Его последние слова были: «Скройте от солдат мою смерть, это может помешать успеху». Но он ошибся: узнав о смерти любимого командира, солдаты пришли в такую ярость, что не давали уже пощады австрийцам.

Ему был всего лишь 31 год: *обычно герои долго не живут...*

Бонапарт, несмотря на радость победы, был глубоко огорчён смертью Дезе. Он настоял на том, чтобы похороны его были обставлены небывалой торжественностью и приказал похоронить его на вершинах Альп, в монастыре Большой Сен-Бернар. «Пусть Альпы, – сказал он, – служат пьедесталом его памятника и святые отцы – хранителями его могилы».

Похороны состоялись 19 июня 1800 г.

В честь Дезе была выбита медаль, ему были поставлены памятники: у Маренго, на том, месте где он пал (австрийцы впоследствии уничтожили этот памятник, его копия установлена в Клермон-Ферране) и на одном из Рейнских островов близ Келя, а также фонтан на площади Дофин в Париже (точно такой же фонтан был сооружён и в городе Рьоме).

Впоследствии имя Дезе было выбито и на Триумфальной арке в Париже.

«Аналитика» предлагает почти тоже самое:

«...Дивизионный генерал (1794), (1768, Клермон-Ферран, – 14.06.1800, Маренго, Италия) происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода шевалье де Вейгу. **Луи Шарль Антуан Дезе,**

В 1785 г. он окончил военное училище и был произведен в офицеры (2-й лейтенант). Службу начал в одном из пехотных полков. Распущенность нравов и крайне низкая дисциплина в королевской армии произвели на молодого офицера удручающее впечатление и побуждали его вскоре оставить полк. После недолгого пребывания на незначительной военно-административной должности стал адъютантом герцога де Брولى, командовавшего французскими войсками на Рейне.

К началу Французской революции (1789) был 1-м лейтенантом, а вскоре получил чин капитана. Сочувствуя идеям революции, Дезе, в отличие от многих своих коллег-офицеров королевской армии, бежавших за границу, сразу же встал под ее знамена, но в то же время был противником допускаемых ею крайностей.

Когда в результате народного восстания 10 августа 1792 г. король Людовик XVI был свергнут с престола и арестован, то Дезе вместе со своим генералом открыто выступил против такой меры. Репрессии со стороны нового правительства последовали незамедлительно – оба они (и герцог-генерал, и его адъютант) были отстранены от своих должностей, арестованы и брошены в тюрьму.

В заключении Дезе провел около двух месяцев. Освобожденный по ходатайству нескольких влиятельных в то время генералов (А. Бирон, А. Кюстин и др.), он вернулся в Рейнскую армию. Сражаясь в ее рядах как командир подразделения, затем – части, он быстро выдвигался

нулся, проявив в целом ряде боев и сражений выдающиеся военные способности, большую личную храбрость, отвагу и патриотизм. Командование Рейнской армии должным образом оценило боевые заслуги молодого офицера – в 1793 г. он был произведен в полковники, а через несколько месяцев – в бригадные генералы.

В скором времени Дезе приобрел известность одного из лучших генералов революционной армии. Благодаря его умелым и активным действиям французы сумели избежать крайне негативных последствий от потери Вейсенбургских укрепленных позиций. В сражении при Лаутербурге (1794), несмотря на тяжелое ранение в лицо, Дезе не покинул поля боя и даже не позволил перевязать себя, пока не привел в порядок свои расстроенные батальоны и не задержал мощное наступление противника. За этот подвиг он был произведен в дивизионные генералы. Это было высшее воинское звание во французской революционной армии, которого Дезе удостоился всего в 26 лет.

Однако, несмотря на свою преданность революции и боевые заслуги перед нею, он не пользовался доверием якобинского правительства. В Париже его опасались, считая роялистом. Утверждению такого мнения о нем среди якобинского руководства способствовало не только бывшее выступление Дезе в защиту королевской власти летом 1792 г., но и его отрицательное отношение к кровавому террору, развязанному якобинцами в стране, которое генерал и не думал скрывать, а также его открытое возмущение казнью генерала А. Кюстина и насилем, проявленным якобинскими властями по отношению к его матери и сестре, брошенными в тюрьму по надуманному обвинению в «контрреволюционной деятельности».

Враждебность якобинцев к Дезе все более нарастала. Несмотря на самые лестные отзывы о нем его непосредственных начальников – генерала Пишегрю (командующий Рейнской армией) и Сен-Жюста (комиссар Конвента при Рейнской армии), Комитет общественного спасения принял решение об аресте Дезе. Но когда прибывшие из Парижа с этой миссией комиссары Конвента появились в дивизии Дезе, то солдаты, обожавшие своего командира, их просто прогнали. После этого инцидента якобинские правители, боявшиеся армии, оставили Дезе в покое.

Возглавляя одну из дивизий Рейнской армии, Дезе успешно действовал в кампаниях 1794 и 1795 гг., неоднократно подтверждая свою высокую боевую репутацию. Его слава гремела по всем фронтам Республики. В 1796 г., находясь в Рейнско-Мозельской армии (генерал Моро), которая считалась главной и самой лучшей армией Французской республики, Дезе участвовал в походе Моро за Рейн.

Как всегда, его действия в Германии отличались большим искусством и смелостью.

В результате внезапного и стремительного удара он разгромил корпус французских эмигрантов (принц Конде) и овладел городом Оффенбург (на правом берегу Рейна, юго-восточнее Страсбурга). В сражении при Раштадте (на правом берегу Рейна, северо-восточнее Страсбурга) Дезе командовал левым крылом французской армии.

Особенно отличился при отступлении Моро из Баварии через горы Шварцвальд, в ходе которого, прикрывая отход главных сил, Дезе командовал арьергардом армии, а затем упорной обороной плацдарма на правом берегу Рейна в районе Келя сковал действия всей австрийской армии эрцгерцога Карла. Он удерживал плацдарм до тех пор, пока всякая опасность для главных сил отступающей за Рейн армии Моро не миновала. Только после этого Дезе оставил занимаемый плацдарм. Его отход за Рейн ввиду многократно превосходящих сил противника был проведен блестяще.

В кампаниях 1796 и 1797 г. на Рейне Дезе был одним из ближайших сподвижников Моро. Но подобно многим другим генералам французской армии того времени Дезе восхищался подвигами генерала Наполеона Бонапарта в Италии.

Желая познакомиться лично с этим прославленным полководцем, который в считанные месяцы затмил своей славой всех других полководцев Французской республики и стал

в системе ее военной иерархии звездой первой величины, Дезе после завершения кампании 1796 г. устроил себе командировку в Итальянскую армию. Бонапарт радушно принял знаменитого генерала, о боевых подвигах которого на Рейне он также был хорошо осведомлен.

Знакомство, к удовольствию обеих сторон, состоялось. Дезе был очарован не только приемом, который оказал ему командующий Итальянской армией генерал Наполеон Бонапарт, но и личностью этого человека. С этого времени Дезе сделался его горячим поклонником. Дезе также пришелся по душе Бонапарту. Поэтому когда Наполеон задумал предпринять экспедицию в Египет, сомнений у Дезе по поводу своего участия в ней не было. Бонапарт с большим удовольствием предложил ему командование одной из дивизий своей экспедиционной армии (Восточная армия).

Так Дезе вошел в число ближайших боевых соратников Наполеона.

Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта началась 19 мая 1798 г. В этот день корабли французской эскадры и транспорты, имея на борту экспедиционную армию, покинули берега Франции и взяли курс на Египет. Возглавляемая Наполеоном Бонапартом Восточная армия насчитывала 38 тыс. человек (пять дивизий) и 120 орудий. Из 31 генерала, составлявших командование армии, ок. 20 являлись сподвижниками Бонапарта по Итальянскому походу 1796—97 гг.

Высадка войск на египетском побережье произошла 1—3 июля. Последней высаживалась дивизия Дезе. После взятия Александрии (2 июля 1798 г.), в котором дивизия Дезе не участвовала, французская армия направилась к реке Нил. Ее авангардом командовал Дезе. Тяжелый переход по безводной песчаной пустыне, во время которого в изнуренных палящим зноем и невыносимой жаждой войсках едва не вспыхнул мятеж, был осуществлен за трое суток.

13 июля возглавляемый Дезе авангард в бою при Уамбо (Шебрейс) на левом берегу Нила наголову разгромил передовой отряд (свыше 4 тыс. чел.) армии мамлюков (Мурад-бей) и двинулся на Каир.

21 июля 1798 г. произошло знаменитое сражение у Пирамид, перед которым Наполеон Бонапарт, обращаясь к своим войскам, вроде бы произнес ставшие знаменитыми слова: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас!» В этом сражении Дезе командовал правым крылом французской армии, по которому мамлюкская конница Мурад-бея нанесла свой главный удар. Все яростные атаки противника разбились о несокрушимую стойкость французских каре дивизии Дезе. В сражении у Пирамид армия мамлюков потерпела сокрушительное поражение. 24 июля французы заняли столицу Египта – Каир.

Однако полностью уничтожить армию Мурад-бея им не удалось, ее остатки начали отступление в Верхний Египет. Их преследование Бонапарт поручил Дезе, который должен был завоевать Верхний Египет и завершить уничтожение армии мамлюков. Главнокомандующий армией особо подчеркнул, что эта задача является главной в данный момент для Восточной армией.

Кампания в Верхнем Египте продолжалась более 9 месяцев (с августа 1798 г. по май 1799 г.).

Все это время Дезе, располагавший весьма ограниченными силами (до 3 тыс. чел. с 2 орудиями), неутомимо гонялся за неуловимым Мурад-беем, имевшим многократное численное превосходство (свыше 10 тыс. чел.). Не давая противнику ни малейшей передышки, французы проводили многочисленные рейды с целью разгрома его отдельных группировок, отрядов или баз, усмирения взбунтовавшихся населенных пунктов или районов. Стычки с небольшими отрядами противника происходили постоянно. В ходе этой напряженной и изнурительной борьбы Дезе с непоколебимым упорством и настойчивостью решал поставленные перед ним задачи.

Наиболее крупные бои в ходе этой кампании произошли под Седиманом (7 октября 1798 г.), Самхудом (22 января 1799 г.) и Абиудом (8 марта 1799 г.). Все они закончились раз-

громом мамлюков, несмотря на их подавляющее численное превосходство. К концу мая 1799 г. основные силы мамлюков были уничтожены, и покорение Верхнего Египта завершено. Мурад-бей был вынужден прекратить сопротивление, изъявить покорность и признать установление французского правления в Египте.

За время своего пребывания на юге Египта Дезе показал себя умелым и умным военным администратором. Управляя завоеванным краем, он снискал не только признательность, но и уважение местного населения, называвшего его «султаном Эль-Адель» (справедливый правитель).

Боевые заслуги Дезе во время Египетского похода получили высокую оценку со стороны Наполеона Бонапарта, приславшего ему драгоценную саблю при очень лестном письме.

Покидая 24 августа 1799 г. Египет, Бонапарт в числе наиболее близких к нему генералов намеревался забрать с собой и Дезе. Однако ввиду поспешности отъезда, подготовка к которому проводилась в строжайшей тайне и в очень ограниченное время, своевременно вызвать Дезе из Верхнего Египта не представлялось возможным. Поэтому Бонапарт передал своему преемнику на посту главнокомандующего Восточной армией генералу Клеберу просьбу отправить Дезе во Францию при первой же возможности.

Такая возможность появилась только после заключения Клебером Эль-Аришского договора с Турцией (24 января 1800 г.) о перемирии и последующей эвакуации французских войск из Египта на почетных условиях. Но Англия отказалась признать этот договор, и под ее давлением турки разорвали его.

Дезе отправился во Францию сразу же после заключения соглашения в Эль-Арише. Его сопровождал английский офицер, который должен был наблюдать за соблюдением оговоренных в договоре условий. Разрыв договора произошел в то время, когда Дезе уже находился в пути. По прибытии в итальянский порт Ливорно (область Тоскана) он по распоряжению английского адмирала Кейта был задержан и объявлен военнопленным. Арестованному и доставленному к нему французскому генералу адмирал заявил, что выделяет на его содержание в тюрьме по 1 франку в день и с издевкой добавил: «Я полагаю, что вы, объявившие у себя принцип всеобщего равенства, будете вполне довольны, если я буду кормить вас наравне с солдатами?» – «Я всем доволен адмирал, – ответил Дезе. – Но я имел в Египте дело с турками, мамлюками, арабами и неграми, и все они держали свое слово, которое не сдержали вы. Единственное, о чем я прошу, это чтобы вы избавили меня от своего присутствия».

Пробыв месяц в плену, Дезе был освобожден по обмену и прибыл во Францию как раз в то время, когда Наполеон Бонапарт завершал подготовку к Итальянскому походу 1800 г. В армию Наполеона он явился за два дня до сражения при Маренго. Наполеон был несказанно обрадован прибытием своего боевого сподвижника, сразу же, отложив все дела, принял его и имел с ним продолжительную беседу. Дезе был назначен командиром корпуса, состоявшего из двух дивизий. На следующий день он получил приказ выдвинуться с одной дивизией своего корпуса (дивизия генерала Буде) к городу Нови (Нови-Лигуре), перерезать там дорогу Генуя – Александрия и воспретить переброске австрийских войск, только что овладевших Генуей, в район Александрии, где сосредоточивались главные силы австрийской армии генерала Меласа.

14 июня 1800 г. Дезе был на марше, когда до него долетели звуки отдаленной артиллерийской канонады, доносившейся со стороны Маренго. Он сразу же понял, откуда грозит опасность, немедленно повернул обратно и форсированным маршем двинулся на выстрелы. Проявленная им инициатива оказалась как нельзя кстати.

К 15 часам развернувшееся в районе Маренго генеральное сражение Наполеоном было полностью проиграно. Поле боя осталось за австрийцами. Теснимые противником французы повсюду отступали. Огонь уже затихал с обеих сторон. Мелас разослал курьеров во все концы с известием о решающей победе, одержанной над Бонапартом. Считая дело практически

законченным, легко раненый австрийский главнокомандующий уехал в Александрию, передав командование своему начальнику штаба генералу Цаху. Ему была поставлена задача преследовать разбитую и отступавшую французскую армию.

И вот в этот последний миг, когда, казалось, уже опустился занавес за завершающим актом постигшей французов трагедии, перед обескураженным поражением Наполеоном на взмыленном коне и весь забрызганный грязью (перед этим в районе Александрии в течение нескольких дней шли сильные дожди) предстал Дезе. За ним показались передовые подразделения подходившей дивизии Буде. Ответив на приветствие подъехавшего генерала, Наполеон сокрушенно произнес: «Сражение проиграно».

Окинув взором печальную картину проигранной битвы, Дезе вынул из кармана часы и, взглянув на них, хладнокровно возразил своему главнокомандующему: «Первое сражение проиграно, но теперь всего лишь 3 часа и у нас есть еще время выиграть второе».

Через полчаса, когда подошли основные силы дивизии, Дезе отдал приказ о переходе в атаку. Дивизия Буде атаковала противника сходу, после тяжелого и изнурительного форсированного марша по раскисшим от дождей и разбитым конницей, артиллерией и тысячами солдатских ног дорогам. Отступавшие до этого французские войска воспрянули духом, остановились, а затем дружно поддержали атаку Дезе, перейдя в контрнаступление по всему фронту. Сражение возобновилось с новой силой. Австрийцы, менее всего ожидавшие такого поворота событий, после упорного, но недолгого сопротивления дрогнули, а затем смешались и в панике обратились в бегство.

К исходу дня австрийская армия была полностью разгромлена.

В результате 12-часового сражения она потеряла ок. 8 тыс. чел. убитыми и ранеными, 4 тыс. чел. во главе с генералом Цахом пленными и 30 орудий. Но победа французской армии при Маренго была куплена дорогой ценой, ее потери составили 7 тыс. чел.

В числе погибших был и генерал Дезе. Лично возглавивший атаку дивизии Буде, он был сражен первым же залпом противника. Вражеская пуля пробила ему грудь. Ранение оказалось смертельным. Его последними словами были: «Скройте от солдат мою смерть, это может помешать успеху». Но он ошибся. Солдаты, узнав о гибели любимого командира, пришли в такую ярость, что ни о какой пощаде врага в дальнейшем не могло быть и речи.

Несмотря на радость победы, Наполеон был глубоко огорчен смертью Дезе. В донесении консулам в Париж он писал: «Я в глубочайшей скорби по поводу смерти человека, которого я любил и уважал больше всех». По распоряжению Наполеона похороны Дезе были обставлены небывалой торжественностью. Он приказал похоронить своего боевого соратника на вершине Альп, в монастыре Сен-Бернар. «Пусть Альпы, – сказал Первый консул, – служат пьедесталом его памятника и святые отцы – хранителями его могилы».

В честь Дезе была выбита специальная медаль. Ему поставлены два памятника в Париже, памятник на поле сражения у Маренго, на том месте, где он погиб (австрийцы впоследствии уничтожили его), на одном из островов Рейна (близ Келя), на его родине и в монастыре, где герой нашел последнее пристанище...»

* * *

Дезе был небольшого роста, очень энергичным и подвижным человеком, имел слегка волнистые, очень черные волосы и смуглый цвет лица. Одевался он всегда небрежно, а в боевой обстановке обычно спал на земле, чаще всего под пушкой, завернувшись в шинель. Питался, как правило, вместе с солдатами.

Дезе пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о своих подчиненных, благородство души, открытый характер, честность, скромность, справедливость, доступность и простоту в общении. Ему было присуще какое-то особенное, только ему свойственное обаяние. Солдаты и офицеры искренне любили его, генералы уважали за боевую доблесть, самоотверженность и неустранимость в бою.

По мнению современников, Дезе был предан только боевой славе и жил только ради нее, пренебрегая всем прочим. В то же время он проявлял полное равнодушие к наградам и разного рода почестям, которые добытая в боях слава могла бы ему принести. Он жил только войной и боевой стихией. Богатство и прелести жизни совершенно его не интересовали.

Весь облик Дезе отражал целеустремленность его кипучей натуры. В обычной обстановке ему с большим трудом удавалось сдерживать свою бьющую через край порывистость и нетерпение. Но в минуты опасности, в боевой обстановке он буквально преображался: ледяное спокойствие, железная выдержка и холодный расчет – все это неотъемлемые качества Дезе как военачальника.

Дезе был убежденным республиканцем, горячим патриотом своей родины, искренним сторонником кардинальных преобразований в общественно-политическом устройстве страны. С первых же дней революции, несмотря на то, что был офицером «старого режима», и по происхождению, и по воспитанию принадлежал к первому (дворянскому), правящему в стране сословию, он безоговорочно принял ее идеалы и всю свою недолгую, но яркую жизнь посвятил делу защиты революционных завоеваний французского народа.

По своим политическим взглядам он, скорее всего, принадлежал к умеренным республиканцам, хотя своих политических пристрастий старался открыто не высказывать и вообще стремился всегда держаться подальше от политики. Вместе с тем известны его крайне отрицательное отношение ко всякого рода радикальным элементам в революционном движении, выступления против массовых репрессий, захлестнувших страну в период якобинской диктатуры.

Отличился храбростью, мужеством и военным талантом в боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших генералов революционной армии. Боевые заслуги Дезе, его преданность делу революции и военный талант получили широкую известность, вследствие чего во время чистки армии от офицеров-дворян, организованной якобинцами, для него было сделано исключение.

В рядах революционной армии Дезе сделал блестящую военную карьеру, в 25 лет став генералом.

Проявил себя как талантливый военачальник, обладавший незаурядными полководческими дарованиями, что он убедительно доказал в ходе боевых операций на Рейне, в Египте и Италии. По свидетельству современников, лишь очень немногие из генералов французской революционной армии обещали так много, как Дезе.

Дезе проявил себя как искусный мастер маневренной войны. Наряду с другими известными военачальниками революционной армии он являлся одним из основоположников новой для того времени тактики, основанной на боевом применении колонн линейной пехоты в сочетании с рассыпным строем стрелков. (О роли в этом новаторстве русских полководцев Румянцева и Суворова –). Этот рожденный революцией (!) новый способ ведения боевых действий показал свою высокую эффективность в борьбе с противником, придерживавшимся уже устаревшей линейной тактики. Характерными чертами Дезе как военачальника были: его высокая активность, смелость и решительность при ведении боевых действий, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы на поле боя (убедительный пример тому – сражение при Маренго), поиск новых, более совершенных способов решения боевых задач, что особенно наглядно проявилось во время Египетского похода. **очень подробно говорилось выше – в главе о Гоше как уже отмечалось выше, и не только**

В боевой обстановке Дезе проявлял большую настойчивость, твердость и находчивость, отличался быстротой реакции на любые изменения в обстановке и не терял присутствия духа в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать свою волю противнику. Дезе в полной мере обладал редким даром увлекать войска на реше-

ние боевых задач в самых с ложных условиях обстановки, вдохновляя их при этом личным примером.

Его имя и боевая слава облетели все фронты Французской республики, получили широкую известность в стране. Наряду с Гошем, Клебером, Марсо и некоторыми другими военачальниками Дезе представлял собой необыкновенно привлекательный тип генерала революции, безумно храброго, совершенно бескорыстного, проникнутого горячей любовью к родине. Подобно легендарному французскому рыцарю Баярду, это был в полном смысле слова «рыцарь без страха и упрека».

Его ранняя гибель (Дезе пал в расцвете сил на поле брани, когда ему было всего 32 года) явилась тяжелой утратой для французской армии того времени.

Свой самый блистательный военный подвиг Дезе совершил в последний день своей короткой, но славной жизни – в день сражения при Маренго. Подоспев на помощь разбитой армии Наполеона в последний, самый решающий момент, он обеспечил перелом в ходе сражения и в буквальном смысле слова вырвал победу из рук врага, заплатив за это собственной жизнью. Именно Дезе являлся истинным победителем при Маренго, главным героем этого знаменитого сражения, ставшего одним из классических примеров военной истории. Он спас Наполеона от позора первого бы в его жизни крупного поражения. Но со временем, как это нередко бывает в истории, победа при Маренго стала безоговорочно преподноситься исключительно как великая победа Наполеона, а имя Дезе – истинного победителя – стало упоминаться все реже и реже, память о нем постепенно тускнела и стиралась в сознании последующих поколений, пока окончательно не исчезла.

Такова несправедливость истории!

Но Дезе только одна из многих и далеко не последних жертв исторического забвения. Уцелел он в той злосчастной для него битве при Маренго – и нет никакого сомнения, что через четыре года его имя засверкало бы среди других славных имен первых маршалов империи Наполеона. Причем именно бы Дезе возглавил этот список.

Но... судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

По мнению многих исследователей эпохи Революционных войн, Дезе был, пожалуй, самым блистательным из молодых полководцев Республики.

Весьма скупой на похвалы Бонапарт считал из всех своих генералов того времени самыми даровитыми Дезе и Клебера. По странному совпадению, Дезе и Клебер, под началом которого Дезе служил в Египте, были убиты в один и тот же день и примерно в одно и то же время с точностью до четверти часа: оба этих генерала погибли в один и тот же день – 14 июня 1800 г. – один от вражеской пули на поле битвы при Маренго, другой – в Каире от кинжала убийцы, подосланного врагами Франции.

Он вошел в историю как один из наиболее талантливых военачальников французской революционной армии эпохи Французской революции и в последующие за ней годы. Дезе по праву занимает одно из самых почетных мест в ряду самых прославленных героев французской революции конца XVIII века.

«Развернуто-беллетризованная версия» биографии Дезе предлагает следующую «раскадровку»:

«...Безусловно, одна из наиболее привлекательных личностей среди французских генералов той богатой на разнообразные, в том числе и военные, таланты поры – неотразимый красавец и редкий умница, дивизионный генерал (1794), (17 августа 1768, Эя-сюр-Сиуль – 14 июня 1800, Маренго). Дезе () *Луи-Шарль-Антуан дез Э де Вьату/де Вейгу*

... кое-кто полагает, что максимально приближенная в русской орфографии к ее подлинному французскому звучанию, его фамилия должна произноситься как , а не как это утвердилось в отечественной историографии... ***Кстати, Десе Дезе,***

Антуан Дезе шевалье де Вейгу, в 1783 г., окончив Королевскую военную школу в Эффия, поступил на службу младшим (су) лейтенантом в Бретонский пехотный полк. Царившие в ту пору нравы (кумовство, казнокрадство, распущенность и прочие «прелести авторитарных режимов всех времен и народов») в королевской армии побудила его в 1791 г. покинуть ее отнюдь не стройные ряды.

Профессиональный военный, он уже был капитаном, когда в 1792 г. начались революционные войны. Дезе, в отличие от многих своих коллег-офицеров королевской армии, бежавших за границу, сразу же встал под знамена революции. Он был недолго военным комиссаром в Клермон-Ферране, а затем получил должность адъютанта при генерале де Брولى в Рейнской армии.

Всем сразу стало ясно, что Дезе из породы храбрецов: стремясь спасти своих командиров, он без раздумья обнажал саблю и бросался на численно превосходивших врагов. Сочувствуя идеям революции, Дезе был против её крайностей и, когда было принято решение лишить Людовика XVI престола, высказался вместе с Брولى против этой меры. Их протест стал известен правительству, и они оба были отстранены от должностей, причём Дезе был даже арестован и просидел в тюрьме около двух месяцев, пропустив тем самым одну из четырех судьбоносных для революционной Франции битв – при Вальми. Освобождённый по ходатайству генерала А. де Кюстина, он вернулся в Рейнскую армию.

И тут его преследуют доносы, но и на этот раз все обходится: за умелого боевого офицера вступается командующий Рейнской армией генерал Шарль Пишегрю (1761—1804). Не лишенный военного дарования сын бургундского крестьянина Пишегрю имел влияние, как в армии, так и среди политиков и с его мнением считались. *(бездарь не смог бы разбить австрийцев 17 июня 1794 г. при Гоогледе),*

В целом ряде боев и сражений он проявил выдающиеся военные способности, большую личную храбрость, отвагу и патриотизм. Благодаря его умелым и активным действиям французы сумели избежать крайне негативных последствий от потери Вейсенбургских (Виссембургских) укрепленных позиций. В сражении при Лаутербурге (1794 г.), несмотря на тяжелое ранение в лицо, Дезе не покинул поля боя и даже не позволил перевязать себя, пока не привел в порядок свои расстроенные батальоны и не задержал мощное наступление противника. За этот подвиг он был произведен в дивизионные генералы.

А ведь это было высшее воинское звание во французской революционной армии, которого Дезе удостоился всего в 26 лет, став в ту пору самым молодым дивизионным генералом французской армии. О нем заговорили в профессиональном сообществе: военная среда очень ревнива к успехам «коллег по ремеслу», там во все времена отменно знают, что полководческая слава – самая дорогая на свете – она «покупается» «морем» крови (своей и чужой) и смертями «бесчисла» (с обеих сторон). *(между прочим, раньше, чем Наполеон Бонапарт!).*

Однако, несмотря на свою преданность революции и боевые заслуги перед нею, он не пользовался доверием якобинского правительства. Дезе неоднократно оказывался в шаге от революционной гильотины. Комиссары Конвента – «кумачевая сволоочь» – ходили вокруг этого выпускника Королевской военной школы как «коты вокруг свежей сметаны». Дезе хоть и беднейшего, но чистокровного аристократа, у которого 17 родственников, в том числе, два родных брата эмигрировали, в Париже опасались, считая роялистом. Утверждению такого мнения о нем среди якобинского руководства способствовало не только бывшее выступление Дезе в защиту королевской власти летом 1792 г., но и его отрицательное отношение к кровавому террору, развязанному якобинцами в стране, которое генерал и не думал скрывать, а также его открытое возмущение казнью генерала А. де Кюстина и насилием, проявленным якобинскими властями по отношению к его матери и сестре, брошенными в тюрьму по надуманному обвинению в «контрреволюционной деятельности».

Спустя некоторое время именно Дезе, уже ставший к тому моменту генералом, своей властью спасает от эшафота, попавших под подозрение эльзасских немцев, вступивших в сотрудничество с вошедшими в Эльзас пруссаками. Это был тяжелый проступок по кодексу революционной дисциплины.

Несмотря на самые лестные отзывы о Дезе не только командующего Рейнской армией генерала Шарля Пишегрю, но и «злого гения» французской революции Луи Сен-Жюста (комиссара Конвента при Рейнской армии), Конвент (якобинское правительство) снова распорядился об его аресте. Правда, когда комиссары явились в лагерь за Дезе, судьба явно хранила Луи-Шарля, солдаты, обожавшие своего начальника, обнажили штыки и прогнали их. В общем, обошлось и на этот раз. Якобинские главари, боявшиеся армии, оставили Дезе в покое.

И уже 28 мая 1794 г. Дезе принимал участие в сражении при Киррвейлере, которое закончилось для французов крайне неудачно и это – еще литературно выражаясь.

Возглавляя одну из дивизий Рейнской армии, Дезе успешно действовал в кампаниях 1794 и 1795 гг., неоднократно подтверждая свою высокую боевую репутацию. Его слава гремела по всем фронтам Республики. В 1796 г., находясь в Рейнско-Мозельской армии (ею командовал прославленный генерал Моро), которая считалась главной и самой лучшей армией Французской республики, Дезе участвовал в походе за Рейн.

Как всегда, его действия в Германии отличались большим искусством и смелостью. В результате внезапного и стремительного удара он разгромил корпус французских эмигрантов принца Луи Конде и овладел городом Оффенбург (на правом берегу Рейна, юго-восточнее Страсбурга). В сражении при Раштадте (на правом берегу Рейна, северо-восточнее Страсбурга) Дезе командовал левым крылом французской армии. Особенно отличился в ходе знаменитого отступления Моро из Баварии через горы Шварцвальд, в ходе которого, прикрывая отход главных сил, Дезе командовал аррьергардом армии, а затем упорной обороной плацдарма на правом берегу Рейна в районе Келя сковал действия всей австрийской армии эрцгерцога Карла. Он удерживал плацдарм до тех пор, пока всякая опасность для главных сил отступающей за Рейн армии Моро не миновала. Только после этого Дезе оставил занимаемый плацдарм. Его отход за Рейн ввиду многократно превосходящих сил противника был проведен блестяще.

И все же, именно ему пришлось подписать у австрийского эрцгерцога Карла и генерала Бельгарда капитуляцию кельского гарнизона 9 января 1797 г., когда стало окончательно ясно, что из-за деятельности «пятой колонны» Пишегрю французам под началом Моро не удастся удержать эти «ворота во Францию».

Его высоко ценят коллеги по смертельно опасному ремеслу (: ты – убил врага, : он – тебя...) будущие наполеоновские маршалы Сен-Сир и Виктор в своих мемуарах, в превосходных степенях, вспоминая о нем. А ведь оба были не только очень непростыми (!) людьми, но и очень крепкими профессионалами «без особо заметных слабых мест», немало повидавшими военачальников разного калибра за почти 20 лет сражений во славу французского оружия – самого агрессивного в Европе той поры! **сегодня а завтра** («извилистыми»; *это, не обижая их неласковыми эпитетами*

Дезе был небольшого роста, очень энергичным и подвижным человеком, имел слегка волнистые, очень черные волосы и смуглый цвет лица. Весь облик Дезе отражал целеустремленность его кипучей натуры. В обычной обстановке ему с большим трудом удавалось сдерживать свою быющую через край порывистость и нетерпение. Но в минуты опасности, в боевой обстановке он буквально преображался: ледяное спокойствие, железная выдержка и холодный расчет – все это неотъемлемые качества Дезе как военачальника. Одевался он всегда небрежно, а в боевой обстановке обычно спал на земле, чаще всего под пушкой, завернувшись в шинель. Питался, как правило, вместе с солдатами. Когда он бывал неправ, то всегда признавал свои

ошибки, какие бы последствия они не имели для дела борьбы за свободу Франции. Такое поведение естественно вызвало к нему всеобщую симпатию.

..., рассказывали, что ярким примером его бескорыстия и его честности вроде бы служит полулегендарный случай. Однажды Дезе приказал солдатам выкатить из своей палатки и доставить казначею армии бочонок с серебром, захваченный у австрийцев. Солдаты с трудом вынесли драгоценный груз, обливаясь потом и, поставив его в телегу, весело крикнули генералу, наблюдавшему за операцией: «Ну, если бы этот проклятый бочонок выкатился не из Вашей палатки. Он был бы, наверное, куда легче!» Впрочем, то ли – быть, то ли – небыль... *Между прочим*

Ранение вынуждает Дезе отправиться в тыл и он не успевает отличиться при вторжении Рейнской армии генерала Моро в Австрию. Пока он лечился, война с Австрией заканчивается: Бонапарт с блеском выигрывает Итальянскую кампанию 1796—97 гг. и Австрия выходит из войны.

Подобно многим другим французским генералам революционной армии того бурного времени Дезе профессионально-внимательно (пристрастно) следил за тем, как громил австрийцев в Италии столь удачливый «генерал Вандемьер» (Наполеон Бонапарт). Он желает непременно познакомиться лично с этим мгновенно невероятно прославившимся полководцем, который в считанные месяцы затмил своими успехами всех других видных генералов Французской республики и стал в системе ее военной иерархии звездой первой величины. С той поры Дезе открыто мечтает попасть под начало столь удачливого корсиканца.

Тонким чутьем талантливого полководца Луи безошибочно угадывает, какая блестящая будущность светит одному из главных героев Тулона – маленькому и невзрачному генералу Бонапарту. В частном разговоре с генералом Лораном Гувьионом Сен-Сиром Дезе доверительно признался, что как только позволит его рана, он хотел бы соединить свою судьбу с судьбой Бонапарта. «Я убежден, – говорил он -, что Моро никогда не совершит ничего великого, и что мы рядом с ним никогда не будем играть сколько-нибудь значительной роли, между тем, как Бонапарт будет покрыт такой славой, что часть ее, несомненно, упадет на его помощников!» Говоря так, Дезе как в воду глядел: блеск славы Наполеона, безусловно, золотил эполеты и аксельбанты его маршалов.

, Дезе был «рейнец», а Бонапарт, к которому он так стремился попасть – «итальянец»! Не следует забывать, что отношения между личным составом Итальянской и Рейнской армий складывались отнюдь не просто! «Рейнцы» считали себя выше всех, способнее всех других. Военные Рейнской армии полагали, что именно они выносят наибольшие тяготы войны и делают для победы больше других. «Рейнцы» были намного лучше укомплектованы, снаряжены и экипированы, что впрочем, не мешало «итальянцам» под началом Бонапарта бить врага гораздо эффективнее, чем их «северные» «братья по оружию»! Ко всему прочему, офицеры считали Бонапарта «паркетным» генералом, выскочкой, который получил генеральские погоны, расстреливая сограждан на улицах Парижа (подавление бунта 13 вандемьера). Недаром Бонапарта прозвали А командование Итальянской армией ему и вовсе дали «в приданое» за его супругой-«подстилкой» влиятельнейшего «директора» Барраса, чьи «расчудесные врата в рай распахивались» при виде любого влиятельного или перспективного «сабленосца» в генеральском мундире. Солдаты же Итальянской армии считали Бонапарта своим кумиром и чуть ли не Богом, к тому же относились к солдатам Рейнской армии с плохо скрываемым недовольством. Считается, что между ними свирепствовала настоящая вражда – жертвами не прекращавшихся дуэлей стали без малого 350 солдат и офицеров... *...Между прочим «генерал Вандемьер»! (Посланцем Бога на Земле)*

Дезе после завершения кампании 1796 г. смог-таки «пробить» себе командировку (по обмену боевым опытом) в Итальянскую армию. Бонапарт радушно принял знаменитого генерала, о боевых подвигах которого на Рейне он также был хорошо осведомлен. Знакомство,

к удовольствию обеих сторон, состоялось. Дезе был очарован не только приемом, который оказал ему командующий Итальянской армией, но и личностью этого человека. С этого времени Дезе сделался его горячим поклонником. Дезе также пришелся по душе Бонапарту. Поэтому когда Наполеон задумал предпринять очередную кампанию, сомнений у Дезе по поводу своего участия в ней не было. Бонапарт с большим удовольствием предложил ему командование одной из дивизий под своим началом.

Так сбылась мечта Дезе: он вошел в число ближайших боевых соратников Наполеона и вместе с Клебером оказывается в главных помощниках Наполеона, собирающегося совершить короткий бросок через Ла-Манш на «корень всей войны» – Лондон. Но по ряду объективных и субъективных факторов операция оказывается практически невозможной и два генерала отправляются вместе с победоносным Бонапартом в Египет, где оба подтвердят свою блестящую репутацию способнейших из французских генералов новой волны. Правда, храбрец Клебер остается в Египте а Дезе сможет вернуться в Европу, где совершить свой главный подвиг и *(как выяснилось навечно)*, **обессмертит свое имя.**

Именно там, в изматывающей борьбе с летучими мамелюкскими наездниками Мурад-бея – лучшей азиатской конницей той поры – в полной мере раскрывается замечательный талант Дезе-полководца.

Как известно, Египетская кампания (Восточный поход) генерала Бонапарта началась 19 мая 1798 г.

В этот день корабли французской эскадры и транспорты, имея на борту экспедиционную армию (ок. 38 тыс. чел. или 5 дивизий с 120 орудиями), покинули берега Франции и взяли курс на Египет. Примечательно, что из 31 генерала, составлявших командование армии, ок. 20 (одна треть!) являлись сподвижниками Бонапарта по его феерическому Итальянскому походу 1796—97 гг. Высадка войск на египетском побережье произошла 1—3 июля.

Последней высаживалась дивизия Дезе. После взятия Александрии (2 июля 1798 г.), в котором дивизия Дезе не участвовала, армия Наполеона направилась к реке Нил. Ее авангардом командовал Дезе. Не секрет, что тяжелейший переход по безводной песчаной пустыне, во время которого в изнуренных палящим зноем и невыносимой жаждой войсках едва-едва не вспыхнул мятеж, был осуществлен за трое суток.

И уже 13 июля возглавляемый Дезе авангард в бою при Уамбо (Шебрейс) на левом берегу Нила наголову разгромил передовой отряд (свыше 4 тыс. чел.) армии мамлюков Мурад-бея и двинулся на Каир. 21 июля 1798 г. произошло знаменитое сражение у Пирамид, в котором Дезе командовал правым крылом французской армии и именно по нему мамлюкская конница Мурад-бея нанесла свой главный удар. Все яростные атаки противника разбились о несокрушимую стойкость французских каре дивизии Дезе и мамлюки потерпели сокрушительное поражение. 24 июля французы заняли главный город Египта – Каир. Однако полностью уничтожить армию врага им не удалось, ее остатки начали отступление в Верхний Египет.

Их преследование Бонапарт поручил Дезе, который должен был завоевать Верхний Египет и завершить уничтожение неприятельской армии. Главнокомандующий армией особо подчеркнул, что эта задача является главной в данный момент для Восточной армии.

Кампания в этой части Египта продолжалась более 9 месяцев (с августа 1798 г. по май 1799 г.). Все это время Дезе, располагавший весьма ограниченными силами (до 3 тыс. чел. с 2 орудиями), неутомимо гонялся за неуловимым Мурад-беем, имевшим многократное численное превосходство (свыше 10 тыс. чел.). Не давая противнику ни малейшей передышки, французы проводили многочисленные рейды с целью разгрома его отдельных группировок, отрядов или баз, усмирения взбунтовавшихся населенных пунктов или районов. Стычки с небольшими отрядами противника происходили постоянно. В ходе этой напряженной и изнурительной борьбы Дезе с непоколебимым упорством и настойчивостью решал поставленные перед ним задачи.

Наиболее крупные бои в ходе этой кампании произошли под Седиманом (7 октября 1798 г.), Самхудом (22 января 1799 г.) и Абиудом (8 марта 1799 г.). Все они закончились поражениями врага, несмотря на его серьезное превосходство. Но только к концу мая 1799 г. основные силы мамлюков были уничтожены, и покорение Верхнего Египта завершено. Мурад-бей был вынужден прекратить сопротивление, изъявить покорность и признать установление французского правления в Египте.

За время своего пребывания на юге Египта Дезе показал себя умелым и умным военным администратором. В Египетской армии Дезе пользовался тем же обаянием, как и в Рейнской. Подобно знаменитому французскому средневековому рыцарю-герою Баярду, его называли рыцарем без страха и упрека. Наполеон также очень ценил заслуги Дезе и за подвиги в Египте прислал ему дорогую наградную саблю.

Секретно покидая 24 августа 1799 г. Египет, Бонапарт в числе наиболее близких к нему генералов намеревался забрать с собой и Дезе. Однако ввиду поспешности отъезда, подготовка к которому проводилась в строжайшей тайне и в очень ограниченное время, своевременно вызвать Дезе из Верхнего Египта не представлялось возможным. Поэтому Бонапарт передал своему преемнику на посту главнокомандующего Восточной армией генералу Клеберу просьбу отправить Дезе во Францию при первой же возможности. Такая возможность появилась только после заключения Клебером Эль-Аришского договора с Турцией (24 января 1800 г.) о перемирии и последующей эвакуации французских войск из Египта на почетных условиях.

Дезе отправился во Францию сразу же после заключения соглашения в Эль-Арише. Его сопровождал английский офицер, который должен был наблюдать за соблюдением оговоренных в договоре условий. Но Коварный Альбион («океанократы» -британцы) отказались признать этот договор, и под их давлением турки разорвали его. Разрыв договора произошел в то время, когда Дезе уже находился в пути. По прибытии в итальянский порт Ливорно (Тоскана) он по распоряжению английского адмирала Д. Кейта был задержан и объявлен военнопленным. Арестованному и доставленному к нему французскому генералу англичанин высокомерно заявил, что выделяет на его содержание в тюрьме по 1 франку в день и с издевкой добавил: «Я полагаю, что вы, объявившие у себя принцип всеобщего равенства, будете вполне довольны, если я буду кормить вас наравне с солдатами?» – «Я всем доволен адмирал, – ответил Дезе. – Но я имел в Египте дело с турками, мамлюками, арабами и неграми, и все они держали свое слово, которое не сдержали вы. Единственное, о чем я прошу, это чтобы вы избавили меня от своего присутствия».

Пробыв месяц в плену, Дезе был освобожден по обмену и прибыл во Францию как раз в то время, когда Наполеон Бонапарт завершал подготовку к своему Второму Итальянскому походу 1800 г. В армию Наполеона он явился всего за несколько (2?) дней до судьбоносного как для последнего, так и «монархической старушки Европы» сражения при Маренго на специально нанятом дилижансе. Рассказывали, что Наполеон был несказанно обрадован прибытием своего боевого сподвижника, сразу же, отложив все дела, принял его и имел с ним продолжительную беседу. Дезе был назначен командиром корпуса, состоявшего из двух дивизий...

Бонапарт направил его с корпусом из двух дивизий генерала Жана графа де Будэ (1769—1809) и Жана-Шарля Моннье (1738—1816) по дороге в Нови – отрезать путь австрийскому главнокомандующему Меласу, если он двинет туда войска. Приказав при этом слушать: не начнется ли артиллерийская канонада.

Неожиданно для Наполеона рано утром 14-го июня 1800 г. началось сражение.

К Дезе, с которым со времен Египта Наполеон был в дружеских отношениях, понесся скорее не приказ, а послание-мольба: «Я хотел атаковать Меласа. Но он напал на нас первым. Бога ради, возвращайся скорее, если сможешь!». Мужество и героизм французов не могли спасти положения. Поле боя, усеянное их телами, оставалось за численно превосходившими

австрийцами. Бонапарт же с бледным, неподвижным лицом стоял, окруженный адъютантами, глядя на проходящие мимо него отступающие полки.

Сражение проиграно!?

Но, как оказалось, не все еще было потеряно. Наполеону доложили, что Дезе, как только услышал гром канонады, сам дал приказ шедшей в его арьергарде 6-тысячной дивизии Будэ повернуть и форсированным маршем идти на выручку главным силам. Бонапарт считал минуты. «Держитесь! Держитесь!» – кричал он солдатам. Но армия отступала на всех участках.

Три часа дня. Огонь затихал с обеих сторон.

И вот в этот последний миг подоспел сам Дезе с дивизией Будэ. Оглядев печальную картину проигранной битвы и вынув из кармана часы, забрызганный грязью, Дезе хладнокровно сказал: «Первое сражение проиграно. Но еще есть время выиграть второе». Бонапарт, выйдя из оцепенения, стремительно составил план второго сражения, перегруппировывая все оставшиеся у него боеспособными силы. Основной удар надлежало нанести силам Дезе.

...Он шел впереди атакующей колонны, когда вражеская пуля пробила ему сердце. Падая, он успел лишь произнести: «Это – смерть»...

А ведь он явно предчувствовал скорую гибель: за несколько мгновений до нее, он поделился тревогой со своими адъютантами: «Мы давно не сражались в Европе и ядра от нас отвыкли»...

Битва при Маренго давно уже стала классикой. Причем, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова: гастрономы до сих пор предлагают легендарное ресторанное блюдо – «цыпленок а la Marengo»! Это сражение, в несколько часов решившее исход кампании, изучают в военных академиях как образец полководческой... изворотливости. Но все реже вспоминают имя того, кто в действительности изменил ход исторической битвы, – имя 31-летнего генерала Дезе....

Дезе успел прийти во время и спасти генерала Бонапарта! Его контрнаступление оказалось неотразимым. Поле боя перешло в руки французов. Враг поддался панике и обратился в бегство. Проигранное было по всем статьям, это сражение было благодаря его невероятной расторопности и недюжинному полководческому чутью выиграно!

Случайность в лице Дезе спасла Наполеона от первого в его карьере поражения и пройдет еще много лет, прежде чем это случится. Сам спаситель нашел свою героическую смерть в этой судьбоносной для Бонапарта и дальнейшего хода европейской истории битве.

Отдавший жизнь за Отечество, безусловно, «одна из самых ярких звезд революционной армии», сделавший блестящую военную карьеру в рядах республиканской армии (в 25 лет став генералом!), Луи-Шарль-Антуан Дезе (дез Э де Вуату) был убежденным республиканцем, горячим патриотом своей родины, искренним сторонником кардинальных преобразований в общественно-политическом устройстве страны.

Дезе был из той редкой породы людей, что никогда не изменяет друзьям ни в счастье, ни в несчастье. Наверняка, его военный талант раскрылся бы еще больше, но ему не повезло: он погиб как орел на взлете – Дезе было всего лишь 31 год.

С первых же дней революции, несмотря на то, что был офицером «старого режима», и по происхождению, и по воспитанию принадлежал к первому (дворянскому), правящему в стране сословию, он безоговорочно принял ее идеалы и всю свою недолгую, но яркую жизнь посвятил делу защиты революционных завоеваний французского народа. По своим политическим взглядам он, скорее всего, принадлежал к умеренным республиканцам, хотя своих политических пристрастий старался открыто не высказывать и вообще стремился всегда держаться подальше от политики. Вместе с тем известно его крайне отрицательное отношение ко всякого рода радикальным элементам в революционном движении, выступления против массовых репрессий, захлестнувших страну в период якобинской диктатуры.

Дезе пользовался большой популярностью в войсках за постоянную заботу о своих подчиненных, благородство души, открытый характер, честность, скромность, справедливость, доступность и простоту в общении. Ему было присуще какое-то особенное, только ему свойственное обаяние. Солдаты и офицеры искренне любили его, генералы уважали за боевую доблесть, самоотверженность и неустрашимость в бою.

По мнению современников, Дезе был предан только боевой славе и жил только ради нее, пренебрегая всем прочим. В то же время он проявлял полное равнодушие к наградам и разного рода почестям, которые добытая в боях слава могла бы ему принести. Он жил только войной и боевой стихией. Богатство и прелести жизни совершенно его не интересовали.

Дезе проявил себя как искусный мастер маневренной войны. Наряду с другими известными военачальниками революционной армии он являлся одним из если не основоположников, то пропагандистов-практиков активно внедряемой в то время тактики, основанной на боевом применении колонн линейной пехоты в сочетании с рассыпным строем стрелков.

Этот способ ведения боевых действий, отчасти, рожденный революцией (об это говорили еще в середине XVIII в. французские военные теоретики и на практике применяли русские полководцы Румянцев с Суворовым), показал свою высокую эффективность в борьбе с противником, придерживавшимся уже устаревшей линейной тактики.

Характерными чертами Дезе как военачальника были: его высокая активность, смелость и решительность при ведении боевых действий, постоянное стремление к проявлению разумной инициативы на поле боя, поиск новых, более совершенных способов решения боевых задач, что особенно наглядно проявилось во время Египетского похода. *убедительный пример тому – очень своевременный приход на поле сражение при Маренго*

В боевой обстановке Луи-Шарль-Антуан проявлял большую настойчивость, твердость и находчивость, отличался быстротой реакции на любые изменения в обстановке и не терял присутствия духа в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Захватив инициативу в ведении боевых действий, он всегда стремился максимально использовать достигнутое преимущество и навязать свою волю противнику. Дезе в полной мере обладал редким даром увлекать войска на решение боевых задач в самых сложных условиях обстановки, вдохновляя их при этом личным примером: в последнем для себя роковом сражении при Маренго сам возглавил атаку и пал смертью храбрых!

Луи-Шарль-Антуан отличался храбростью, мужеством и военным талантом в боях с интервентами и довольно быстро снискал славу одного из лучших генералов революционной армии. Он проявил себя как талантливый военачальник, обладавший незаурядными полководческими дарованиями, убедительно доказав это в ходе боевых операций на Рейне, в Египте и Италии. Боевые заслуги Дезе, его преданность делу революции и военный талант получили такую широкую известность, что даже во время чистки армии от офицеров-дворян, организованной якобинцами, для него все же пришлось сделать исключение.

Его имя и боевая слава облетели все фронты Французской республики, получили широкую известность в стране. Наряду с Гошем, Клебером, Марсо и некоторыми другими военачальниками Дезе представлял собой необыкновенно привлекательный тип генерала революции, безумно храброго, совершенно бескорыстного, проникнутого горячей любовью к родине. Подобно легендарному рыцарю Баярду (очень популярное сравнение среди даровитых революционных генералов!), это был в полном смысле слова «рыцарь без страха и упрека».

По свидетельству многих современников, лишь очень немногие из генералов французской революционной армии обещали так же много, как Дезе. По мнению некоторых исследователей эпохи Революционных войн, Дезе был, пожалуй, самым блистательным из молодых полководцев Республики. Его ранняя гибель (Луи-Антуан геройски пал в расцвете сил на поле брани, когда ему было – повторимся – всего 31 год) явилась тяжелой утратой для революционной армии Франции.

Даже весьма скупой на похвалы Наполеон считал из всех своих генералов наиболее даровитыми Клебера и Дезе. По странному совпадению оба этих генерала погибли в один и тот же день – (14 июня 1800 г.) и, возможно, тот же час (?), когда австрийская пуля сразила генерала Дезе при Маренго, от кинжала фанатика (?), подосланного врагами Франции, либо все же сабли мамелюка (?) пал в Египте его лучший друг Клебер! (*исторический парадокс?*)

Не исключено, что в тот роковой для них день Франция лишилась сразу двух своих лучших шпаг, поскольку вряд ли кто-либо из наполеоновских маршалов, даже Массена и Даву с Ланном (?) могли сравниться своими дарованиями с Клебером и Дезе? Сам Наполеон, уже будучи в изгнании на о-ве Св. Елены с большим почитанием высказывался о Клебере и особенно о близком ему Дезе. «Из всех моих помощников на поле боя, – вспоминал, – именно они были самыми выдающимися. Оба они оказали великие и редкие услуги Франции, хотя они по характеру и по основному устремлению были глубоко различны. Талант Клебера был создан природой. Талант Дезе был целиком делом воспитания и работы. Гений Клебера вспыхивал лишь моментами, когда его пробуждала важность обстоятельств. Потом Клебер засыпал немедленно на лоне томной неги и удовольствий. Талант Дезе был на страже каждое мгновение. Он жил и дышал лишь самым благородным честолюбием и самой настоящей славой».

Последний Демон Войны

И наконец, Дезе обладал столь необходимым по мнению Бонапарта для великого полководца качеством как ... **равновесие между талантом, умом и характером**

Свой самый блистательный военный подвиг Дезе совершил в последний день своей короткой, но славной жизни – в день сражения при Маренго. Подоспев на помощь разбитой армии Наполеона в последний, самый решающий момент, он обеспечил перелом в ходе сражения и в буквальном смысле слова вырвал победу из рук врага, заплатив за это собственной жизнью.

являлся истинным победителем при Маренго, главным героем этого знаменитого сражения, ставшего одним из классических примеров военной истории. **Именно Дезе**

спас Наполеона от позора первого бы в его жизни крупного поражения. **Именно он**

Правда, со временем, как это нередко бывает в истории, победа при Маренго стала безоговорочно преподноситься исключительно как великая победа Наполеона.

еще в начале своей фантастической военной карьеры (в частности, в ходе Итальянской кампании 1796—97 гг.) «генерал Бонапарт» начал приукрашивать свои отчеты о своих победах, зачастую приписывая себе то, Со временем он так «отредактирует» официальный бюллетень о судьбоносной для него лично битве при Маренго (когда его по счастливой случайности спас генерал Дезе), что по словам активного участника того сражения Мармона, для последующих поколений была выдана столь «достоверная информация», . Это укрепляло дух гражданского населения и было обязательным для оглашения вслух на всей территории Франции. Нечто похожее случится и с «режиссурой» самой прославляемой в веках победой Бонапарта при Аустерлице. По словам видного французского историка Ж. Тюлара в своих бюллетенях Наполеон «...рисуется» для своих современников и для последующих поколений». А уж когда наступит время «трудных или неполных побед» (Ваграм, Бородино, Лютцен, Баутцен), сомнительных «ничьих» (Прейсиш-Эйлау), тем более, неудачных кампаний (война на Пиренеях, поход в Россию в 1812 г., Саксонская кампаниях 1813 г.) и, конечно, поражений (Асперн-Эслинг, Вязьма, Красное, Лейпциг), то наполеоновские бюллетени будут все лаконичнее. А Ватерлоо и вовсе оказался «омрачен прилетом» («внезапной/ых, роковой/ых, случайно-сти/ей»? впрочем, есть и другие трактовки этого «афоризма», весьма, кстати, нынче популярного среди «политологов-социологов-конфликтологов» и прочих модных «...ологов/олов») – своевременным приходом пруссаков Блюхера, «объегорившего с помощью своего саксонского генерала Тильмана, кстати, когда-то служившего в наполеоновской армии, новоиспеченного маршала Груши». Впрочем, так было, так есть и так будет у всех народов, тем более, с автори-

тарным правлением. *...Между прочим, целой стаи черных лебедей чего не было вообще, либо то, что совершали другие. в которой уже ложным было все все что-то вроде их*

А вотимя Дезе – истинного победителя – стало упоминаться все реже и реже, память о нем постепенно тускнела и стиралась в сознании последующих поколений, пока окончательно не исчезла.

Такова несправедливость истории! Но Дезе только одна из многих и далеко не последних жертв исторического забвения.

Уцелей он в той злосчастной для него битве при Маренго – и нет никакого сомнения, что через 4 года его имя (как, впрочем и Гоша с Марсо, и Жубера с Клебером) засверкало бы среди других славных имен первых маршалов наполеоновской империи. Причем, очень может быть, что именно Дезе (или Гош?) возглавил бы этот список.

Но... судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

Бонапарт, возлагавший на Дезе огромные надежды – он собирался поручить ему пост военного министра в своем правительстве – открыто и искренне скорбел о погибшем друге. Дезе был из той редкой породы людей, что никогда не изменяет друзьям ни в счастье, ни в несчастье. Впервые армия видела его плачущим: «О, как прекрасен был бы этот день, если бы я мог сейчас обнять Дезе!» В ближайшем окружении Наполеона было очень немного людей, к которым он испытывал такую же дружескую привязанность, как к Дезе. Недаром в письме своим коллегам по консулату он горько сожалел: «Я скоро буду в Париже. Ничего не могу сказать вам более. Я испытываю самую острую боль от потери человека, которого любил и ценил более кого-либо».

Как потом писал Мармон несмотря на то, что штаб Бонапарта был полностью укомплектован, после Маренго он в память о погибшем друге, спасшем его карьеру, приблизил к себе двух адъютантов Дезе – сорвиголову Раппа и Савари, человека совсем иного «дарования».

Наполеон велел похоронить погибшего героя на знаменитом альпийском перевале Сен-Бернар, в монастыре Большой Сен-Бернар с небывалой торжественностью 19 июня 1800 г. «Пусть Альпы, – сказал он, – служат пьедесталом его памятника и святые отцы – хранителями его могилы». Не забыл Бонапарт Дезе и спустя 21 год: рассказывали, что умирая в ссылке на о. Св. Елены, в агонии еле слышно прошептал: «Дезе! Дезе! Ах, решается судьба победы!»

Наверняка, его военный талант раскрылся бы еще больше, но ему [как впрочем, и Марсо и Гошу, и Жуберу с Клебером – другим ярчайшим французским военачальникам той богатой на полководческие таланты поры!] не повезло: он погиб как орел на взлете, отдав армии 17 лет, он не дожил до 32 лет всего лишь пару месяцев... Обычно герои долго не живут... *(повторимся!)*

Он вошел в историю как один из наиболее талантливых военачальников французской революционной армии эпохи Великой французской революции и в последующие за ней годы. Дезе по праву занимает одно из самых почетных мест в ряду самых прославленных героев французской революции конца XVIII в.

В честь Дезе была выбита медаль, ему были поставлены памятники: у Маренго, на том, месте где он пал (), а также фонтан на площади Дофин в Париже. Впоследствии имя Дезе было выбито и на Триумфальной арке в Париже...» *австрийцы впоследствии уничтожили этот памятник, его копия установлена в Клермон-Ферране*

«Бывалый» (Дюмурье)

Сугубо факты:

Генерал-лейтенант (6 февраля 1792 г.) родился 26 января 1739 г. в Камбрэ во Фландрии в семье офицера Анн-Франсуа дю Перрье дю Мурье. **Шарль Франсуа (дю Перье)**

Поступил на службу в Королевскую армию и в 19-летнем возрасте получил боевое крещение будучи корнетом кавалерийского полка д'Экара, в чине капитана участвовал в Семилетней войне (1756—63), в течение которой получил 22 ранения, попал в плен и вернулся во Францию лишь в 1761 г.

Предлагал свою службу правительству Генуи, затем корсиканским повстанцам Паоли, но везде получил отказ. Составил план оккупации Корсики и представил его всесильному герцогу Шуазелю (1719—1785), который план отверг, но поручил молодому офицеру секретную миссию в Мадриде. После возвращения во Францию участвовал в 1768 г. в экспедиции на Корсику, только что приобретённую Людовиком XV у Генуи.

В 1770 г. послан французским правительством в Польшу для преобразования ополчения конфедератов в регулярную армию, возглавил их отряд (5 тыс. чел.), но потерпел поражение от российских войск Суворова под Ландскроной и был отозван.

В 1772 г. по поручению герцога де Брольи (1718—1804) отправился с тайной миссией в Швецию, чтобы содействовать королю Густаву III (1746—1792) в его борьбе против аристократов, но по приказанию министра герцога д'Эгильона (1720—1788), которому об этом ничего не было известно, был задержан в Гамбурге и препровождён в Королевскую тюрьму Бастилию. Затем содержался в тюрьме в Кане и получил свободу только после воцарения короля Людовика XVI, который произвёл Дюмурье в полковники и направил в Лилль, а затем назначил комендантом Шербура. В 1787 г. – бригадир, 9 марта 1788 г. – полевой маршал, в 1789 г. – управляющий Каннского Замка и командир Национальной гвардии Шербура.

Когда 18 июля 1789 г. Замок был взят приступом мясниками и чернью, Дюмурье спокойно принял трёхцветную кокарду и этим поступком восстановил в городе порядок без всякого кровопролития, в том же году отправился в Париж, где безуспешно предлагал королю план обороны Бастилии.

В 1790 г. стал членом Якобинского Клуба и близко сошёлся с Мирабо, Жансонне и генералом Лафайетом. В 1791 г. принял главное командование в Вандее, примкнул к жирондистам и, благодаря их влиянию, произведён 6 февраля 1792 г. в генерал-лейтенанты.

С 15 марта по 13 июня 1792 г. занимал пост министра Иностранных дел, распустил Конституционную гвардию короля, добился выхода в отставку министров Ролана, Сервана, Клавьера и 12 июня был назначен военным министром.

Однако, после бегства генерала Лафайета подал 15 июня 1792 г. в отставку с поста министра и возвратился на действительную службу с назначением командиром дивизии в Северной Армии генерала Люкнера.

После событий 10 августа 1792 г. возглавил 17 августа Северную Армию, с ней торой совершил успешное замечательное отступление через Аргонский лес, 20 сентября 1792 г. остановил продвижение пруссаков при Вальми, 1 октября 1792 г. назначен главнокомандующим Арденнской Армии (28 тыс. чел.), после чего перешёл в контрнаступление.

Вместе с тем, вёл секретные переговоры с королём Пруссии и взамен на информацию о планах вторжения генерала Кюстина **надеялся получить Бельгию с титулом герцога Брабантского.**

26 октября 1792 г. в Валансьене призвал бельгийцев восстать против Австрии, 27 октября вторгся в Бельгию и 6 ноября 1792 г. в сражении при Жемаппе нанёс австрийцам сокрушительное поражение, отдавшее всю страну в его руки.

В декабре 1792 г. возвратился в Париж, чтобы попытаться спасти Людовика XVI, но был разоблачен и военным министром Пашем, обвинившим его в дезорганизации войск. 26 января 1793 г. оставил Париж и 2 февраля во главе Северной Армии (13.5 тыс. чел.) вторгся в Голландию, захватив Бреду и Берген-оп-Зом. *монтаньярами*

Тем временем правительственные комиссары самовластно распоряжались в Бельгии и деморализовывали его армию, а для продолжения войны в Голландии Конвент отказал ему в средствах.

18 марта 1793 г. Дюмурье потерпел поражение от австрийских войск принца Кобургского в сражении при Неервиндене.

Предвидя репрессии, вступил с принцем в переговоры и решил вести армию на Париж, **чтобы свергнуть Конвент и восстановить конституционную монархию.**

2 апреля 1793 г. в его лагерь близ Конде явился военный министр Бернонвиль в сопровождении четырёх комиссаров – в их намерения входило арестовать Дюмурье и привлечь его к ответственности. Однако, генерал сам арестовал прибывших и отправил их пленниками в австрийский лагерь (комиссары провели в тюрьме Ольмюца тридцать месяцев). После этого он обратился к войскам с прокламацией о восстановлении королевской власти, но его обращение не вызвало сочувствия и когда большая часть армии отказалась повиноваться, Дюмурье 5 апреля 1793 г. вынужден был бежать к австрийцам с 1.5 тыс. своих сторонников.

После долгих скитаний по Европе (в 1800 г. он был в России и безуспешно предлагал свои услуги Императору Павлу I) генерал Дюмурье поселился в Англии, правительство которой назначило ему пенсию в 1.2 тыс. фунтов стерлингов за исполнение шпионских миссий. В 1805 г. находился при Прусском дворе, в 1807 г. в Швеции, в 1808 г. предложил свои услуги Португалии, затем прибыл в Испанию, где составил известный труд «*Pardidas guerillas*», ставший учебником партизанской войны. С 1812 по 1814 год – советник министерства лорда Кастльри, давал совету лорду Веллингтону во время Пиренейской войны и вторжения союзников во Францию в 1814 г.

В марте 1822 г. удалился на ферму Турвиль-Парк в графстве Букингем, где занялся сельским хозяйством.

Умер 14 марта 1823 г. в возрасте 84 лет, похоронен в церкви Хенли. Автор мемуаров, изданных под названием «*Vie et ouvrages du general Dumouriez*» (1795 г.).

Имя генерала выбито на Триумфальной арке площади Звезды.

«Ключевые моменты» в биографии Дюмурье таковы:

– Генерал-майор (1792) и министр иностранных дел революционной Франции (1792), участник Семилетней войны, Французского завоевания Корсики (1768—1769), войны Барской конфедерации с Россией и революционных (победитель при Вальми, Жемапп – двух судьбоносных в истории революционной Франции!) войн (25 января 1739, Камбре – 14 марта 1823, Тервилл-Парк, Бакингемшир, Юго-Восточная Англия) родился в семье военного чиновника. (*маршал де камп*) **Шарль Франсуа Дюмурье (дю Перрье),**

– Окончил военное училище.

– В 19 лет Дюмурье поступил корнетом в Эскарский полк.

– Участвовал в Семилетней войне в кампании против англичан в 1759—60 гг.

– Проявил безумную отвагу: в бою у Клостеркампа он один бился против нескольких (20?) гусар и получил 22 раны: одна пуля застряла в книге, которую Дюмурье носил на груди, была сломана левая рука и её пришлось оперировать.

– Был взят в плен, и лишь в 1761 г. получил свободу.

– За свои подвиги Дюмурье получил от короля крест св. Людовика и пенсию в 600 ливров.

– С богатым запасом знаний, одаренный кипучей энергией философ и скептик Дюмурье не удовлетворен скромным положением, которое предлагала ему судьба и переполнен желанием играть первую роль, он не удержим в своем стремлении подняться на верх.

– Он безуспешно предлагает свои воинские услуги то Генуе против Корсики, то Корсике против... Генуи.

– Затем направляется в Корсику сражаться против Паоли и разбитый возвращается в Париж.

– Ни принципов ни убеждений у Дюмюрье, как истинного авантюриста не было.

– По приезде в Париж Шарль Франсуа Дюмюрье предоставляет министру Шуазелю сразу два проекта относительно Корсики: один для её освобождения, другой для её завоевания. Последний был одобрен.

– В 1768 г. удалось ему получить место генерал-квартирмейстера при экспедиции в Корсику.

– Там беспокойный по натуре Дюмюрье часто ссрился с военачальниками, к которым беспрестанно лез со своими идеями по завоеванию острова и настаивал на исполнении их.

– Потом Дюмюрье успел поучаствовать в войнах во Фландрии, в Португалии и Испании.

– Уже полковником в 1770 г. отправлен французским правительством в Польшу с офицерами и деньгами для Барских конфедератов, противостоявших российской экспансии. Там Дюмюрье самовольно сформировал отряд, но был разбит в мае 1771 г. в решающем сражении при Ланскороне Суворовым и за превышение своих полномочий и отозван.

– В 1772 г. отправился с тайной миссией короля в Швецию, но по приказанию министра д'Эгийона задержан в Гамбурге вместе с другими замешанными в этом деле (в частности, Жаном-Луи Фавье) и заключён в Бастилию.

– Лишь при следующем французском монархе – Людовике XVI – он был освобождён, ему вернули чин полковника и отправили в Лилль обучать солдат. Через некоторое время Шарль Франсуа Дюмюрье подал проект об организации в Шербуре морского порта (военной гавани) и крепости и после этого был назначен в 1776г. комендантом Шербура для заведования работами.

– С началом революции, Дюмюрье поехал в Париж, но ему не удалось сделаться депутатом при Генеральных Штатах, как он того желал. Он возвратился в Шербур, стал там начальником Национальной гвардии и своею твердостью сохранил порядок в городе и округе.

– В конце 1789 г. он возвратился в столицу.

– Двуличие и способность Дюмюрье к интригам позволяют ему подавать проект по защите Бастилии и в то же время заигрывать с революционерами. Он вступил в клуб и был послан в Бельгию для налюдения за ходом начавшихся там беспокойств. *якобинцев*

– По окончании этого поручения его назначили генерал-майором (маршал де камп) в 12-ю армейскую дивизию в Ниорте. Там он сблизился с жирондистами и при их содействии в начале 1792 г. был назначен министром иностранных дел, а потом военным министром.

– Под его влиянием была объявлена война Австрии, но вследствие первых неудач министерство пало, однако Дюмюрье сумел-таки попасть в действующую армию, где у него не сложились отношения с маршалом Люкнером.

– Правда, вскоре, после бегства Лафайета, когда армия оказалась на грани катастрофы 10 августа 1792 г., именно он был назначен главнокомандующим Северной армией.

– К этому времени относятся наибольшие успехи Дюмюрье в качестве военачальника. Ему посчастливилось ободрить дух в войсках восстановить в них некоторый порядок. Ему Франция обязана отражением первого удара коалиции, когда пруссаки уже угрожали столице. Дюмюрье совершил мастерское отступление через опасное дефиле в Аргонском лесу.

– После битвы при Вальми 20 сентября 1792 г. перешёл в наступление с частью войск, остальные поручив Келлерману и Валансу.

– Блестящая победа над австрийцами при Жемаппе 6 ноября отдала в его руки все Австрийские Нидерланды (Бельгию).

– В феврале 1793 г. Дюмурье двинулся из Антверпена, для вторжения в Голландию. Он овладел Бредою, Клундертом и Гертрюиденбергом.

– Правда, контрманевр принц Кобургского понудил его поспешно возвратиться к Брюсселю. Скоро стали возникать между ним и депутатами Конвента, находившимися при армии, споры, которые, наконец, обратились в открытую распрю.

– Депутаты уехали в Париж, чтобы готовить падение удачливого генерала.

– Со своей стороны Дюмурье, готовясь (если верить его запискам) к восстановлению конституционной монархии в пользу Людовика XVII, решил на сражение с австрийцами и потом, на лаврах победителя собирался обратить свои победоносные войска против злокозненного Конвента, отказавшего ему в средствах.

– И, все же, военная удача уже отвернулась от него 18 Марта 1793 г. – он был разбит при Неервиндене принцем Кобургским и часть его войск разбежалась. Тем временем снова «нарисовались» очередные депутаты от Конвента (Дантон и Лакруа), чтобы склонить Дюмурье к повиновению правительству, не без оснований обвиняя его в сепаратных сношениях с противником. –

– Строптивый генерал уже во всю «играл в свою игру»: понимая, что его падение-смирение (а там уже маячила и гильотина!) неизбежно, он вступил в переговоры с австрийцами. Он обязался освободить семейство Людовика XVI из заключения и на место тогдашнего правительства восстановить конституцию 1791 г. Его предложения были приняты и ему дали возможность беспрепятственно отступить и даже притянуть к себе, гарнизоны, оставленные в Голландии.

– Все его козни оказались известны в Париже: он сам в запальчивости высказал их при одном разговоре с депутатами Конвента, присланными для наблюдения за ним, и Конвент определил призвать его предстать перед революционным трибуналом. Исполнение этого было возложено на военного министра Бернонвилля и на депутатов Каню, Ламарка и Банкаля.

– Решительный и изворотливый Дюмурье арестовал их и выдал вражескому генералу Клерфе.

– 3 апреля он обратился к своим войскам, чтобы склонить их к принятию его действий против Конвента. Сперва, казалось, что они согласились на его предложения о восстановлении королевской власти; но вскоре после того, Дюмурье, подъезжая без конвоя к крепости Конде, встретил три батальона волонтеров, которые осыпали его градом пуль. Он спасся поспешным бегством и пешком дошел до австрийских форпостов.

– Видя, что австрийцы не очень-то заинтересованы в нем, он отправился в долгие скитания по Европе (в 1800 г. он был в России и предлагал свои услуги Павлу I).

– В конце концов, Дюмурье поселился в Англии, правительство которой назначило ему пенсию в 25 тыс. франков.

– В 1803 г., он на короткое время был придан герцогу Йоркскому в качестве военного советника.

– Умер один из главных героев Вальми и Жемаппа на чужбине в 84 года, 37 из них он отдал армии, дослужившись до генерала за почти 32 года.

– Его имя высечено под Триумфальной аркой.

– Кроме многих политических брошюр, он написал (1794; переизданы в , т. XI и XII, 1848). В сочинениях Дюмурье немало важных фактов для военной истории, но он не всегда оставался верным истине. *«Mémoires» «Bibliothèque des mémoires»*

«Аналитическая» версия военной карьеры одного из главных «заводил-бузотеров» войн революционной Франции предлагает следующее:

«...Сын военного чиновника, генерал-лейтенант (1792 г.) (25.01.1739 г., Камбре, – 14.03.1823 г., Тервил-парк, Англия) в молодости получил хорошее образование. **Шарль Франсуа дю Перье Дюмурье**

Одаренный большими способностями, Дюмурье блестяще закончил военное училище и в 1757 г. был произведен в офицеры (корнет). Службу начал в Эскарском гусарском полку. Участник Семилетней войны 1756—63 гг. Прибыл в полк сразу после окончания училища и в первых же боях показал себя храбрым и мужественным офицером.

Его храбрость нередко граничила с безрассудством.

Особенно отличился в сражении при Клостеркампе (1 июня 1758 г.), в котором французская армия генерала Клермона потерпела поражение от ганноверской армии. В ходе этого сражения Дюмурье один вступил в схватку с 20 вражескими гусарами, дрался как лев и, получив 22 раны, замертво был вынесен из боя.

Войну закончил в чине капитана. За свои боевые подвиги был награжден высшей боевой наградой того времени – орденом Св. Людовика и удостоен персональной королевской пенсии (600 ливров в год).

Вскоре после окончания Семилетней войны Дюмурье вышел в отставку. Чрезвычайно честолюбивый, одержимый неукротимым стремлением всегда играть первую роль, он не мог и не желал удовлетвориться скромным положением рядового армейского офицера, которое ему было уготовано в мирное время судьбой, и коротать свои будни в каком-нибудь гарнизонном захолустье. Прирожденная склонность к авантюризму, неудержимая страсть к приключениям, дух кондотьерства неумолимо влекли молодого Дюмурье в неведомые дали, туда, где можно было реализовать свои незаурядные, как ему казалось, способности (а о них Дюмурье всегда был самого высокого мнения), сделать быструю карьеру, обрести власть, славу и известность.

Он едет в Италию и безуспешно предлагает свои услуги то Генуе против Корсики, то Корсике против Генуи, изо всех сил стремится обратить на себя внимание, доказать свои способности, но... все тщетно.

Затем Дюмурье перебирается на Корсику и сражается там против вождя корсиканских патриотов П. Паоли, но после разгрома наемников корсиканцами спасается бегством во Францию.

Прибыв в Париж, он предлагает французскому правительству план завоевания Корсики. Пока рассматривается представленный им план, Дюмурье успел принять участие в боевых действиях во Фландрии, Португалии и Испании. Наконец план Дюмурье получил одобрение французского правительства.

В 1768 г. было решено предпринять военную экспедицию на Корсику с целью завоевания этого острова. Дюмурье был вновь принят на французскую службу и получил должность генерал-квартирмейстера штаба Экспедиционного корпуса. В период подготовки экспедиции и в ходе ее он проявил кипучую энергию, большие организаторские способности и высокую активность. В 1769 г. Корсика была завоевана французами. После освобождения в 1755 г. из-под власти Генуи этот остров в течение 14 лет сохранял свободу и независимость. И вот теперь вновь утратил свой суверенитет, попав под чужеземное иго.

Во время корсиканской кампании самонадеянный и амбициозный Дюмурье «отличился» тем, что постоянно ссорился с генералами, предлагая им все новые и новые свои проекты и планы, которые последние, как правило, дружно игнорировали. Тем не менее по окончании кампании Дюмурье был произведен в полковники.

По возвращении с Корсики он вскоре отправился в Польшу, где в 1770—71 гг. командовал отрядом конфедератов, сражавшихся против своего короля и пришедших ему на помощь русских войск. Был наголову разбит под Ландскруной Суворовым и отозван во Францию.

Затем король Людовик XV направляет его с тайным поручением в Швецию. Но еще до отъезда туда Дюмурье оказался замешанным в одну крупную политическую интригу при королевском дворе. Она была раскрыта, а ее участники арестованы. Успевший к этому времени уже покинуть Париж Дюмурье по приказу военного министра герцога д'Эгильона был

перехвачен в Гамбурге, арестован, доставлен в столицу и заключен в Бастилию. Там он просидел до смерти Людовика XV (до 1774 г.).

Вступивший на престол новый король Людовик XVI приказал освободить Дюмурье, возвратил ему чин полковника и назначил командиром полка в Лилле (Северная Франция).

Но такая работа была не по нраву Дюмурье. Через некоторое время он предлагает королю проект создания в Шербуре (Нормандия) морского порта и крепости. Проект был одобрен, и Дюмурье назначен военным комиссаром, которому поручено руководство всеми работами по строительству порта и крепости (1776). Затем он стал комендантом крепости Шербур и получил чин бригадира.

Двуличие Дюмурье и его патологическая склонность к интригам в полной мере проявились с началом Французской революции (1789 г.).

Сначала он попытался сделаться депутатом Генеральных штатов, созванных королем, чтобы найти выход из катастрофического положения, в котором оказалась страна в конце 80-х гг. XVIII в. Попытка Дюмурье избраться в Генеральные штаты закончилась неудачей.

Возвратившись в Шербур, он подает королю проект обороны Бастилии и одновременно начинает заигрывание с различными оппозиционными королевской власти группами, не примыкая ни к одной из них.

Когда во Франции повсеместно началось создание Национальной гвардии, он становится ее начальником в Шербуре. Своей твердостью и мужеством ему удалось сохранить порядок в крепости. В конце 1789 г. Дюмурье прибывает в Париж и к изумлению своих сослуживцев демонстративно вступает в Якобинский клуб, где примыкает к партии. От ее имени был направлен в Бельгию, а затем в Вандею для изучения политической обстановки в связи с начавшимися там волнениями. *жирондистов*

В 1790 г. при активном содействии своих новых друзей произведен в генерал-майоры и назначен командиром 12-й дивизии. В марте 1792 г. жирондисты пришли к власти. В кабинете, сформированном ими, (12 марта 1792 г.) Дюмурье получил портфель министра иностранных дел. *жирондистов*

Явился инициатором объявления войны Австрии (20 апреля 1792 г.), положившей начало эпохе Революционных войн Франции против антифранцузских коалиций европейских монархических держав, продлившейся свыше четверти века – до 1815 г. Однако вследствие первых военных неудач и обострения внутривнутриполитической обстановки правительство 12 июня 1792 г. пало. Но к этому времени Дюмурье уже разошелся с ними, которые утратили к нему доверие, и сблизился с *жирондистов якобинцами*.

В новом правительстве, в которое уже не вошли, он в июне 1792 г. занял пост военного министра. Тогда же он получил чин генерал-лейтенанта. Некоторое время Дюмурье пользовался доверием королевского двора, но быстро утратил и его. *жирондисты*

В июле 1792 г. вышел в отставку и добился назначения на должность командира дивизии в Северную армию. Однако командующий этой армией маршал Люкнер встретил Дюмурье очень холодно. Положение его в армии оказалось довольно шатким. Но судьба вновь улыбнулась ему. Искусная оборона Молдского лагеря укрепила его положение. К тому же и Люкнер вскоре был смещен со своего поста. В результате народного восстания 10 августа 1792 г. в Париже конституционная монархия во Франции была свергнута, и король Людовик XVI окончательно отстранен от власти.

Дюмурье одним из первых в армии приветствовал свержение монархии и заявил о своем безоговорочном подчинении новой, республиканской власти. Пришедшие к руководству страной республиканцы должным образом оценили лояльность Дюмурье – в середине августа 1792 г. он был назначен командующим Северной армией. Эта армия находилась тогда в весьма плачевном состоянии, но новому командующему благодаря предпринятым им энергичным усилиям удалось восстановить порядок в войсках и, главное, поднять их боевой дух.

К этому времени относятся наиболее блистательные успехи Дюмурье как военачальника.

Именно ему Франция обязана отражением первого нашествия интервентов. Удачная позиция в Аргоннском дефиле, выбранная им, позволила войскам Северной армии нанести первое поражение противнику. Затем последовало знаменитое сражение при Вальми (20 сентября 1792 г.), в котором возглавляемая Дюмурье Северная армия (40 тыс. чел.) вместе с Мозельской армией (18 тыс. чел.) генерала Келлермана нанесла первое в войне крупное поражение интервентам и остановила их победный марш на Париж. Общее руководство французскими войсками в этом сражении осуществлял Дюмурье.

Предоставив преследование начавшего отступление противника Келлерману, Дюмурье с главными силами своей армии двинулся на север. 6 ноября 1792 г., одержав новую блистательную победу в сражении при Жемапе, он вторгся в Бельгию. Целый ряд бельгийских крепостей [Брюссель, Антверпен, Люттих (Льеж) и др.] сдались французам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.